К77 5/21
Т.4

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

издаваемая подъ редакціей В. И. Шемякина.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Томъ IV.

ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ.

Составилъ П. Н. Луповъ.

Цѣна 30 коп.

856/3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.
1899.

Издательская Комиссія

Училищнаго Совѣта при Св. Сунодѣ

принимаетъ на себя **составленіе библіотекъ церковно-приходскихъ школъ** изъ тѣхъ книгъ, сокъ коихъ напечатанъ въ № 1 журнала «Народное Образованіе» и въ № 2 «Церковныхъ Вѣдомостей» (1896 года).

Стоимость библіотеки можетъ быть различна, по желанію, **отъ пяти рублей** и выше.

Комиссія не отвѣчаетъ за точность исполненія заказа въ тѣхъ случаяхъ, когда какихъ-либо книгъ не окажется въ продажѣ.

Собственныя изданія Училищнаго Совѣта отпускаются для начальныхъ школъ и книгопродавцевъ съ уступкою отъ 10 до 30%.

Съ заказами обращаться слѣдуетъ:

Въ С.-Петербургъ, въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ. Зданіе Святѣйшаго Сунода.

Ст К77 S/21

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

издаваемая подъ редакціей В. И. Шемякина.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Томъ IV.

ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ.

Составилъ П. Н. Луповъ.

856/3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.
1899.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 5072
14 III 1932 г.

Шифр
Инвентарный №

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приуральскій край занимаетъ восточную окраину Европейской Россіи. Въ составъ его входятъ четыре губерніи: Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская.

Край этотъ раскинулся на огромномъ пространствѣ (14.500 кв. миль) и заключаетъ въ себѣ около 9.000,000 населенія; богата и разнообразна природа его: непрерывные хвойные лѣса на сѣверѣ, густые лиственные лѣса южнѣе, обширныя пашни и луга и, наконецъ, обширныя степи—вотъ что встрѣтитъ каждый, если бы онъ вздумалъ пройти по этому краю съ сѣвера на югъ. Въ нѣдрахъ земли Приуральскаго края скрываются многочисленныя минеральныя богатства. Здѣсь цѣлыя горы лучшей въ мірѣ желѣзной руды (магнитнаго желѣзняка), богатыя мѣдныя, сѣрныя и серебряныя руды, жилы и розсыпи золота, платины, огромныя глыбы цвѣтныхъ камней (яшмы, малахита) и, наконецъ, драгоцѣнные камни (рубины, яхонты, топазы и даже алмазы). Здѣсь-же мы видимъ многочисленные соляные источники, неисчерпаемыя залежи каменной соли и каменнаго угля. Уже нѣсколько столѣтій рус-

скій человѣкъ извлекаетъ изъ нѣдръ земли указанныя сокровища и снабжаетъ ими всю Россію, а между тѣмъ и до сихъ поръ масса подземныхъ богатствъ остаются нетронутыми. Велико значеніе этого края для Россіи теперь, но еще болѣе оно увеличится въ будущемъ, когда усилится разработка подземныхъ богатствъ его.

Приуралье замѣчательно и тѣмъ еще, что это—край по преимуществу инородческій. Нигдѣ въ Европейской Россіи вы не встрѣтите такого разнообразія инородческихъ племенъ, какъ въ Приуральскомъ краѣ. Здѣсь живутъ пермяки, вотяки, бесермяне, татары, черемисы, мещеряки, башкиры, чуваши, мордва, зыряне, вогулы, киргизы; въ прежнее время кочевали въ Приуральи остяки, передвинувшіеся потомъ за Уралъ. Каждое племя ведетъ особый образъ жизни, имѣетъ свои нравы, обычаи.

Общій очеркъ Приуральскаго края.

Уральскіе горы начинаются невысокими холмами у береговъ холоднаго Карскаго моря, въ Березовскомъ округѣ Тобольской губерніи, и затѣмъ вступаютъ въ Архангельскую губернію, отдѣляя ее отъ Тобольской. Дальше къ югу Уральскій хребетъ постепенно поднимается и принимаетъ видъ высокихъ горъ и скалъ. Та часть Уральскаго хребта, которая прилегаетъ къ пустыннымъ и безлюднымъ берегамъ Карскаго моря, обыкновенно называется Сѣвернымъ или Полярнымъ Ураломъ; она тянется приблизительно на 700 верстъ. Крайнею оконечностью ея служитъ вершина, извѣстная подъ именемъ Константинова камня, названная такъ извѣстнымъ путешественникомъ Гофманомъ въ честь президента Императорскаго Географическаго Общества, Великаго Князя Константина Николаевича. Въ этой части Урала, какъ вообще въ полярныхъ странахъ, собственно два времени года: лѣто и зима. Настоящее лѣто наступаетъ только въ іюлѣ; тогда растительность быстро оживляется, берега рѣкъ пестрѣютъ цвѣтами, травы развиваются такъ быстро, такъ неожиданно, что черезъ нѣсколько

дней не узнаешь тѣхъ мѣстъ, на которыя смотрѣлъ еще недавно. Но съ первыхъ чиселъ августа начинаются туманы, скрывающіе окрестность; надъ горами появляются бѣлыя облака, ночью вода замерзаетъ въ рѣкахъ, въ половинѣ августа горы покрываются снѣгомъ, а со второй половины сентября уже устанавливается прочный санный путь. Въ окрестностяхъ горъ почти сплошь болота; деревья, растущія на нихъ, отъ избытка влаги и слабаго укорененія, рѣдко достигаютъ надлежащаго роста и стройности, обыкновенно же бываютъ низкорослы, чахлы, искривлены. Брусника, морошка, растущая въ чрезвычайномъ изобиліи и прекраснаго свойства, дикій лукъ, лишаи, или ягели и мхи,—такова растительность этого печальнаго и унылаго края. Низкорослая ива и кривая береза доставляютъ обитателямъ тундры, самоѣдамъ, единственное топливо.

Посмотримъ теперь, что за животныя попадаются здѣсь. Прежде всего, здѣсь масса птицъ, въ особенности болотныхъ; такъ, въ безчисленномъ множествѣ, по берегамъ источниковъ, попадаются бекасы, въ кустарникахъ—бѣлыя куропатки, на сучьяхъ вьютъ гнѣзда крупныя и мелкія птицы. Но здѣсь никогда не услышишь ихъ пѣнія; глубокая тишина и безмолвіе этихъ мѣстъ нарушается только рѣзкимъ крикомъ кедровки или свистомъ кулика. Всего лучше любятъ эти мѣста тетерева, перелетающіе съ мѣста на мѣсто безчисленными стаями. По тундрамъ бродятъ медвѣди, разыскивая себѣ кормъ, волки, которыхъ здѣсь ужасно боятся оленьи пастухи; изрѣдка попадается лисица всѣхъ оттѣнковъ

шерсти — отъ блѣдно-краснаго до совершенно темно-бураго, почти чернаго цвѣта, но всего болѣе здѣсь водится песцовъ, или, какъ ихъ еще называютъ, крестоватиковъ. За ними охотятся самоѣды—обитатели здѣшняго края. Подъ обломками камней живутъ горностаи и маленькія ласочки. Пищею всѣмъ этимъ звѣрямъ служатъ разнаго рода мыши, которыми изобилуетъ тундра. Большая бѣлая сова по цѣлымъ часамъ сидитъ надъ мышиною норкою, терпѣливо выжидая вѣрной добычи. Около озеръ тундры во множествѣ встрѣчаются гуси, чайки и разныя утиныя породы. Всѣ эти птицы прилетаютъ сюда для спокойнаго вывода птенцовъ и въ концѣ лѣта снова улетаютъ.

Незначительная ширина Уральскихъ горъ даетъ возможность обитателямъ обѣихъ ихъ сторонъ (Европейской и Азіатской) сообщаться между собою, перегонять свои стада оленей, перевозить товары для мѣноваго торга и проч. Эти переходы или перевалы не всегда бываютъ безопасны: частые ураганы (пурги) въ горахъ заставляютъ путешественниковъ иногда нѣсколько дней пережидать въ какихъ нибудь ущельяхъ у подошвы горъ, и горе имъ, если пурга застигнетъ ихъ въ самыхъ горахъ. Мѣстные жители, напримѣръ, зыряне, весьма хорошо знаютъ примѣты, по которымъ они могутъ заключить, будетъ пурга или нѣтъ. Если вершины горъ затянуты туманомъ, на подобіе бѣлаго разстилающагося дыма, то зырянинъ не отправится въ путь.

Обыкновенно вѣтеръ и мятель происходитъ только на одной сторонѣ Урала, въ то время,

когда на другой воздухъ спокоенъ. Поэтому нельзя быть впередъ увѣреннымъ, что, переѣхавъ Уралъ, не встрѣтишь дурной погоды. По этой же причинѣ туземцы, переѣзжая Уралъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на вершины: если онѣ чисты и не окружены туманомъ, то это признакъ, что переѣздъ черезъ горы свободенъ, хотя-бы въ долинѣ въ это время свирѣпствовала мятель. Иногда путешественники цѣлыя сутки ждутъ минуты, когда вершины горъ очистятся отъ окутывающаго ихъ тумана. Для путешественника настоящее бѣдствіе попасть на Уралъ въ концѣ января или въ февралѣ мѣсяцѣ: дорогъ никакихъ нѣтъ, и самому приходится прокладывать путь или бросать сани и отправляться на лыжахъ. *Нарты* [1]) и лыжи здѣсь въ высшей степени необходимы. Тотъ, кто не умѣетъ ходить на лыжахъ, будетъ принужденъ всю зиму сидѣть въ своей избѣ. Запасшись лыжами и нартами, здѣшніе жители отправляются на Уралъ для звѣриныхъ промысловъ. Иные туземцы такъ ловко ходятъ на лыжахъ, что въ состояніи пройти до 70 верстъ въ день. Когда Зырянинъ спускается въ оврагъ, то держитъ обѣ лыжи неподвижно, одну возлѣ другой, и стоя несется внизъ стрѣлою, не смотря на уступы и разныя неровности на снѣгу; есть молодцы, которые стоя соскакиваютъ съ одного уступа на другой, хотя бы въ сажень вышиной.

Въ предѣлахъ Пермской губерніи Уралъ все такъ же высокъ, какъ и на сѣверѣ: нѣкоторые

---

[1]) Легкія охотничьи сани для провизіи и дичи.

изъ его скалистыхъ гребней или „камней“, какъ, напримѣръ, Денежкинъ, Конджаковскій и др. имѣютъ около пяти тысячъ футовъ вышины. Склоны и долины Урала, по мѣрѣ приближенія къ югу, въ предѣлахъ Пермской губерніи, покрываются густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Чудно-хороши эти лѣса здѣсь. Сѣдыя мохнатыя ели съ побурѣвшими вершинами придаютъ горамъ суровое величіе; молоденькія пихты смѣло карабкаются по страшнымъ кручамъ, ихъ вершины рвутся въ небо прорѣзными стрѣлками. Темные сибирскіе кедры стоятъ тамъ и сямъ, точно бояре въ дорогихъ зеленыхъ бархатныхъ шубахъ; по мыскамъ, заливнымъ лугамъ и той полосѣ, которая отдѣляетъ настоящій лѣсъ отъ линіи воды, ютятся всевозможныя мелкія породы: тутъ качается и гибкая рябина, и душистая черемуха, и верба, и тальникъ, и кусты вереска, жимолости и смородины, и колючій шиповникъ съ волчьей ягодой; отдѣльными пролѣсками и островками стоятъ: горькая осина съ своимъ металлически-сѣрымъ стволомъ, безконечная родная каждому русскомъ сердцу кудрявая береза, изрѣдка липа со своей блѣдной мягкой зеленью. Непривычному человѣку тяжело въ густомъ лѣсу, гдѣ мохнатыя вѣтви образуютъ надъ головою сплошной сводъ, а сквозь него только, кой-гдѣ проглядываютъ клочья голубаго неба. Между древесными стволами, обросшими сѣдымъ мохомъ и узорчатыми лишаями, царитъ вѣчный полумракъ; свѣсившіяся лапчатыя вѣтви елей и пихтъ кажутся громадными руками, которыя, точно нарочно, вытянулись, чтобы схва-

тить васъ за лицо, пощекотать шею и оставить легкую царапину на память. Мягкій желтоватый мохъ скрадываетъ малѣйшій звукъ, и вы идете точно по ковру, въ которомъ пріятно тонутъ ноги. Какъ-то даже немного жутко сдѣлается, когда прямо съ солнопека войдешь въ густую тѣнь вѣковыхъ елей и пихтъ и кругомъ охватитъ мертвая тишина, которой не нарушаютъ даже птичьи голоса. Птицы не любятъ такого лѣса и держатся больше по опушкамъ, около лѣсныхъ прогалинъ и въ молодыхъ зарослях. Въ настоящую лѣсную глушь забираются только бѣлка да пестрый дятелъ, здѣсь-же по ночамъ ухаетъ филинъ и тоскливо надрывается лѣсная сирота-кукушка. За то какъ дорогъ и милъ такой дѣвственный лѣсъ тѣмъ людямъ, которые съ дѣтства знаютъ его, сроднились съ нимъ.

Страшныя опустошенія въ мрачныхъ и тѣнистыхъ лѣсахъ Уральскихъ горъ производятъ бури, ураганы и пожары. Особенно сильны вѣтры и бури въ сѣверныхъ частяхъ Урала. Здѣсь они иногда ниспровергаютъ все, встрѣчающееся на пути. Очевидцы этихъ бурь разсказываютъ, что трескъ ломающихся деревьевъ, громъ отъ ихъ паденія, отражающійся эхомъ въ горахъ, мѣшаясь съ жалобнымъ крикомъ птицъ и завываніемъ вѣтра, вызываетъ въ душѣ непреоборимое чувство страха, которому человѣкъ невольно подчиняется при видѣ обрушенія лѣсныхъ великановъ съ высокихъ скалъ Урала.

Громадные лѣсные пожары нерѣдко случаются на Уралѣ. Кто не былъ очевидцемъ ихъ, тотъ и не можетъ представить себѣ весь ужасъ кар-

тины лѣсныхъ пожаровъ: багровое зарево и клокотаніе, подобное шуму морскихъ волнъ или реву огромнаго водопада, говорятъ о приближеніи лѣснаго пожара; шумъ постепенно усиливается, черный дымъ и густые пары клубятся, затмѣвая солнце, и только багровое зарево, отражающееся на небосклонѣ, разливаетъ по окрестностямъ какой-то таинственный свѣтъ. Огненный вихрь съ страшнымъ ревомъ и визгомъ носится по вершинамъ деревьевъ и яркое пламя огней, мгновенно по нимъ взбѣгающихъ, разсѣкаетъ мракъ. Наконецъ, раскаленныя искры, носящіяся надъ головой, тлѣющіе пни, трескъ и гулъ отъ падающихъ деревьевъ довершаютъ печальную картину ужаснаго разрушенія. Послѣ пожара образуются гари, на которыхъ чаще всего выростаютъ лиственныя деревья. На прогалинахъ растетъ высокая трава и стоятъ одинокія деревья.

Въ этой части Урала находятся важнѣйшіе пріиски золота, серебра, желѣзныя, мѣдныя и другія руды, составляющія богатство Уральскаго хребта, который и называется здѣсь руднымъ. Всемірную извѣстность пріобрѣли горы Качканаръ, Благодать и Высокая, какъ богатѣйшія въ свѣтѣ мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ; одна гора Благодать даетъ въ настоящее время $1^1/_2$ милліона пудовъ руды въ годъ. Преданіе говоритъ, что руду здѣсь открылъ одинъ Вогулъ, по имени Степанъ Чумпинъ и донесъ объ этомъ русскому горному начальству, представивъ куски желѣзной руды, и что за это открытіе вогулы сожгли его живымъ на вершинѣ горы Благо-

дати. На мѣстѣ гибели Чумпина, наше правительство соорудило чугунный памятникъ.

Неистощимыя минеральныя богатства привлекли сюда населеніе, которое оживило пустынную глушь Уральскихъ горъ. Посреди лѣсовъ, необитаемыхъ до тѣхъ временъ, возникли заводы, пріиски казенные или частные, таковы: Богословскій, Нижнетагильскій, Невьянскій и другіе заводы. Всѣ они находятся на восточной сибирской сторонѣ Урала, на притокахъ Сибирскаго Тобола.

Въ окрестностяхъ Екатеринбурга Уралъ совершенно исчезаетъ, такъ что въ этомъ мѣстѣ образуются широкія естественныя ворота изъ Европы въ Азію; уже съ давнихъ поръ дорога въ Сибирь идетъ черезъ эти ворота на Екатеринбургъ. Путешественникъ и не замѣчаетъ, что онъ переваливаетъ черезъ горный хребетъ; объ этомъ напоминаетъ только мраморный столбъ у станціи Рѣшеты, поставленный на границѣ Европы и Азіи. Южнѣе Екатеринбурга Уралъ опять дѣлается высокъ, и здѣсь каменные гребни Яманъ-Туа, Иремель и Таганай не уступаютъ по высотѣ сѣвернымъ камнямъ. Начиная отъ этого мѣста Уральскія горы расходятся, расширяются и въ предѣлахъ Уфимской и Оренбургской губерніи образуютъ обширную горную страну, въ долинахъ которой родятся рѣки Уралъ и Бѣлая. Эта часть Урала часто называется Башкиріей и составляетъ одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Россіи. Здѣсь окружающая степь, тучная и плодородная, словно борется съ горами. Иныя горы, пониже, она побѣждаетъ

и покрываетъ до верху травой и цвѣтами; другія-же, угрюмыя, скалистыя обросли лѣсомъ, который иногда спускается и въ степную равнину. Солнце здѣсь грѣетъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ; іюльскіе жары доходятъ до 36° въ тѣни, на открытыхъ поляхъ поспѣваютъ дыни и арбузы; весною степь покрывается прекрасною душистою травою, которая, впрочемъ, въ іюнѣ и въ іюлѣ, къ сожалѣнію, выгораетъ отъ солнца.

Въ предѣлахъ Пермской и отчасти Оренбургской губерніи, Уралъ усѣянъ множествомъ большихъ и малыхъ озеръ; главная масса зауральскихъ озеръ находится въ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ Пермской губерніи; нѣкоторыя изъ нихъ (напр. озеро Увельде) занимаютъ около 60 верстъ въ окружности. Эти озера, соединенныя между собою протоками, имѣютъ громадное значеніе для всего горнозаводскаго края, служа для заводовъ какъ-бы запасными прудами. Воды сѣвернаго Урала отличаются отъ водъ средняго и южнаго. Сѣверныя рѣки, выходя изъ неприступныхъ болотъ, сначала текутъ по мелкимъ, узкимъ ложбинамъ и, усилившись нагорными ключами, углубляютъ свое русло и съ необыкновенною быстротою несутся между высокими и обрывистыми утесами; онѣ отличаются прозрачностью и обиліемъ воды. Судоходство здѣсь довольно затруднительно и даже опасно. Переправа черезъ рѣки производится съ большимъ трудомъ посредствомъ паромовъ, большихъ мостовъ и длинныхъ бревенъ. Рѣки средняго и южнаго Урала, круто падая съ горъ, бурны, мутны и маловодны; судоход-

ство по нимъ возможно только во время весенняго разлива или послѣ сильныхъ дождей. За то стоячія воды средняго и южнаго Урала имѣютъ большое преимущество предъ водами сѣвернаго. Мутныя озера сѣвернаго Урала большею частью переходятъ въ болота и тундры; въ среднемъ-же и южномъ Уралѣ онѣ отличаются вкусною, прѣсной и до того прозрачной водой, что на глубинѣ десяти аршинъ видно дно. Что касается равниннаго Пріуралья, по которому течетъ Кама съ Вяткой, Бѣлой и другими притоками, то оно на сѣверѣ имѣетъ суровый и дикій видъ. Здѣсь особенно извѣстны Чердынскія (Пермской губ.) и Кайскія (Вятской губ.) лѣсныя и болотныя трущобы. Но чѣмъ южнѣе, тѣмъ равнина дѣлается лучше, почва становится черноземною, растительность богатой и разнообразной. Уфимская губернія и часть Оренбургской составляютъ одну изъ богатыхъ мѣстностей Россіи по ихъ природѣ. Зимою въ Оренбургскихъ степяхъ иногда свирѣпствуютъ страшные снѣжные бураны. Поднимая снѣжную мятель, они губятъ скотъ кочевниковъ цѣлыми стадами, засыпаютъ деревни и хоронятъ подъ снѣжнымъ покровомъ цѣлые обозы.

Оренбургская губернія.

Все еще прекраснъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои—Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными

породами рыбъ твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку.

Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоеминъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ, какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ, живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ, прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника и клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвою награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородныя черныя лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворные борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. Мирны и тихи первобытные патріархальные обитатели и хозяева твои, ко-

чевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны конскіе табуны и рогатыя и бараньи стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, буранной зимы, отощалые, исхудалые, какъ зимнія мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ выгоняютъ на привольныя мѣста на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка!.. Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока! Уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ турсукахъ [1]) и все, что можетъ пить, отъ груднаго младенца до дряхлаго старика, пьетъ до пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги холодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки.—Но странный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія. Наскачетъ иногда на нихъ ничего подобнаго не видавшій, заѣзжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально

[1]) Турсукъ—мѣшокъ изъ сырой кожи, снятый съ лошадиной ноги.

смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами... Кое-гдѣ летаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу,—и никого больше, ни одной души человѣческой.

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары, грѣются зимою и торгуютъ Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Естественное,—и по вкусу добываемой красной рыбы [1]), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство.

Ледоходъ на Чусовой.

Вода пришла!.. Вода!.. Ледъ тронулся!.. Это былъ глубоко торжественный моментъ. Все, что было живо и не потеряло способности двигаться, высыпало на берегъ. Въ сѣрой, однообразной

---

[1]) Красной рыбой называется: бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ, бѣлорыбица и другія.

толпѣ бурлаковъ, какъ макъ, запестрѣли женскіе платки, яркіе сарафаны, цвѣтные шугаи. Ребятишкамъ былъ настоящій праздникъ, и они метались по берегу, какъ стаи воробьевъ. Выползли старые-старые старики и самыя древнія старушки, чтобы хоть однимъ взглядомъ взглянуть, какъ нынче взыграла матушка Чусовая. Нѣкоторые старики плохо видѣли, были даже совсѣмъ слѣпые, но имъ было дорого хоть послушать, какъ идетъ ледъ по Чусовой и какъ галдитъ народъ на берегу. Вѣроятно, многіе изъ этихъ ветерановъ чусовскаго сплава, вдоволь поработавшихъ на своемъ вѣку на Чусовой, и пришли на берегъ съ печальнымъ предчувствіемъ, что они, можетъ быть, въ послѣдній разъ любуются своей поилицей-кормилицей. Сюда-же на берегъ выползли, приковыляли и были вытащены на рукахъ до десятка разныхъ калѣкъ, пострадавшихъ на весеннихъ сплавахъ: у одного ногу отдавило поноснымъ, другому руку оторвало порвавшейся снастью, третій корчится и ползетъ отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ. Это былъ настоящій праздникъ, нагонявшій на всѣ лица веселыя улыбки... Нахлынувшій валъ поднялъ ледъ, какъ яичную скорлупу; громадныя льдины, съ трескомъ и шумомъ ломались на каждомъ шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы, и, какъ живыя, лѣзли на всякій мысокъ и отлогость, куда ихъ прибивало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная рѣка теперь шевелилась на всемъ протяженіи, какъ громадная змѣя, съ шипѣньемъ и свистомъ, собирая свои ледяныя кольца. Взломанный ледъ

тянулся безъ конца, оставляя за собой холодную струю воздуха; вода продолжала прибывать, съ пѣной катилась на берегъ и жадно сосала остатки лежавшаго тамъ и сямъ снѣга. Вмѣстѣ съ льдинами несло оторванныя отъ берега молодыя деревья, старые пни, какія-то доски и разный другой хламъ; на одной льдинѣ съ жалобнымъ визгомъ проплыла собаченка. Поджавши хвостъ, она долго смотрѣла на собравшійся на берегу народъ, пробовала перескочить на проходившую недалеко льдину, но оступилась и черной точкой потерялась въ бушевавшей водѣ.

Путешествіе чрезъ Уралъ по желѣзной дорогѣ.

Передъ Уфой мы окончательно простились съ ровной степью: вдали, на востокѣ, уже смотрѣли на насъ синѣющія горы, и рельсовый путь робко пробивался къ нимъ, словно еще не зная, куда направиться.

Вотъ и Уфа. Переѣхавъ Бѣлую, поѣздъ потянулся вдоль высокой горы, на которой выше стоитъ городъ, и, стѣсненный съ одной стороны ею, а съ другой — прижавшейся рѣкой, останавливается на живописномъ берегу, словно не зная, куда двинуться.

Впереди крутой берегъ, обрывъ, широкая рѣка; по ней изъ-за дальняго мыска сюда же бѣжитъ пароходъ, а дальше горы, — горы съ щетинистымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ той синевой,

которая такъ характеризуетъ Уралъ. Картина сразу рѣзко измѣняется, и не хочется уже отходить отъ раскрытаго окна. Въ окнахъ вагоновъ теперь уже масса любопытныхъ; всѣ высунули головы, всѣ слѣдятъ за каждымъ изгибомъ пути, который пробирается все выше и выше къ горамъ, заставляя тяжело работать машину. Мы лѣпимся по обрыву берега, вздымаемся въ гору, входимъ въ предѣлы хвойныхъ лѣсовъ, еще немного и—первое препятствіе преодолѣно: мы поднялись высоко и катимъ уже по равнинѣ, между разступившимися горами.

Начинаются чисто швейцарскіе виды. Поѣздъ перебѣгаетъ со склона горы на склонъ другой, кружится, вьется между ними, перелетаетъ чрезъ ручьи, рѣчки, прячется въ туннеляхъ, выемкахъ, летитъ надъ пропастью, преслѣдуетъ рѣчку, прячется отъ нея въ туннели, снова выбрасывается на ея берегъ, снова пересѣкаетъ ее, между тѣмъ какъ передъ нимъ ежеминутно развертывается картина за картиной самаго живописнаго характера. Вотъ склонъ горы, она вся поросла темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ немъ почти темно; вотъ рѣка, маленькая горная рѣка съ изрытыми берегами, она собираетъ воды изъ боковыхъ извилистыхъ рѣчекъ, логовъ, которые спускаются къ ней темными падями съ вершинъ горъ; вотъ выглянула на минуту вершина пика, тамъ обрисовывается профиль скалы, и все это подернуто синевой, той синевой, какой подернуты бываютъ горы. Это Уралъ. Въ немъ не видно селеній, въ немъ не замѣтно дорогъ, тропинокъ и только кое-гдѣ въ долинѣ рѣки покажется синій дымокъ

костра, рисуя воображенію привалъ промышленниковъ или дроворубовъ.

Наступаетъ вечеръ. Темный лѣсъ одѣвается сумракомъ ночи, рѣка закутывается въ туманъ. Еще немного пути,—и мы на станціи „Златоустъ“, городъ прекрасной стали и извѣстныхъ стальныхъ вещей. Ихъ можно даже видѣть, не будучи въ городѣ, такъ какъ какая-то предпріимчивая нѣмка уже сидитъ съ цѣлымъ ящикомъ мѣстныхъ издѣлій на самой станціи.

Еще остановка, еще обычный буфетъ нашихъ желѣзнодорожныхъ станцій — и мы пускаемся снова въ путь.

Мы въ самомъ хребтѣ горъ Урала; намъ нужно перевалить хребетъ, водораздѣлъ, подняться на высшую точку пути, чтобы потомъ тотчасъ же спуститься въ долину Сибири.

Ночь. Свѣтлая лѣтняя ночь, съ широкой свѣтлой зарей гдѣ-то за горой, на сѣверѣ.

При этомъ свѣтѣ какъ-то еще таинственнѣе выглядитъ хвойный лѣсъ, пади, склоны горы, по которой мы теперь тихо, почти едва-едва движемся, поднимаясь все выше и выше. Станція, которую мы только-что оставили, уже мерцаетъ своими огнями внизу; еще ниже въ сторонѣ видны разсѣянные огоньки города, спрятавшагося между двумя крутыми, высокими горами. Машина тяжело выбрасываетъ паръ, рѣдкіе звуки гудятъ, откликаются въ темномъ бору; становится свѣжо, почти холодно.

Мы на вершинѣ перевала. Кругомъ камень, въ которомъ пробиты разрѣзы для пути; а дальше кругомъ обширный, потонувшій въ полусумракѣ

лѣтней ночи, горизонтъ. Дико, своеобразно. Паровозъ дышетъ свободнѣе и начинаетъ быстрѣе скользить вдоль голой вершины горы, дѣлая такіе непонятные зигзаги, что, кажется, мы вертимся на одномъ мѣстѣ. Мнѣ говорятъ, что это самый трудный путь на всей линіи, стоившій громадныхъ денегъ, гдѣ, однако, зимой бываетъ не всегда возможно пробраться сквозь заносы снѣга. Все живо напоминаетъ горныя швейцарскія дороги.

Вотъ и столбъ—граница Европы и Азіи. Съ востока потянуло утреннимъ свѣжимъ вѣтеркомъ; навстрѣчу ему быстрѣе и быстрѣе полетѣлъ поѣздъ. Мы несемся теперь подъ гору, вдоль склона, дѣлаемъ зигзаги, тормозимъ, но поѣздъ летитъ еще быстрѣе; мы скатываемся въ равнину Азіи и уже свободно несемся вдоль, прямо къ востоку, оставляя за собой склоны хребта, горъ, отроговъ. Уралъ остался позади. Мы—въ Азіи, мы—почти въ предѣлахъ Сибири.

Когда я проснулся въ три часа утра и взглянулъ въ окно, то была уже знакомая картина Западной Сибири: равнина, полустепь, чистенькіе сколки березоваго лѣса, обширныя степныя пастбища и дальній сѣрый дымокъ деревень.

На восходѣ солнца мы, наконецъ, увидали и сѣренькія крыши Челябинска.

Зимній день въ Оренбургской губерніи.

Въ 1813 году, съ самаго Николина дня установились трескучіе, декабрьскіе морозы, особенно съ зимнихъ поворотовъ, когда, по народному выраженію, солнышко пошло на лѣто, а зима на морозъ. Стужа росла съ каждымъ днемъ, и 29-го декабря ртуть застыла и опустилась въ стеклянный шаръ. Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченѣлою. Вода, взброшенная вверхъ изъ стакана, возвращалась оледенѣлыми брызгами и сосульками, а снѣгу было очень мало, всего на вершокъ, и неприкрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рипснаго сарая, крестьяне говорили, что не запомнятъ, когда-бы такъ глубоко промерзла земля и надѣялись въ будущемъ году богатаго урожая озимыхъ хлѣбовъ. Воздухъ былъ сухъ, тонокъ, жгучъ, пронзителенъ, и много хворало народу отъ жестокихъ простудъ и воспаленій; солнце вставало и ложилось съ огненными ушами, и мѣсяцъ ходилъ по небу, сопровождаемый крестообразными лучами; вѣтеръ совсѣмъ упалъ, и цѣлые вороха хлѣба оставались невѣянными, такъ что и дѣваться съ ними было некуда. Съ трудомъ пробивали пешнями и топорами проруби на пруду; ледъ былъ толщиною слишкомъ въ аршинъ и когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою ледяною корою, била, какъ изъ фонтана, и тогда только успокаивалась, когда широко затопляла прорубь, такъ что для чищенія ея надобно было подма-

щивать мостки. Скотъ грѣлся постоянно ѣдою; корма выходило втрое противъ обыкновеннаго, и какъ отъ лѣтней засухи уродилось мало травъ и соломы, то крестьяне начинали охать и бояться, что корму, пожалуй, не хватитъ и до Алексѣя, Божьяго человѣка. Стали бить лишнюю скотину, и мясо такъ подешевѣло, что говядину продавали по три копѣйки ассигнаціями, а баранину по двѣ копѣйки за фунтъ. Достаточные крестьяне уже не обѣдали безъ свѣжинки, но скоро стали замѣчалъ, что отъ мясной пищи прибавляются больные, и стали опасаться ея.

Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ: и кусты, и деревья, даже камыши и высокія травы опушились густымъ иневемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ только холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой, а какъ-то невесело, безпокойно становилось на душѣ, да и народъ пріунылъ. Болѣзни, безвѣтріе, безснѣжіе, и впереди безкормица для скота. Какъ тутъ не пріунынть? Всѣ молились о снѣгѣ, какъ лѣтомъ о дождѣ, и вотъ наконецъ пошли косички по небу, морозъ началъ сдавать, померкла ясность синяго неба, потянулъ западный вѣтеръ, и пухлая бѣглая туча, незамѣтно надвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный снѣгъ началъ прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрѣли

крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ идти съ деревенскаго ранняго обѣда; шелъ безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще. Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паденіе или опущеніе снѣга. Чтобы вполнѣ насладиться этою картиной, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потока, будто небеса разверглись, разсыпались снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и поразительною тишиной. Наступали длинныя, зимнія сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвалъ землю. Хотя мнѣ, какъ страстному ружейному охотнику, мелкоснѣжье было выгодно, и стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда, не смотря на стужу, была удобна и добычлива, но, видя общее уныніе и сочувствуя общему желанію, я также радовался снѣгу. Я воротился домой, но не въ душную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпаемый снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки въ крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы; предметы смѣшались, утонули въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но и тамъ долго стоялъ у окошка, стоялъ до тѣхъ поръ, покуда нельзя было различать опускающихся снѣжинокъ... Какая пороша будетъ завтра, подумалъ я, если снѣгъ къ утру перестанетъ идти: гдѣ маликъ — тамъ и русакъ... И охотничьи заботы и мечты

овладѣли моимъ воображеніемъ. Я особенно любилъ слѣдить русаковъ, которыхъ множество водилось по горамъ и оврагамъ, около хлѣбныхъ крестьянскихъ гуменъ. Я съ вечера приготовилъ всѣ охотничьи припасы и снаряды; нѣсколько разъ выбѣгалъ посмотрѣть, идетъ-ли снѣгъ, и убѣдясь, что онъ идетъ по прежнему, такъ же тихо и сильно, такъ же ровно устилая землю, съ пріятными надеждами легъ спать. Длинна зимняя ночь и особенно въ деревнѣ, гдѣ ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь бѣлаго дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любилъ встрѣчать безъ свѣчки зимній разсвѣтъ. Въ этотъ день я проснулся еще ранѣе и сейчасъ пошелъ узнать, что дѣлается на дворѣ. На дворѣ была совершенная тишина. Воздухъ сталъ мягокъ и, несмотря на двѣнадцати-градусный морозъ, мнѣ показалось тепло. Высыпались снѣжныя тучи, и только изрѣдка какія-то запоздавшія снѣжинки падали мнѣ на лицо. Въ деревнѣ давно проснулась жизнь: во всѣхъ избахъ свѣтились огоньки и топились печи, а на гумнахъ, при свѣтѣ пылающей соломы, молотили хлѣбъ. Гулъ рѣчей и стукъ цѣповъ съ ближайшихъ овиновъ долеталъ до моего слуха. Я засмотрѣлся, заслушался и не скоро воротился въ свою теплую комнату. Я сѣлъ противъ окошка на востокъ и сталъ дожидаться свѣта; долго нельзя было замѣтить никакой перемѣны, наконецъ, показалась особенная бѣлизна въ окнахъ, побѣлѣла изразцовая печка, и обозначился у стѣны шкафъ съ книгами, котораго до тѣхъ поръ нельзя было различать. Въ другой комнатѣ, дверь въ которую

была отворена, уже топилась печка. Гудя, и потрескивая, и похлопывая заслонкой, она освѣщала дверь и половину горницы какимъ-то веселымъ, отраднымъ и гостепріимнымъ свѣтомъ. Но бѣлый день вступалъ въ свои права, и освѣщеніе отъ топящейся печки постепенно исчезало. Какъ хорошо, какъ сладко было на душѣ! Спокойно, тихо и свѣтло! Какія-то неясныя, полныя нѣги, теплыя мечты наполняли душу...

„Лошади готовы: пора, сударь, ѣхать!“ раздался голосъ Григорья Васильева, моего товарища по охотѣ и такого-же страстнаго охотника, какъ я. Этотъ голосъ возвратилъ меня къ дѣйствительности. Разлетѣлись сладкія грезы! Русачьи малики зарябили передъ моими глазами. Я поспѣшно схватилъ со стѣны мое любимое ружье, моего неизмѣннаго испанца...

Буранъ.

Ни облака на туманномъ бѣловатомъ небѣ, ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но не ясное солнце своротило съ невысокаго полдня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ оковалъ природу, сжималъ, палилъ, жегъ все живое. Но человѣкъ улаживается съ яростію стихій; русскій мужикъ не боится мороза.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣж-

нымъ пустынямъ. Пронзительно, противно для непривычнаго уха скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бѣжали мужики за своими возами. Запушенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, едва разѣвая рты, изъ которыхъ бѣлый дымъ вылеталъ, какъ изъ пушки при выстрѣлѣ, и не скоро расходился, — они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокій сугробъ; столкнутый долго барахтался и нескоро вылѣзалъ изъ мягкаго снѣговаго пуха на твердую дорогу. Тутъ-то сыпались русскія остроты, по природѣ русскаго человѣка, всегда одѣтыя въ фигуру иронiи. — „Небольно болтай — говорилъ одинъ другому — языкъ обожжешь: вишь зной какой, такъ и палитъ!“ — „Шути, шути,—отвѣчалъ другой, самого-то цыганскій потъ прошибаетъ!“— Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.

Подвигаясь скорымъ шагомъ, а подъ изволокъ и рысью, обозъ поднялся на возвышеніе и въѣхалъ въ березовую рощу — единственный лѣсокъ на большомъ лѣсномъ пространствѣ. Чуднсе, печальное зрѣлище представляла бѣдная роща! Какъ будто ураганъ или громовые удары тѣшились надъ нею долгое время: такъ все было исковеркано. Молодыя деревья, согнутыя въ разновидныя дуги, увязили гибкія вершины свои въ сугробахъ и, какъ будто, силились вытащить ихъ. Деревья постарѣе, попо-

ламъ изломанныя, торчали высокими пнями; а иныя, разодранныя на двое, лежали, развалясь на обѣ стороны. — „Что за чертовщина! сказалъ молодой мужикъ, — какой лѣшій исковеркалъ березникъ?“ — „Не лѣшій, а иней, отвѣчалъ старикъ“. — Глядь-ка, сколько его нальнуло къ сучьямъ... тяга смертная! Вѣдь подъ инеемъ-то ледъ, толщиной въ руку, и все къ одной сторонѣ, все къ полуночи. Это живетъ послѣ оттепелей, случается не каждый годъ и вѣщуетъ урожай: хлѣба будетъ въ волю“. — „Да куда съ нимъ дѣваться?...“ подхватилъ молодой крестьянинъ и хотѣлъ продолжать; но старикъ, съ нѣкотораго времени внимательно озиравшійся на всѣ стороны, съ прищуреннымъ глазомъ припадавшій къ дорогѣ, сурово крикнулъ: „Полно калякать, ребята. До умета [1]) далеко, ночь близка, дѣло неважо. Бери возжи, садись, погоняй лошадей!...“ Безмолвно повиновались строгому голосу старика, умудреннаго годами опытовъ, проницательный взоръ котораго провидѣлъ въ ясности тьму, въ тишинѣ бурю. Всѣ струсили, хотя ничего страшнаго не видали.

Проворно повскакали на воза, крикнули, тронули возжами мочальныя оброти невзнузданныхъ лошадей, и обозъ, выбравшись изъ рощи на покатую равнину, побѣжалъ шибкою рысью.

Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косыми лучами скользя по необразимымъ грома-

---

[1]) Такъ называются одинъ или два двора, поселенныхъ на степной дорогѣ для ночевки или кормежки обозовъ.

дамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилліантовой корою; а изуродованная налипнувшимъ инеемъ роща, въ снѣговомъ и ледяномъ въ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разновидные обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ, но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то перекликались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій, вѣтерокъ потянулъ съ востока къ западу,—и, наклонясь къ землѣ, можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою, обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или уметовъ, сворачивали въ сторону въ ближнюю деревню съ прямой дороги, если ночлегъ былъ далеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго!

Въ такомъ именно положеніи находился не задолго передъ симъ веселый обозъ, состоявшій изъ осьмнадцати подводъ и десятерыхъ возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ, гдѣ надѣялись, продавъ свои деревенскіе избытки, хотя не дорогой цѣною, взять изъ Илецкой

Защиты каменной соли, которую иногда удается сбывать весьма выгодно на сосѣднихъ базарахъ, если по распутицѣ мало бываетъ подвозу. Они выѣзжали на большую Оренбургскую дорогу, перебивая поперекъ, такъ называемый, Общій Сыртъ—плоское возвышеніе, которое тянется къ Яику, нынѣшнему Уральску, и по которому лежитъ извѣстная яицкая казачья дорога. Хотя опытный старикъ примѣтилъ грозу заблаговременно, но переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая...

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца—уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. „Поздно, ребята!“ закричалъ старикъ. „Стой! нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, авось Богъ милуетъ. Петровичъ“, сказалъ онъ, оборотясь къ высокому, плотному мужику, также немолодому, — поѣзжай сзади: твой гнѣдко хоть не боекъ, за то нестомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!“ Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сто-

рону, объѣхали; потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, вымѣненный у башкирскаго кантоннаго старшины на жирную молодую лошадь, въ осеннюю гололедицу переломившую ногу,— помолился Богу и, сѣвъ на возъ, сказалъ, хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: „ну, Сѣрко! выручалъ ты меня не одинъ разъ, послужи и теперь, не сшибись съ дороги“...—и обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая бѣлая туча, огромная, какъ небо, обтянула весь горизонтъ, и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь... наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось! Земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго, снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время бурановъ значительно уменьшается.

Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память,

присутствіе духа, безумѣетъ... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцати-пудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди, по большей части, шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу; наконецъ, всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это и, хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги,—старикъ остановилъ обозъ. „Други“, сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ, „дѣлать нечего. Надо отдаться на волю Божью; надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ“!

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ; но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенью. По несчастью въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. „Полно, дѣдушка“! сказалъ онъ. „Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобой? ты уже пожилъ на бѣломъ свѣтѣ, тебѣ все равно, а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми у кого лошади совсѣмъ стали. Завтра,

Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ".

Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ, напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе. Буранъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу; бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день, такъ что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми... Наконецъ, стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго... Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись, переждавшіе буранъ, обозы, всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣло, принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей: всѣ онѣ находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ и у нихъ было тепло

въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ недалеко. Свѣжій, морозный воздухъ разбудилъ ихъ, они стали двигаться, раскрыли глаза, но все еще были безъ памяти, какъ-бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.—Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и потомъ уложили спать на полати. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы.

Шестеро смѣльчаковъ, или лучше сказать глупцовъ, послушавшихся молодаго удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умета.

Естественныя богатства Приуральскаго края.

Едва-ли есть въ Россіи край болѣе богатый, чѣмъ обширное Приуралье. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о вѣковыхъ лѣсахъ, которые покрываютъ болѣе половины всего Уральскаго пространства. Въ особенности много ихъ въ Пермской и Вятской губерніи. Еще и теперь въ предѣлахъ Пермской губерніи лѣса, несмотря

на непомѣрное истребленіе ихъ заводами, занимаютъ площадь въ восемнадцать милліоновъ десятинъ. Каждое жилье, каждое поле, лужокъ, дорога—проницаются топоромъ въ темныхъ чащахъ. Чтобы проникнуть въ лѣсныя дебри, нужно прорубить себѣ путь въ полномъ смыслѣ этого слова. Есть на Уралѣ лѣса, въ которые не проникала еще нога человѣка, гдѣ никогда не звучалъ топоръ лѣсопромышленника, куда не прокралась еще людская нужда (напр. въ верховьяхъ рѣки Обвы).

Эти лѣса употребляются горными заводами на топливо и угли; они-же доставляютъ матеріалъ для всевозможныхъ построекъ. Барки, полубарки, шитики, каюки, расшивы кладныя, тихвинки и тому подобныя суда, появляющіяся и теперь на Волгѣ, часто имѣютъ своею родиной лѣса и рѣки Чердынскаго края (Пермской губерніи); кромѣ того каждую весну многочисленные плоты строеваго и дровянаго лѣса, барки съ лубомъ, лыками, рогожами, кулями и мочалами съ рѣкъ Вятки, Камы и Бѣлой плывутъ внизъ по Волгѣ въ посадъ Дубовку и г. Астрахань, гдѣ и продаются.

Всякаго звѣрья и птицы довольно въ лѣсахъ Приуралья. Медвѣди бродятъ въ нихъ свободно и днемъ и ночью, причемъ уральскій медвѣдь имѣетъ очень темную шерсть и достигаетъ $4^1/_2$ аршинъ въ длину; въ большомъ количествѣ встрѣчаются волки. Кромѣ этихъ, обыкновенныхъ и у насъ животныхъ, здѣсь живетъ множество звѣрей, малознакомыхъ въ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи, напр. соболь, горностай, выдра,

боберъ, россомаха, рысь, дикія козы, лоси на югѣ, есть даже и олени. Но особенно много въ лѣсахъ Приуралья бѣлки.

А сколько глухарей, тетеревей и рябчиковъ живетъ въ глуши этихъ лѣсовъ и въ густыхъ высокихъ травахъ, растущихъ по горнымъ склонамъ! Въ обширныхъ липовыхъ лѣсахъ здѣшнихъ находится множество дикихъ пчелъ, которыя доставляютъ самый лучшій и ароматный медъ, извѣстный подъ именемъ липца или сарапульскаго.

Рѣки и рѣчки Приуральскаго края богаты рыбою, и ея количество здѣсь почти также неисчерпаемо, какъ и въ водоемахъ Прионежья. Притомъ-же верховья большинства этихъ рѣкъ мало доступны человѣку; прибрежное населеніе ихъ пока еще очень немногочисленно и не ведетъ такого хищническаго промысла въ рѣкахъ, какъ многіе изъ обитателей Прионежья.

Но лѣса, звѣри, дичь и рыба составляютъ далеко не все богатство Приуральскаго края. Главныя богатства здѣсь въ нѣдрахъ земли: различные металлы, соль и драгоцѣнные камни, добываемые здѣсь иногда въ громадномъ количествѣ,—вотъ чѣмъ, главнымъ образомъ, прославилось Приуралье не только у насъ, но и въ другихъ странахъ и государствахъ.

Около четвертой части всего золота, добываемаго въ Россійской Имперіи, получается съ Урала. Золото находится въ горныхъ породахъ, напримѣръ, въ кварцѣ (жильное золото), и въ розсыпяхъ, то есть, въ пластахъ песковъ, содержащихъ въ себѣ золотыя крупинки.

Разработка жильнаго золота на Уралѣ началась еще съ половины прошлаго столѣтія, а золотыхъ розсыпей — съ 1814 года. Первое открытіе мѣсторожденія золота на Уралѣ было сдѣлано совершенно случайно крестьяниномъ Ерофеемъ Марковымъ въ 1745 г. Онъ отыскивалъ на продажу „горный хрусталь“; при одной изъ раскопокъ ему случайно попались камешки съ блестящими желтыми металлическими зернами. Часть этой находки Марковъ въ Екатеринбургѣ отдалъ серебреннику Димитріеву; тотъ сейчасъ-же опредѣлилъ, что зерна эти—золото. Тогда Марковъ заявилъ о своемъ открытіи въ Екатеринбургской горной канцеляріи. Также случайно были открыты на Уралѣ золотыя розсыпи. Екатерина Богданова, малолѣтняя дочь заводскаго жителя, близъ Верхъ-Нейвинскаго завода, нашла въ пескѣ самородокъ золота значительной величины. Тотчасъ горный мастеръ Брусницынъ приступилъ къ розыскамъ, и труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ открылъ нѣсколько золотосодержащихъ розсыпей.

Въ предѣлахъ Пермской губерніи золота добывается до 300 пудовъ. Одни Березовскіе рудники въ иные года давали до 50 пудовъ золота; находятся они въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 15 отъ Екатеринбурга, и занимаютъ площадь въ 56 квадратныхъ верстъ.

Золотоносныя розсыпи Екатеринбургскаго округа занимаютъ большею частью низменности и рѣдко попадаются на скатахъ горъ. Въ ущельяхъ, между горами, розсыпи не широки, но богаты; на ровныхъ площадяхъ, напротивъ, обширны,

но довольно бѣдны. Толщина золотоносныхъ пластовъ различна: отъ одного вершка до двухъ саженей и болѣе.

Изъ другихъ золотыхъ пріисковъ на Уралѣ большою извѣстностью пользуются Міясскіе, расположенные въ долинѣ рѣки Міяса, праваго притока р. Исети (Исеть притокъ Тобола); они занимаютъ пространство въ 1700 кв. верстъ, ежегодно доставляютъ болѣе 60 пудовъ золота. Здѣсь былъ найденъ знаменитый самородокъ въ два пуда 16 фунтовъ вѣсомъ, хранящійся въ Горномъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

Исключительно только на Уралѣ находится *платина*. Обыкновенно она составляетъ небольшую примѣсь въ золотоносныхъ розсыпяхъ, но въ дачахъ Нижне-Тагильскаго завода встрѣчаются такія розсыпи, которыя заключаютъ въ себѣ только одну платину или самую небольшую примѣсь золота. Уральская самородная платина имѣетъ видъ мелкихъ зеренъ и чешуекъ; въ рѣдкихъ случаяхъ—и крупныхъ зеренъ, самородковъ, иногда весьма значительныхъ. Платина встрѣчается также въ окрестностяхъ Кувшинскаго завода и Міясска.

По богатству *мѣдью*, Уралъ занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Въ Россіи мѣди выплавляется въ общей сложности до 400,000 пудовъ. Двѣ трети этого количества получается съ Урала. Наибольшею производительностью отличается Богословскій заводъ, доставляющій болѣе 120,000 пудовъ мѣди ежегодно, и Турьинскіе мѣдные рудники, дающіе болѣе 50,000 пудовъ.

Еще богаче Уралъ *желѣзомъ*, которое встрѣчается по склонамъ хребта, въ видѣ то бураго желѣзняка, распространеннаго повсюду, то магнитнаго, изъ котораго добывается самое лучшее желѣзо. Замѣчательныя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ представляютъ горы: Качканаръ, Благодать, Синяя, Высокая или Магнитная. Запасы рудъ въ одной горѣ Высокой, или Магнитной нужно считать тысячами милліоновъ; въ настоящее время оттуда берется не менѣе 8 милліоновъ пудовъ руды преимущественно для знаменитыхъ Нижне-Тагильскихъ заводовъ Демидовыхъ.

Въ 1855 году горный инженеръ Даниловъ открылъ на Уралѣ никкелевыя руды. Первое время добыча *никкеля* была незначительна и даже временно прекратилась, но теперь его добываютъ болѣе 300,000 пудовъ.

Соль въ Приуральи находится въ двухъ мѣстахъ. Около Соликамска почва на глубинѣ 66 саженъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько слоевъ каменной соли. Дождевая вода, проникая до этихъ слоевъ, размываетъ ихъ и дѣлается соляным растворомъ, который извлекается насосами нерѣдко изъ глубины 100 саженъ для выпариванія на преняхъ—огромныхъ желѣзныхъ сковородахъ. Другое мѣсторожденіе находится въ Оренбургской губерніи, близъ Илецка; здѣсь лежитъ богатѣйшій пластъ соли чистой и твердой, какъ камень, такъ что изъ нея выдѣлываются разныя вещи: вазы, солонки и пр. Пластъ этотъ занимаетъ площадь въ двѣ версты длины и $1^1/_2$ ширины, а въ глубину развѣданъ на 85 са-

женъ и заключаетъ въ себѣ болѣе 74 милліардовъ пудовъ соли.

Кромѣ всего этого въ Уралѣ находятся богатыя мѣсторожденія *драгоцѣнныхъ и самоцвѣтныхъ камней*, каковы напр. изумруды, бериллы, турмалины, корунды, алмазы, аметисты, топазы, яшмы всевозможныхъ цвѣтовъ, мраморъ, малахитъ. Важнѣйшія изъ селеній, въ окрестностяхъ которыхъ находятся цвѣтные камни, какъ-то: Мурзинка, Шайтанка, Алабашка, Сарапулька, Бѣлоярская и др., лежатъ въ Екатеринбургскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ. Другое мѣсторожденіе цвѣтныхъ камней находится на югѣ и сѣверовостокѣ отъ Екатеринбурга (изумрудныя копи). Третье на югѣ отъ Міясскаго завода, въ Златоустовскомъ уѣздѣ.

Изумрудъ—драгоцѣнный камень, густо-зеленаго цвѣта и совершенной прозрачности. На Уралѣ изумруды были открыты совершенно случайно, какъ и золото. Въ 1831 году крестьянинъ Максимъ Кожевниковъ, верстахъ въ 80-ти отъ Екатеринбурга, отыскивалъ въ лѣсу пни, годныя для извлеченія смолы и нашелъ между корнями дерева, вывороченнаго бурею, какіе-то, неизвѣстные для него, камни зеленаго цвѣта. Онъ привезъ ихъ для продажи въ Екатеринбургъ. Объ этомъ узналъ тогдашній начальникъ Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики, Коковинъ, приказалъ доставить эти камни себѣ и призналъ въ нихъ изумруды. Надо сказать, что по закону отыскиваніемъ и добываніемъ драгоцѣнныхъ камней на всѣхъ казенныхъ земляхъ могла заниматься только Екатерин-

бургская гранильная фабрика. Поэтому Коковинъ немедленно отправился съ партіею рабочихъ на мѣсто находки. Тотчасъ-же начались первыя работы, и пріискъ получилъ названіе Срѣтенскаго. Въ скоромъ времени найдены были тамъ изумруды замѣчательной величины, цѣнностью до ста тысячъ рублей. Спустя два года найдено было другое мѣсторожденіе изумрудовъ, названное Маріинскимъ пріискомъ.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ, хранится нѣсколько уборовъ изъ крупныхъ цѣнныхъ изумрудовъ. Музей Горнаго Института хранитъ у себя изумрудовъ на сумму около ста тысячъ рублей.

Берилль—встрѣчается въ окрестностяхъ Екатеринбурга, а также въ южномъ Уралѣ, въ губерніи Оренбургской. Въ окрестностяхъ деревни Шайтанки, на глубинѣ четырехъ саженей, найденъ былъ необыкновенный бериллъ, вѣсомъ въ 6 фунтовъ 11 золотниковъ, длиною въ $5^1/_2$ вершковъ и 6 вершковъ въ окружности. Этотъ драгоцѣннѣйшій во всемъ мірѣ бериллъ подаренъ Императоромъ Николаемъ I въ Горный Институтъ и цѣнится въ 150 тысячъ рублей. Онъ имѣетъ цвѣтъ густоспаржевый. Бериллы цвѣта морской воды называются аквамарины. Вообще-же на Уралѣ находятъ бериллы всевозможныхъ цвѣтовъ.

Копи *шерла* или *турмалина* находятся въ окрестностяхъ деревень Сарапульки, Шайтанки, Мурзинки, въ Екатеринбургскомъ округѣ. Этотъ драгоцѣнный камень былъ открытъ тоже совершенно случайно. Послѣ проливнаго дождя

крестьянка деревни Сарапульки нашла неподалеку отъ деревни вымытую дождемъ группу малиноваго шерла, около трехъ вершковъ въ поперечникѣ. Она принесла ее своему отцу, кузнецу, который разбилъ находку кузнечнымъ молотомъ на нѣсколько частей, нѣкоторыя изъ нихъ бросилъ въ рѣку, остальныя продалъ за нѣсколько гривенъ мѣди екатеринбургскому купцу, а тотъ, узнавъ настоящую ихъ цѣну, продавалъ каждый кусокъ по пяти тысячъ рублей.

Турмалинъ, или шерлъ, представляетъ драгоцѣнный камень, чрезвычайно рѣдкій, и почти исключительно находится на одномъ Уралѣ. Турмалины, или шерлы бываютъ разнообразныхъ цвѣтовъ, особенно цѣнятся красные. Кристаллы, одни и тѣ же, бываютъ окрашены въ разные цвѣта, напр., одинъ конецъ розовый, другой зеленый, или оба конца кристалла одного цвѣта, а средина, или ядро—другого.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губ., добываются *корунды*. Ни одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней не бываетъ такъ разнообразно окрашенъ, какъ корундъ: синяго цвѣта корундъ называется сапфиромъ, краснаго или розоваго цвѣта—рубиномъ. Лучшій сапфиръ долженъ имѣть чистый васильковый цвѣтъ.

Въ 1829 году на землѣ княгини Бутера, въ Пермской губ., впервые были найдены *алмазы* въ Крестовоздвиженской золотой розсыпи. Но алмазы въ Уралѣ очень рѣдки.

Изъ другихъ менѣе цѣнныхъ камней, на Уралѣ находится *аметистъ*, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, и *топазы* разной величины; осо-

бенно дорого цѣнятся топазы розовые и безцвѣтные, а также синеватые. Въ Музеѣ Горнаго Института находится топазъ винно-желтаго цвѣта въ 25 фунтовъ и 70 золотниковъ вѣсомъ. Топазъ этотъ цѣнится въ 2,000 рублей.

Уральскія горы заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ *яшмы*—всевозможныхъ цвѣтовъ, *мраморъ*, *малахитъ* (зеленаго цвѣта) и проч. Лучшія мѣсторожденія малахита находятся въ Пермской губ., въ Нижне-Тагильскомъ округѣ Демидовыхъ. Здѣсь найдена была глыба малахита въ 12,000 пудовъ вѣсомъ. Въ музеѣ Горнаго Института хранится малахитовая глыба, вѣсомъ въ 94 пуда. Въ Исаакіевскомъ соборѣ сдѣланы колонны изъ цѣлаго малахита: вышина ихъ 13 аршинъ 11 вершковъ, въ діаметрѣ-же почти 10 вершковъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится много вазъ, чашъ, столовъ и другихъ вещей, выдѣланныхъ на Петергофской гранильной фабрикѣ изъ уральскаго малахита. Въ Эрмитажѣ-же можно видѣть прекрасныя издѣлія изъ различныхъ яшмъ, работы Екатеринбургской гранильной фабрики.

Населеніе Приуральскаго края.

1) Пермяки.

Было время, когда пермяки считались сильнымъ и многочисленнымъ племенемъ, когда они занимали всю почти Пермскую губ. и сѣверъ Вятской; теперь ихъ насчитывается всего 60,000 человѣкъ. Изъ нихъ около 50,000 чел. живутъ въ Пермской губерніи, остальные въ Вятской. Большая часть пермяковъ обрусѣла и смѣшалась съ русскими [1]): сильнѣйшая народность поглотила слабѣйшую. Это сліяніе продолжается и до нынѣ. Особенно сильно замѣчается оно въ деревняхъ, заселенныхъ на половину русскими, на половину пермяками. Пермяки перенимаютъ здѣсь всѣ русскіе обычаи и нравы, стараются подражать своимъ сосѣдямъ даже въ мелочахъ, говорятъ по-русски, роднятся съ ними.

Пермяки, какъ и всѣ вообще инородцы финскаго племени, въ городахъ жить не любятъ.

---

[1]) Одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ изслѣдователей, г. Романовъ, полагаетъ, напр., что всѣ жители кайскаго края (13,000 чел.) есть ни больше, ни меньше, какъ обрусѣвшіе пермяки. Кратк. очерки уѣздовъ Вятск. губ. Вятка, 1878, стр. 100.

Въ 1871 г. въ Вятской губ. всѣхъ инородцевъ (пермяковъ, вотяковъ и черемисъ) по городамъ жило только 91 чел., въ томъ числѣ пермяковъ 7 чел. муж. пола и 2 женск. Робкіе пермяки боятся человѣческаго общества и предпочитаютъ оставаться въ своей глуши, среди родимыхъ лѣсовъ.

Всѣ старинныя пермяцкія поселенія расположены обыкновенно гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на низкомъ мѣстѣ, возлѣ небольшой рѣчки или ручейка. Новыя-же поселенія, всѣ починки и деревнюшки, возникшіе въ недавнее, сравнительно, время, располагаются, напротивъ, на возвышенныхъ мѣстахъ. Пермякъ заботится теперь не о безопасности, а объ удобствѣ и красотѣ. Недостатокъ хорошихъ мѣстъ для обработки земли принудилъ пермяковъ селиться лѣсными починками, дома въ 2—3, этимъ и объясняется разбросанность пермяцкихъ поселеній. При въѣздѣ въ пермяцкую деревню васъ прежде всего поражаетъ невообразимая грязь и безпорядочность построекъ. Строенія нагромождены тутъ и тамъ. Одна изба стоитъ задомъ напередъ, другая выпятила свой уголъ на улицу, третья стоитъ бокомъ къ проходящей мимо дорогѣ, четвертая отошла назадъ на гумно, пятая выступила впередъ. Не знаешь, гдѣ улица, гдѣ дорога. Такъ построены всѣ старинныя и удаленныя отъ большой дороги деревни пермяковъ. Къ нимъ вполнѣ примѣнима пословица о трехъ дворахъ и семи улицахъ. Пермяку не изъ-за чего было тѣсниться, земли передъ нимъ было вдоволь, расчищай и занимай

ее, сколько хочешь. И онъ, дѣйствительно, не тѣснился, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось имѣть подъ руками всѣ хозяйственныя постройки. Онъ становился какъ можно дальше отъ своего сосѣда и безпорядочно громоздилъ эти постройки вокругъ своего дома и спереди, и сзади, не заботясь о расположеніи улицъ. Благодаря изобилію лѣса, пермякъ строитъ просторныя и высокія избы и кроетъ ихъ не соломой, какъ русскіе, а дранью или тесомъ. Обыкновенно домъ пермяка двумя капитальными продольными стѣнами раздѣляется на 3 части: жилую избу, пролетъ и клѣть. Избы всѣ почти курныя. Оконъ всего четыре: три на улицу и одно во дворъ. Среднее окно обыкновенно большое, косящатое, аршина $1^1/_2$ въ вышину и аршинъ въ ширину; другія три — маленькія, волоковыя. Сплошь и рядомъ, вмѣсто стеколъ, въ окна вставленъ пузырь или пропитанная масломъ бумага. Въ Пермской губ. попадаются и слюдяныя „окончины“. Свѣта такія окна даютъ мало, такъ что въ избѣ постоянныя сумерки; закопченныя стѣны и потолокъ еще болѣе увеличиваютъ мрачность избы. Налѣво отъ входа обыкновенно помѣщается большая печь, битая изъ глины [1]) и по большей части безъ трубы; для дыма прорубается подъ печью въ стѣнѣ окошко, которое открывается во время топки и послѣ опять замыкается деревяннымъ ставнемъ; иногда это окошко продѣлывается и въ потолкѣ, надъ че-

[1]) Битыя печи (чувалы), если не ошибаюсь, преобладаютъ у всѣхъ инородцевъ; онѣ есть и у вотяковъ, и у черемисъ, остяковъ и т. п.

ломъ печи. Порой встрѣчается и дымоволокъ—большая труба изъ липовой коры, которая во время топки вставляется въ отверстіе въ потолкѣ. Вдоль стѣнъ стоятъ лавки; въ переднемъ углу—незамысловатый, топорной работы, столъ собственнаго издѣлія; на столѣ—неизбѣжный жбанъ съ квасомъ и хлѣбъ, завернутый въ грязнѣйшую скатерть. Около печки непремѣнно судница для посуды, которая ежеминутно можетъ понадобиться стряпухѣ; тутъ-же хранятся ложки, ножи, чайная посуда, у кого она есть, и, наконецъ, неизбѣжный котелокъ; этотъ котелокъ пермякъ носитъ съ собой всюду—и на охоту, и на полевыя работы, и на сѣнокосъ, даже и дома онъ предпочитаетъ его всякому горшку и варитъ въ немъ почти всѣ жидкія кушанья. Стульевъ и скамеекъ въ избѣ нѣтъ; вмѣсто нихъ употребляются толстые деревянные обрубки (джекъ), а по большей части и ихъ не бываетъ, такъ что нѣкоторымъ членамъ семьи приходится обѣдать стоя. Въ каждой избѣ непремѣнно есть полати. Они очень высоки, такъ что средній человѣкъ смѣло можетъ стать на нихъ во весь свой ростъ. Здѣсь семейство живетъ всю зиму, такъ какъ на полу бываетъ холодно; тамъ иногда даже и обѣдаютъ, перенеся для этого столъ снизу. На полатяхъ пермяки спятъ зимой и лѣтомъ; на полъ ложиться не любятъ. Ни подушекъ, ни войлоковъ пермякъ не знаетъ, о перинахъ и не слыхивалъ. Спитъ онъ на голыхъ доскахъ, подложивъ подъ голову шабуръ и укрывшись полушубкомъ. Пермяки неопрятны, убираютъ и метутъ избу очень рѣдко, а моютъ только одинъ разъ въ годъ, на

Илью пророка. Зимою въ ночь они нерѣдко впускаютъ въ избу всѣхъ домашнихъ животныхъ, какъ напримѣръ: телятъ, овецъ и т. п., а днемъ кормятъ здѣсь коровъ. Послѣ этого полъ не подмывается; хозяйка ограничивается только тѣмъ, что соскабливаетъ пометъ косаремъ и выбрасываетъ его на дворъ. Грязная лохань по цѣлымъ днямъ стоитъ въ избѣ съ помоями. Испаренія производятъ въ избѣ невыносимую духоту. Вечеромъ ко всему этому присоединяется еще смрадъ отъ лучины, которою освѣщаются избы пермяковъ. Пукачи (тараканы) и клопы гуляютъ по избѣ, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшаго вниманія. Они попадаютъ въ кушанье, въ хлѣбъ, въ квасъ и пермякъ нисколько не брезгаетъ этимъ; замѣтитъ въ хлѣбѣ запеченнаго таракана, выковыряетъ его пальцемъ и продолжаетъ ѣсть по прежнему. Въ каждой избѣ непремѣнно виситъ люлька, а иногда и двѣ, такъ какъ пермяки по большей части живутъ большими семьями. Люлька дѣлается изъ выгнутаго луба и сверху, когда ребенокъ спитъ, перекрещивается веревкою, такъ что дитя никакъ не можетъ вывалиться оттуда, если бы даже захотѣлось это сдѣлать: колыбель для него превращается въ клѣтку...

Рядомъ съ теплой избой находится пролетъ— маленькая, узенькая, глухая комнатка. Она отдѣлена и отъ избы, и отъ клѣти капитальными стѣнами. Здѣсь хранится посуда и различные хозяйственные припасы, въ родѣ муки, крупы, масла и даже молока, такъ какъ погреба здѣсь не въ употребленіи. Эта комната находится въ

исключительномъ вѣдѣніи женщинъ; мужчины никогда не ходятъ туда, а если хозяину нужно взять что нибудь изъ пролета, онъ посылаетъ туда „бабу“.

Клѣть дѣлается не для гостей, какъ у русскихъ, а приноровлена для храненія „лопоти“ [1]) и разнаго другаго имущества, какъ-то: хомутовъ, дугъ, рыболовныхъ снастей и т. п. Вслѣдствіе этого оконъ въ ней нѣтъ, а вмѣсто нихъ прорублено одно маленькое отверстіе, вершка въ три длиною и столько-же шириною. Эти отверстія иногда бываютъ задѣланы двумя желѣзными полосками, положенными крестъ-на-крестъ. Печки въ клѣти, разумѣется, тоже нѣтъ.

Дворъ обнесенъ бревенчатымъ заборомъ и, по большей части, не крытъ, грязь на немъ всегда невообразимая, такъ что скотъ иногда стоитъ въ ней по колѣно и потому часто болѣетъ. Пермякъ рѣдко подстилаетъ на дворъ солому, сберегая ее на зиму для корма скота. На дворѣ, гдѣ-нибудь въ углу, въ куточкѣ, сложены соха и борона; тутъ-же стоитъ и телѣга-двухколеска, употребляемая здѣсь только для возки сноповъ и навозу. Телѣгъ четырехколесныхъ пермякъ вовсе не знаетъ: когда въ какой-нибудь отдаленный починокъ случайно заѣдетъ русакъ на такой телѣгѣ, то ребятишки сбѣгаются смотрѣть на нее, какъ на чудо заморское. Кромѣ двухколесныхъ телѣгъ, никакихъ другихъ лѣтнихъ экипажей нѣтъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, говорятъ, не было и этого; снопы и навозъ возили на са-

[1]) Такъ называютъ пермяки бѣлье и всякую одежду.

няхъ, на нихъ-же отвозили и мертвыхъ на погостъ; отсюда и пошелъ у пермяковъ обычай отвозить покойниковъ въ церковь непремѣнно въ саняхъ — будетъ ли то лѣтомъ или зимою, все равно. Въ Карсовайской вол., Глазовскаго у., навозъ вывозятъ и до сихъ поръ просто на лубкахъ, тамъ и сани не успѣли еще войти въ употребленіе.

Костюмъ пермяка незатѣйливъ и напоминаетъ до нѣкоторой степени одежду русскаго крестьянина. Мужчины носятъ пестрядинныя рубашки-косоворотки (пордэсъ) и синіе штаны (гэчъ) изъ толстой и грубой пеньковой ткани. Воротъ и прорѣзь рубашки иногда обшиваются красной каемкой. Въ праздники пермяки любятъ наряжаться въ ярко-красныя плисовыя рубашки; красный цвѣтъ, замѣчу мимоходомъ, есть любимый цвѣтъ. На рубашкѣ пермякъ носитъ ременный поясъ (юкосъ) съ пришитой къ нему бивой — нѣчто въ родѣ маленькаго патронташа [1]). Поясъ этотъ надѣвается на мальчика съ 7—8 лѣтъ, т. е. съ того времени, когда онъ начинаетъ работать и пособлять отцу въ хозяйствѣ; и съ той минуты пермякъ съ нимъ никогда не разстается и уноситъ даже съ собой въ могилу. Кушаки покупные встрѣчаются рѣдко, развѣ у богатыхъ, да и то надѣваются только по праздникамъ. Въ послѣднее время стало входить въ обычай, чтобы женихъ шелъ подъ вѣнецъ непремѣнно въ крас-

[1]) Слово бива происходитъ отъ пермяцкаго би, что значитъ огонь. Прежде въ бивѣ они носили кремень и огниво, чтобы постоянно имѣть огонь подъ руками. Теперь въ бивѣ носятъ спички, мелкія деньги, пуговки, иголки и пр.

номъ кушакѣ (изъ коломенки). Лѣтомъ пермякъ ходитъ въ одной рубашкѣ или надѣваетъ поверхъ ея бѣлый холщевый шабуръ, сшитый на манеръ русскаго азяма, только нѣсколько покороче его и безъ воротника, съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ для шеи; зимой же и осенью носитъ нагольную шубу (пашь), а сверхъ ея надѣваетъ опять-таки тотъ-же шабуръ. Азямы, зипуны и сукманы изъ толстаго сермяжнаго сукна, какіе въ ходу у сосѣдей русскихъ, появляются только изрѣдка на плечахъ зажиточныхъ пермяковъ. Въ Чердынскомъ краѣ (Пермской губ.) пермяки, напротивъ, зимою мало носятъ полушубки, а удовлетворяются по большей части однимъ дукасомъ (зипунъ), накинувъ на него неизмѣнный шабуръ. Полушубокъ и азямъ подпоясываются широкимъ кожанымъ поясомъ (тасма), съ придѣланною къ нему слѣва желѣзной скобкою (чергозьянъ) для топора, а справа кожаными ножнами (пуртесъ) для охотничьяго ножа. На головѣ и зимою, и лѣтомъ пермяки носятъ шапку изъ домашнихъ овчинъ; впрочемъ, богачи лѣтомъ замѣняютъ ее грешневикомъ, который и здѣсь, наконецъ, начинаетъ входить въ моду. Въ Пермской губ. очень распространенъ малахай или чебакъ — высокая шапка съ наушниками, а также треухъ-шапка, съ овчиною внутри и матеріей снаружи. Рукавицы у пермяковъ двухъ родовъ: рабочія и для поѣздокъ. Первыя (кэпижь) и есть собственно рукавицы съ варежками, какъ у русскихъ; вторыя называются куманицами; онѣ съ длинной пушистой шерстью, вывороченной наружу и служатъ пер-

мякамъ вмѣсто муфтъ: въ сильные морозы пермяки закрываютъ ими лицо. Обувь состоитъ изъ лаптей (кэмьясъ), причемъ зимою ноги обертываются нѣсколько разъ черными шерстяными онучами, а лѣтомъ простой небѣленой холстиной, портянками (нямыдъ). Крестьяне зажиточные имѣютъ иногда кожаные сапоги (сапогъясъ), которые носятъ только по праздникамъ.

Одеждою женщины служитъ бѣлая холщевая или пеньковая рубаха (корама), воротъ и рукава которой вышиваются обыкновенно красной и синей пряжей; порой рукава рубахи украшаются сборочками и складочками, а плеча—алымъ кумачемъ, иногда узорами изъ красныхъ нитокъ. Поверхъ рубашки надѣвается крашенинный сарафанъ (дубасъ, синюха) изъ посконной ткани, выкрашенной въ кубовую синюю краску. Съ нѣкотораго времени стали входить въ моду и ситцевые фартуки, но платьевъ еще нигдѣ не видно. Шубы женскія крыты всегда крашениной, а у богатыхъ — синею китайкою. На ноги женщины одѣваютъ или лапти или кожаные коты (котэмьясъ), чапчуры, какъ называютъ ихъ здѣшніе русаки. Башмякьясъ, т.-е. башмаки пермячка знаетъ только по одному названію. На Чердыни, кромѣ лаптей, женщины носятъ еще „чарки“, родъ башмаковъ съ суконною опушкою. Женскіе лапти плетутся изъ тонкихъ лыкъ и расшиваются иногда очень красиво красными нитками. На головѣ пермячки носятъ особый уборъ. У замужней женщины онъ состоитъ изъ сороки: это — кичка изъ грубаго толстаго холста съ широкой лопастью назади, закрывающею весь затылокъ.

Спереди она старательно расшита разноцвѣтными бумажными, а иногда и шерстяными нитками. На лбу въ порядкѣ расположены красные и синіе четвероугольники, треугольники и др. фигуры. Задняя часть кички обыкновенно покрыта ситцемъ, а концы обшиты красной бахрамой, ссученной изъ красныхъ нитокъ руками самой-же пермячки. Снизу сороки надѣвается повой—сѣтка изъ суровыхъ посконныхъ нитокъ, сплетенная на манеръ рыболовныхъ сѣтей; подъ повоемъ лежитъ шашмура — маленькая китайчатая или крашенинная шапочка; она едва прикрываетъ шмакъ [1]) на головѣ. Каждая дѣвушка должна приготовить себѣ къ свадьбѣ непремѣнно двѣ сороки, три повоя и двѣ шашмуры. Поверхъ сороки обыкновенно надѣвается платокъ (чишьянъ), пестрядинный или ситцевый, смотря по состоянію.

Дѣвушка заплетаетъ свои волосы въ одну косу и носитъ на головѣ повязку, убранную бисеромъ (коловэдечъ). Въ Пермской губерніи дѣвушки закрываются фатой. Каждая дѣвушка, кромѣ того, непремѣнно носитъ оловянныя серьги и стеклянныя бусы (мольясъ); мѣдныя и оловянныя кольца составляютъ также одно изъ любимыхъ украшеній пермячекъ. Коловэдечъ дѣвушки—лучшая и красивѣйшая часть костюма пермячки, можетъ быть, потому, что никогда не требуетъ стирки, вѣчно оставаясь бѣлымъ, такъ какъ сплошь унизанъ бисеромъ. Издали онъ кажется вѣнкомъ изъ бѣлыхъ полевыхъ цвѣточковъ

---

[1]) Такъ называется пучекъ волосъ на самой макушкѣ головы.

и придаетъ лицу пермячки благородное выраженіе невинности и простоты. Вообще-же одежда пермяковъ — и женщинъ и мужчинъ — непріятно поражаетъ своею неопрятностью и нечистотой. Пермячка мало заботится о своемъ платьѣ и очень рѣдко моетъ и чиститъ его. Даже самыя лучшія праздничныя пельпомы-коромы (вышитыя рубашки) и синюхи ея загрязнены и засалены до крайности, на одежду мужчинъ порой бываетъ просто страшно взглянуть: до того она пропитается саломъ, кровью и грязью.

Главной *пищей* пермяка служитъ ячный или овсяный хлѣбъ изъ несѣянной муки, такъ называемый, ярушникъ. Ржаной хлѣбъ у большинства пермяковъ появляется на столѣ только въ праздники и воскресные дни. Во время голодовокъ ячный хлѣбъ замѣняется пихтовой корой, для этого кору мелко-на-мелко толкутъ въ ступахъ; полученную „муку“ смѣшиваютъ съ отрубями или ячной мукой и приготовляютъ изъ этой смѣси лепешки, невкусныя и непитательныя, твердыя, какъ камень. Пермяцкое питаніе незатѣйливо и неприхотливо. Часовъ въ 5—6 утра, какъ только встаютъ съ постели, они завтракаютъ хлѣбомъ и кислымъ молокомъ (шомайелъ). Въ 11 часовъ утра обѣдъ. Здѣсь прежде всего подается шидъ — щи. Во щахъ этихъ нѣтъ и признака капусты, такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ она совсѣмъ не родится. Шидъ—это просто горячая вода, приправленная кислымъ молокомъ и овсяной мукой, а въ постные дни — конопляннымъ сокомъ; въ великомъ постѣ шидъ варится изъ рѣпы. По праздникамъ во щахъ варятъ

пикшу, вонючую и невкусную рыбу, привозимую сюда изъ Архангельской губерніи; мясо пермякъ средней руки ѣстъ не болѣе десяти разъ въ годъ. Весною шидъ приготовляется изъ ягеля (путьки), съ прибавленіемъ того-же кислаго молока.—За шидомъ, „на загладку“, слѣдуетъ холодное, кислое молоко съ ярушникомъ, а въ праздничные дни, кромѣ того, еще ячная каша—размазня, сваренная на водѣ. Молоко прѣсное пермяками въ пищу не употребляется; они ѣдятъ молоко кислое. Для этого прѣсное молоко заквашивается въ особыхъ кадкахъ; чѣмъ дольше стоитъ оно, тѣмъ лучше. „Хорошимъ“ молоко считается только тогда, когда оно простоитъ въ теплomъ мѣстѣ недѣли 3—4 и совсѣмъ перебродитъ. При этомъ оно получаетъ зеленоватый оттѣнокъ, цвѣтъ плѣсени, и разлагается на свои составные элементы: бѣлковина и жиръ свертываются комками, а водянистыя части выдѣляются въ видѣ сыворотки. Масло коровье никогда на столъ не подается; оно цѣликомъ уходитъ на продажу. Кашу ѣдятъ съ коноплянымъ или льнянымъ масломъ.—Часа въ 2—3 по полудни пермяки полдничаютъ остатками обѣда и вечеромъ, ложась спать, ужинаютъ—опять кислымъ молокомъ и хлѣбомъ. По праздникамъ иногда пекутъ пироги (чериньянъ) съ начинкою изъ пикши. Въ это время положительно боязно входить въ избу пермяка: какъ только вы отворите дверь, —васъ обдастъ такимъ смраднымъ, невыразимо ѣдкимъ запахомъ разлагающагося трупа, что вы невольно отшатнетесь; это значитъ пермячка готовитъ пироги изъ пикши. Нерѣдко также пекутъ шаньги—ватрушки изъ

картофеля и ячной муки. О гречневой кашѣ пермяки не имѣютъ никакого понятія, такъ какъ гречиха совсѣмъ не родится на здѣшней болотистой и сырой почвѣ. За то здѣсь въ большомъ ходу овесъ; изъ него приготовляютъ муку, крупу и толокно. Послѣднее вмѣстѣ съ рѣдькой и рѣпой служитъ единственной пищей во время великаго поста. Изъ напитковъ, кромѣ водки, пермяки употребляютъ квасъ и спиртуозную овсяную брагу. Квасъ (сюкась) въ большинствѣ случаевъ приготовляется изъ рѣпы, для вкуса иногда прибавляется къ этому нѣсколько отрубей. Квасъ этотъ мало чѣмъ отличается отъ воды; цвѣтъ его—мутновато-желтый. До браги (суръ) пермяки большіе охотники и варятъ ее очень часто, причемъ кладутъ въ нее достаточное количество хмеля. Можно сказать, что насколько вотякъ любитъ свою кумышку, настолько-же пермякъ уважаетъ свой суръ. Онъ приготовляется не просто, а съ различными обрядами и наговорами, которые должна знать каждая хозяйка. — Чаю пермяки совсѣмъ не употребляютъ; самовары здѣсь крайне рѣдки.

По наружности всѣ пермяки чрезвычайно сходны между собою, такъ что одного трудно отличить отъ другого. Съ виду они сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязно-желтымъ цвѣтомъ кожи. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги, голова небольшая, угловатая, бѣлокурые жидкіе волосы острижены по-русски въ кружокъ, падаютъ на лобъ, совершенно закрывая его, никогда не вьются и не сѣдѣютъ. Между 20—22

годами появляется у пермяка маленькая рѣдкая бородка; у многихъ ея и совсѣмъ не бываетъ. Глаза узкіе, подслѣповатые, по большей части, голубые, какъ и у всѣхъ народовъ финскаго племени, выраженія въ нихъ нѣтъ никакого, они вялы и безжизненны. Вздернутый носъ и ноздри, нѣсколько вывороченныя наружу, придаютъ пермяку свирѣпый и заносчивый видъ, хотя на самомъ дѣлѣ едва-ли въ мірѣ найдется такая овца, которая была-бы также смирна и кротка, какъ современный пермякъ. Скулы у многихъ сильно выдаются. Щеки осунувшіяся, безжизненныя, румянца на нихъ нѣтъ и слѣда; губы тонки и сжаты. Женщины совсѣмъ почти лишены бровей. Пермякъ ходитъ мѣшкотно, неуклюже, по-медвѣжьи, и при этомъ не размахиваетъ руками, говоритъ какъ-то лѣниво, вяло, немножко нараспѣвъ, безъ всякихъ повышеній и пониженій въ голосѣ. Веселыхъ пѣсенъ у пермяковъ очень мало.

Вялость и лѣнь — родовая черта пермяка. Онъ никогда не навозитъ на зиму дровъ съ осени, какъ это дѣлаютъ русскіе крестьяне. Привезетъ себѣ возъ, два — и довольно, и сидитъ себѣ на печи, или ковыряетъ что нибудь по дому, или пойдетъ по сосѣдямъ лясы точить съ ними, или отправляется въ кабакъ—на людей посмотрѣть и себя показать, узнать дневныя деревенскія новости,—и такъ до тѣхъ поръ, пока жена не напомнитъ ему, что дрова всѣ вышли. Съѣздитъ разъ-другой и опять откладываетъ о нихъ всякое попеченіе на мѣсяцъ или полтора. А жена, межъ тѣмъ, работаетъ, рукъ не покла-

дая, управляется со всѣмъ хозяйствомъ, ухаживаетъ за дѣтишками, занимается пряжей, ткаиьемъ холста и т. п. Никогда пермякъ не обмолотитъ сразу весь свой хлѣбъ; онъ возится съ нимъ опять въ теченіе всей зимы. Вымолотитъ овинъ, свезетъ зерно на мельницу и потомъ дожидается, когда кончится весь хлѣбъ; затѣмъ опять молотитъ и ѣдетъ на мельницу и т. д.

При всей своей апатіи и лѣни пермякъ не обиженъ отъ Бога здоровымъ смысломъ. Онъ глубоко понимаетъ окружающую природу и умѣетъ приложить свои знанія и опытъ къ дѣлу. При выборѣ мѣста для кулиги или поселенія ему достаточно взглянуть на растенія мѣстности, чтобы опредѣлить характеръ почвы, онъ сразу видитъ, выгодно-ли ему разработывать мѣсто или нѣтъ и если выгодно, то для какихъ хлѣбовъ. Онъ прекрасно знаетъ свойства почвы, какой грунтъ „любитъ“ то или другое растеніе. Онъ знаетъ, что ива, береза, сосна, подорожникъ и гвоздика (тыгчэ) растутъ на песчаной почвѣ, тимоѳеева трава—на глинистой, шалфей и можжевельникъ—на известковой, ольха и другіе, криво растущіе, кустарники—на почвѣ кислоболотистой, — никогда не ошибется въ выборѣ мѣста для подсѣки и починка. Такую же смѣтливость онъ выказываетъ и въ лѣсованьѣ (охота), которое составляетъ одно изъ любимыхъ его занятій.

Между собой пермяки живутъ дружно, рѣдко ссорятся и не обижаютъ другъ друга. Пермякъ не выдастъ ни за что своего брата: „пермякъ за пермяка—что быкъ за быка“, говоритъ мѣст-

ная русская пословица. Русскій крестьянинъ никогда не затронетъ въ дракѣ пермяка, зная, что за того горой поднимутся всѣ товарищи-собраты и намнутъ ему шею. Въ случаѣ какого нибудь преступленія, случившагося въ ихъ средѣ, пермяки своимъ судомъ накажутъ преступника, но ни за что не выдадутъ его властямъ. Слѣдователи, пріѣзжающіе сюда по разнымъ дѣламъ, ничего не могутъ добиться отъ нихъ; „знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“ — единственный отвѣтъ пермяка на всѣ вопросы, хотя-бы онъ прекрасно зналъ всѣ мельчайшія подробности дѣла.

Стадность, общественность сильно развита у пермяковъ. Другъ безъ друга они ложки ко рту не поднесутъ, вездѣ — сосѣди, міръ, артель. Почти всѣ работы справляются помочами. Самыя пустяковыя деревенскія дѣла непремѣнно рѣшаются на сходѣ. Даже время покоса, посѣва, жатвы и то опредѣляется всѣмъ міромъ. Сходъ завѣдуетъ не только общественными дѣлами, онъ считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться и въ семейныя дѣла пермяка. На сходѣ рѣшаются споры и раздоры между членами семьи, по жалобѣ какого-нибудь изъ нихъ; случается даже, что деревенскій сходъ разводитъ мужа съ женою, если они живутъ не ладно, и опредѣляютъ раздѣлы между братьями. Рѣшающимъ голосомъ на сходѣ пользуются старики. Рѣшенія схода въ большинствѣ случаевъ исполняются свято и нерушимо. Непослушныхъ сходъ наказываетъ собственной властью. Разъ былъ даже такой случай: за отказъ городить огородъ артель наказала роз-

гами старосту деревенскаго и десятскаго, такъ какъ тѣ вообразили, что и они — начальство, а начальство-де огородовъ не городитъ.

Пермяки очень гостепріимны и сострадательны. Ни одинъ странный, захожій человѣкъ не уйдетъ отъ нихъ безъ угощенія и привѣта. Они накормятъ, напоятъ его, чѣмъ Богъ послалъ, а иногда и ярушникъ всунутъ ему въ карманъ на дорогу. Гостепріимство и доброта особенно проявляются въ ихъ отношеніяхъ къ уголовнымъ „ссыльникамъ“. Не смотря на то, что эти ссыльные ничего, кромѣ вреда, не приносятъ пермякамъ, не смотря на то, что они съ презрѣніемъ и высокомѣріемъ смотрятъ на пермяцкую „необразованность“, пермяки въ высшей степени благодушно относятся къ нимъ, жалѣютъ ихъ и въ крайнемъ случаѣ всегда готовы помочь имъ. Когда пріѣзжаетъ новый ссыльникъ, тотчасъ-же къ нему являются сострадательные пермячки и приносятъ съ собой ярушниковъ, шанегъ, чтобы угостить ими новопріѣзжаго. „Тошно вѣдь, поди, родименькому первое-то время: какъ не пожалѣть его“!

Въ домашней жизни пермяки бережливы, даже скупы. Пермякъ почти ничего не покупаетъ, а старается по возможности обойтись своими домашними средствами. Въ дому у него только и есть покупного, что шляпа-грешневикъ, соль до 2—3 горшка; все остальное—свое; даже чашки, ложки и тѣ по большей части—самодѣльщина. О мылѣ пермяки и понятія не имѣютъ; его замѣняютъ зола и щелокъ. При охотѣ за бѣлками пермякъ заряжаетъ ружья 3—4 дробинками,—

никакъ не болѣе, старается цѣлить прямо въ глазъ или ухо. При своей замѣчательной сноровкѣ и вѣрности глаза, онъ никогда почти не даетъ промаха, и бѣлка послѣ выстрѣла тотчасъ-же кубаремъ летитъ съ дерева. Снимая шкурку, пермякъ распластаетъ всю бѣлку по косточкамъ и непремѣнно найдетъ свои дробины и употребить ихъ снова въ дѣло.

Пермякъ болитъ душою, когда ему приходится выплачивать деньги. Нужно видѣть, какъ онъ покупаетъ что-нибудь въ лавкѣ. Онъ долго переминается съ ноги на ногу, уходитъ изъ лавки и опять приходитъ, десять разъ спрашиваетъ настоящую цѣну и потомъ съ какимъ-то остервенѣніемъ достаетъ изъ-за пазухи замасленый „чишьянъ“, въ которомъ хранятся у него деньги, молча отдаетъ ихъ лавочнику, и съ сердитымъ нахмуреннымъ лицомъ, взявъ покупку, выходитъ изъ лавки. Даже водки не рѣшится пермякъ выпить сразу: скупость и тутъ удерживаетъ его. Прійдя въ кабакъ, онъ долго сидитъ на полу или на лавкѣ, угрюмо вглядываясь въ лицо кабатчика, и случается нерѣдко, что придя въ кабакъ съ твердымъ намѣреніемъ выпить, пермякъ посидитъ, посидитъ тамъ, да такъ и выйдетъ вонъ, не выпивъ. Желаніе выпить долго борется въ немъ со скупостью; но стоитъ пропустить ему одну рюмку—всякій расчетъ пропадаетъ, пермякъ пьетъ уже дальше безъ оглядки, до тѣхъ поръ, пока не свалится или пока деньги не уйдутъ изъ кармана.

Земледѣліе составляетъ главное и любимое занятіе пермяка. Онъ прекрасно сознаетъ, что

все его благосостояніе зиждется на землѣ, и онъ любитъ, холитъ ее, ухаживаетъ за нею. Весною онъ будто перерождается: и смотритъ весело, и ходитъ прямо, въ немъ прибываетъ и бодрости, и энергіи; полевыя работы и весенній воздухъ оживляютъ его. И нарочно, и ненарочно забѣжитъ онъ въ поле посмотрѣть, какъ всходитъ рожь, вызрѣла-ли она, не пора-ли жать, наконецъ. Покамѣстъ зрѣетъ хлѣбъ, пермякъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять побываетъ въ полѣ, остановится и долго-долго смотритъ на свою полосу съ какимъ-то любовнымъ наслажденіемъ. Какъ радуется его простая душа, если хлѣбъ хорошо поднимается и поспѣваетъ ко времени до заморозковъ, и какъ, наоборотъ, онъ печаленъ, если какое-нибудь несчастье обрушится на его поле. А эти несчастья случаются сплошь и рядомъ. Иной разъ градомъ побьетъ, а то такъ дожди зальютъ, червь съѣстъ.

Послѣ земледѣлія, любимое занятіе—охота, или „лѣсованье“. Пермякъ молодой—въ душѣ охотникъ; онъ страшно любитъ ходить по лѣсамъ и лугамъ, далеко раскинувшимся по берегамъ рѣкъ, протекающихъ здѣсь,—за утками, рябчиками, зайцами и бѣлками. Пріобрѣсть новое ружье и гармонику—для каждаго парня составляетъ завѣтную мечту, которую онъ и стремится всѣми силами осуществить, но парню рѣдко удается сколотить такую сумму, которая была бы достаточна для покупки гармоники, а тѣмъ болѣе ружья: оно вѣдь стоитъ такъ дорого—отъ 2 до 5 р. Гдѣ-же ему взять столько денегъ?.. Ружья у пермяковъ по большей части кремневыя

и только за послѣднее время замѣчается попытка передѣлывать ихъ въ пистонныя; новыя ружья здѣсь покупаются очень рѣдко.

Пермякъ—замѣчательный стрѣлокъ, онъ лучшій охотникъ края, промахъ для него—немыслимое дѣло, и несмотря на то, что ружье его бьетъ не далѣе какъ на 10—15 саженъ, онъ въ одну недѣлю настрѣливаетъ иногда до 150 паръ рябчиковъ. Главная охота производится осенью и зимой. Осенью пермяки собираются группами, человѣкъ по пяти и уходятъ лѣсовать въ далекіе сѣверные вологодскіе лѣса; здѣсь они остаются недѣли по двѣ, по три: бьютъ рябчиковъ, тетеревовъ, зайцевъ, бѣлокъ—вообще мелкую дичь. Добычу вывозятъ оттуда цѣлыми возами. Зимой охотятся на медвѣдей съ ружьемъ и рогатиной. Кромѣ того, для ловли зайцевъ, куницъ, рысей и пр. употребляютъ капканы и тенета. Зайцевъ ловятъ, кромѣ того, при помощи „колодъ“. Для этого толстую лѣсину ставятъ въ наклонномъ положеніи и подпираютъ снизу тоненькимъ прутикомъ (вичкою),—непремѣнно осиновымъ, такъ какъ зайцы ужасно любятъ это дерево. Неосторожный заяцъ перегрызаетъ вичку, колода падаетъ и убиваетъ его. Такихъ колодъ здѣсь въ лѣсу можно встрѣтить очень много, такъ какъ охотиться на зайцевъ этимъ способомъ и выгодно, и нехлопотливо.

Свадебные обряды. Справить свадьбу для пермяка дѣло не легкое. Не мало изъяну оставляетъ она въ его утломъ хозяйствѣ, такъ что иногда нужны цѣлые годы, чтобы оправиться послѣ нея; но съ другой стороны пермякъ радуется, что въ

домъ прибудетъ новая работница или работникъ. Рабочія руки здѣсь дороги, особенно въ лѣтнюю страдную пору, когда плата поденщику доходитъ до 70 коп.; поэтому каждый пермякъ дорожитъ своею дочерью и старается удержать ее при себѣ какъ можно дольше. Дѣвушки здѣсь выходятъ замужъ очень поздно, лѣтъ 20—25, такъ что женихъ почти всегда бываетъ моложе невѣсты на 5—7 лѣтъ. Свадьбы бываютъ по большей части зимой, въ мясоѣдъ, между святками и масляницей. Жену себѣ парень беретъ непремѣнно изъ чужой деревни. Сватовство ведется обыкновенно кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ жениха. Во время переговоровъ свата съ отцомъ, невѣста уходитъ изъ дому къ подругамъ и поднимаетъ тамъ плачъ, жалуясь на свою горькую судьбу, на то, что—

„Пришелъ въ ихъ домъ сѣрый волкъ,
Хочетъ ее молодую въ лѣсъ вести;
А тамъ и холодно, и голодно,
А здѣсь-то мнѣ тепленько,
У родимаго моего батюшки“ и т. д. [1])

Если дѣло между отцомъ и сватомъ будетъ улажено, призываютъ невѣсту, и мать спрашиваетъ ее при всѣхъ, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Невѣста отвѣчаетъ прямо: „да“ или „нѣтъ“, и мнѣніе ея всегда уважается. Не было примѣра, чтобы отецъ съ матерью выдали дочь свою противъ ея желанія. Если дѣвушка согласна выйти замужъ за предлагаемаго

[1]) Это причитаетъ дѣвушка на своемъ родномъ языкѣ.

ей жениха, то она изъ своихъ рукъ подноситъ свату рюмку водки. Тотъ сначала отказывается принять ее и выпиваетъ только послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ со стороны невѣсты; затѣмъ онъ уходитъ, чтобы оповѣстить жениха о благопріятномъ исходѣ сватовства. Спустя нѣсколько времени,—по большей части на другой-же день послѣ этого,—назначаются „свидьники“ (смотрины), на которыхъ присутствуетъ самъ женихъ и всѣ его близкіе родные. Здѣсь дѣло рѣшается уже окончательно, уговариваются о днѣ свадьбы, о приданомъ и проч. Здѣсь-же, на сговорѣ, происходитъ и обрученіе, невѣста и женихъ мѣняются оловянными кольцами (чупнычъ). Послѣ этого невѣста выходитъ въ клѣть и приноситъ оттуда подарки для всѣхъ родныхъ жениха. Подарки эти состоятъ изъ грубыхъ, толстыхъ полотенецъ, не болѣе какъ въ аршинъ длиною и четверти полторы шириною, концы ихъ вышиты красными нитками или просто обшиты широкой плюсовой каймой. За это женихова родня должна отдаривать ее 2—5 коп.,— не ради денегъ, а „для чести“. Жениху невѣста даритъ красную плюсовую рубашку, расшитую очень затѣйливо разноцвѣтными нитками руками самой невѣсты. Рубашка эта заготовляется задолго до свадьбы и вышивается особенно тщательно, такъ какъ по ней судятъ о способностяхъ невѣсты, ея искусствѣ, ловкости и стараніи. Поэтому иногда дѣвушки отдаютъ вышивать ее на сторону, русакамъ. Но бѣда, если узнаютъ объ этомъ сосѣди: бѣдную дѣвушку засмѣютъ, даже мальчишки на улицѣ будутъ драз-

нить ее, и никакой хорошій женихъ не возьметъ за себя такую обманщицу. Женихъ, взявши рубашку, отдариваетъ невѣсту котами или лаптями и при этомъ два раза цѣлуется съ нею. „Свидьники“ бываютъ по большей части въ праздники, такъ какъ по буднямъ разъѣзжать некогда. Свадьба назначается обыкновенно въ ближайшій воскресный день, черезъ недѣлю послѣ свидышекъ. Наканунѣ вѣнчанія у невѣсты устраивается дѣвичникъ, гдѣ присутствуютъ всѣ дѣвушки селенія; парней сперва не допускаютъ. Дѣвушки сидятъ вокругъ стола; ихъ угощаютъ орѣхами, пряниками; при этомъ угощенье не ставятъ на столъ, какъ это дѣлается у русскихъ, а раздаютъ по рукамъ. Сама невѣста сидитъ на передней лавкѣ, нѣсколько поодаль отъ стола. Волосы ея распущены и живописно падаютъ по плечамъ. Сверху они прикрыты бѣлой барашковой шапкой. Шапку эту невѣста не скидаетъ до самаго вѣнца, даже спать въ ней ложится. Передъ вѣнчаніемъ женихъ долженъ самъ снять ее съ головы невѣсты и повязать свою будущую жену платкомъ. Рядомъ съ невѣстой сидитъ мать или другая какая-нибудь родственница, сидятъ онѣ обнявшись, и обѣ горько плачутъ... Дѣвушки во все время дѣвичника поютъ заунывныя, грустныя пѣсни, въ которыхъ выражается вся грусть-тоска невѣсты, разлучающейся съ роднымъ домомъ, съ отцомъ, матерью. Затѣмъ начинается благословеніе. Дѣвушки поютъ протяжнымъ голосомъ:

„Ты, родимый мой батюшка!
Ты взгляни на меня, горькую,

Благослови-ко меня вспослѣдніе,
Что во первые, во послѣдніе.
Какъ твое-то благословеньице
Изо дна моря повынесетъ,
Въ обидушку никому не дастъ".

А въ это время невѣста встаетъ съ лавки и, перейдя къ отцу, бросается передъ нимъ на колѣни и долго плачетъ, оставаясь въ такомъ положеніи. Наконецъ, когда дѣвушки запоютъ тоже самое во второй разъ, она поднимается съ полу, и отецъ благословляетъ ее. Потомъ невѣста такимъ-же порядкомъ испрашиваетъ благословенія у матери, все время оставаясь въ шапкѣ. Послѣ этого мать на минуту отходитъ къ печкѣ и приноситъ оттуда приготовленное заранѣе бѣлье и шубу и передаетъ ихъ дочери. Невѣста принимаетъ и кланяется матери въ ноги; потомъ мать приноситъ пару вѣниковъ и на нихъ коровай хлѣба или ярушникъ. Невѣста принимаетъ и это и опять кланяется своей родительницѣ до земли. Затѣмъ отправляются въ баню; выходятъ изъ избы съ пѣснями. Впереди идетъ невѣста, подъ руку съ матерью или близкой родственницей, если матери нѣтъ въ живыхъ. Съ невѣстой входятъ въ баню и нѣсколько дѣвушекъ, которыя должны мыть ее и парить. Прочія-же дѣвушки, которымъ не достало мѣста въ банѣ, равно и вся посторонняя публика, поджидаютъ невѣсту у двери бани и не перестаютъ пѣть пѣсни, причемъ четыре дѣвушки, держа на головѣ одежду и бѣлье невѣсты, пляшутъ среди круга. Невѣста выходитъ изъ бани въ шубѣ, съ вѣникомъ въ

рукахъ. Вѣникъ этотъ она перебрасываетъ черезъ голову, потомъ кланяется на всѣ четыре стороны всему честному народу, собравшемуся здѣсь, и отправляется домой въ сопровожденіи толпы, при чемъ пѣсни ни на минуту не смолкаютъ до самыхъ дверей керки. Придя домой, невѣста становится на срединѣ избы, опять кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ (по пермяцки): спасибо теплой баенкѣ, милому братцу за то, что вспоилъ вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду, любезнымъ подружкамъ, всѣмъ добрымъ молодцамъ, съ которыми гулять приводилось, и потомъ, наконецъ, отцу и матери. Затѣмъ дѣвушки усаживаютъ невѣсту въ передній уголъ и умываютъ ее брагою (суръ), невѣста вытирается чистымъ полотенцемъ и цѣлуетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыя поочередно подходятъ къ ней.

Утромъ въ день свадьбы къ невѣстѣ опять собираются подруги, здѣсь поются пѣсни, въ которыхъ слышатся тѣ-же жалобы невѣсты на свое несчастное положеніе, на горькую судьбину. Невѣста, по прежнему въ шапкѣ, сидитъ среди подругъ и плачетъ... А между тѣмъ у жениха въ это время устраивается веселая пирушка, на которую собираются обыкновенно всѣ его родные. Порядочно подвыпивши, вся компанія отправляется къ невѣстѣ. Звонъ и громъ разносится по деревнѣ отъ цѣлой массы колокольцевъ и бубенчиковъ, которыми увѣшиваются лошади; крики, свистъ и гамъ самихъ поѣзжанъ вторятъ имъ. Вся деревня отъ мала до велика сбѣгается смотрѣть на жениховъ поѣздъ. Дядя жениха цѣлыми горстями кидаетъ въ толпу „чэрки“—маленькіе

каточки изъ ржаной или ячной муки, замѣшанные на пивномъ суслѣ; по вкусу они нѣсколько походятъ на „солодѣлышъ“ — осолодѣлый перекисшій хлѣбъ, столь употребительный между крестьянами Владимірской и Ярославской губерній. Ребятишки гурьбой бѣгутъ за поѣздомъ до самой околицы и наперерывъ, съ дракой, подбираютъ по дорогѣ любимыя ими „чэрки“. Пріѣхавъ къ дому невѣсты, поѣзжане должны долго стоять на морозѣ и стучать въ запертыя ворота, прежде чѣмъ ихъ впустятъ въ избу. Въ это время невѣста одѣвается и приготовляется къ вѣнцу. На нее надѣваютъ новую кирому и синюху и за пазуху кладутъ шерсть и ярушникъ, чтобы она жила замужемъ тепло, сыто и привольно. Затѣмъ она начинаетъ прощаться со всѣмъ, что было дорого и мило ей въ дому родительскомъ, прощается съ милымъ гребнемъ, за которымъ коротала длинные дѣвическіе вечера, съ полатями, которыя доставляли спокойный сонъ, тепло и покой; цѣлуетъ корову и лошадь, къ которымъ такъ привыкла, ухаживая постоянно за ними, цѣлуетъ всѣ четыре угла избы; потомъ, въ послѣдній разъ, обнимаетъ мать, отца, братьевъ и сестеръ... Въ это время подходитъ къ ней дядя жениха, беретъ ее за руки, связываетъ ихъ легонько лыкомъ или мочалою и выводитъ изъ избы; вмѣстѣ съ ними выходитъ вся женихова родня; садятся на сани и отправляются въ церковь. Изъ невѣстиной родни на вѣнчаньи присутствуютъ только дядя и тетка, которые тотчасъ-же уѣзжаютъ домой. Къ поѣзжанамъ почти всегда присоединяются и дѣвушки, которыя всю дорогу поютъ трогательныя, про-

щальныя пѣсни, въ которыхъ изображаютъ скорбь невѣсты, вылетающей изъ родного гнѣзда. Послѣ вѣнчанья молодую отводятъ къ церковнымъ дверямъ. Здѣсь коловэдечь снимается съ ея головы навсегда, дѣвическая коса расплетается, волосы сбираются на головѣ въ одинъ пучекъ, который называется „шмакомъ“, и поверхъ его надѣваютъ повой и сороку. Послѣ вѣнчанія молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха, оба въ шапкахъ и шубахъ, хотя-бы на дворѣ стояло красное лѣто. Они здороваются съ молодыми, цѣлуются и, взявши ихъ за руки, вводятъ въ избу. Начинается пиръ, продолжающійся до глубокой ночи. На другой день пріѣзжаютъ на пиръ родственники невѣсты; къ родителямъ невѣсты молодые отправляются только на третій день послѣ свадьбы; здѣсь также устраивается пиръ горою. Только на пятый день прекращается пированье и молодые принимаются за работу. — Свадьба обходится пермяку среднимъ числомъ въ 15—20 р. Водки выпивается обыкновенно около ведра. Главное угощеніе на свадьбѣ—овсяное пиво (суръ); имъ хоть облейся. Крестьянинъ середнякъ непремѣнно готовитъ на свадьбу около 20 ведеръ пива. Съ этой цѣлью въ годъ свадьбы онъ даже овса сѣетъ больше обыкновеннаго, засѣвая имъ почти все яровое поле.

Похоронные обряды. — Скажемъ еще *о похоронныхъ обрядахъ* пермяковъ. Какъ только умираетъ кто изъ семьи, его кладутъ сейчасъ-же на лавку, въ переднемъ углу, а не на столъ, какъ это дѣлается у русскихъ. Въ гробъ умершаго

кладутъ ярушникъ или пирогъ съ пикшею, иголку и нѣсколько мѣдныхъ монетъ—„на обзаведенье“. Къ этому иногда присоединяется и новый праздничный шабуръ, въ которомъ любилъ гулять покойникъ. Впрочемъ, теперь одежду умершаго по большей части отдаютъ бѣднякамъ; въ этомъ замѣтно уже вліяніе христіанства. Покойниковъ отвозятъ на погостъ непремѣнно въ саняхъ, которыя и оставляются на могилѣ. Когда ѣдутъ на кладбище, то назадъ не оглядываются, чтобы не вызвать новаго покойника въ домѣ. Передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ въ могилу, крышку на гробѣ приподнимаютъ, чтобы покойникъ могъ взглянуть послѣдній разъ на вольный, бѣлый свѣтъ. Здѣсь съ нимъ еще разъ прощаются, раскланиваются на послѣднее разставаніе и затѣмъ засыпаютъ землею. Въ продолженіе трехъ дней послѣ похоронъ пермяки ходятъ на могилу усопшаго и приносятъ сюда ярушниковъ, шанегъ, а иногда и водку, которую выливаютъ на землю. Въ иныхъ мѣстахъ это дѣлается такъ: на могилѣ вырываютъ небольшую ямку и въ нее выливаютъ водку, приговаривая: „ю, ю!“ (пей, пей!), потомъ кладутъ поверхъ ямки ярушникъ и говорятъ: „кэчь, кэчь!“ (ѣшь, ѣшь!) Тоже самое происходитъ и въ радоницу, весенній поминовенный день, когда каждый пермякъ считаетъ своею обязанностью задать родителямъ угощеніе. Онъ смотритъ на умершихъ, какъ на покровителей своего дома и увѣренъ, что чѣмъ больше ихъ угощать, тѣмъ добрѣе они будутъ къ нему; если-же не положить умершему въ гробъ нужныхъ вещей, да не задабривать порой его водкой и ярушниками,

то онъ разсердится, самъ придетъ изъ могилы, возьметъ что ему нужно, да еще, мало того, отомститъ оставшимся въ живыхъ, разстроивъ ихъ хозяйство.

На третій день послѣ похоронъ въ домѣ устраиваются поминки, на которыя приглашаютъ всѣхъ родственниковъ и сосѣдей. Передъ началомъ стола зажигаютъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и ставятъ ихъ на окна и по обѣ стороны порога. Потомъ на нѣсколько времени дверь отворяется, гости садятся за столъ и приглашаютъ *Лола* (душа, тѣнь) за общую трапезу. Дверь затворяется, лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ. Въ передній уголъ кладется шапка или платокъ, смотря потому, мужчина или женщина былъ умершій. Мѣсто гдѣ лежитъ шапка, никѣмъ не занимается; противъ него на столѣ ставится особая чашка, которую доверху наполняютъ блинами, кислымъ молокомъ, ярушниками, водкой и т. п. Всякій гость считаетъ своею обязанностью положить въ чашку покойнаго, которая подается на столъ, говоря при этомъ: „ѣшь сватушка! или „пей, брательникъ!“ Послѣ обѣда блюдо это выносятъ въ огородъ и ставятъ тамъ въ крапиву, въ какой-нибудь укромный уголокъ, чтобы собаки не съѣли. Черезъ три дня смотрятъ, осталось-ли что въ чашкѣ или нѣтъ. Если вороны не успѣли растаскать всего и въ чашкѣ что-нибудь осталось, — значитъ, „лолъ“ ѣсть не хочетъ, сердится на что-то.

Вотяки.

Вотяки — одна изъ отраслей финскаго или чудскаго племени, которое въ доисторическія времена обитало на сѣверѣ Азіи и Европы и на югѣ Европейской Россіи. Русскому населенію эти инородцы извѣстны были прежде подъ именемъ: ари аряне, арское племя, отяки, а вотяками стали называться не болѣе 150 лѣтъ тому назадъ. Сами они называютъ себя Удъ или Одъ муртъ, что значитъ (въ переводѣ на русскій языкъ) человѣкъ (муртъ) изъ племени Одъ или Удъ.

Лѣтъ 600—700 тому назадъ вотяки жили въ западной половинѣ нынѣшней Вятской, отчасти въ Костромской и Вологодской губерніяхъ, но когда въ эту мѣстность начали селиться черемисы и русскіе,—вотяки двинулись къ югу и востоку, въ глубь лѣсовъ.

Въ настоящее время всѣхъ вотяковъ болѣе 380 тысячъ; живутъ они, главнымъ образомъ, въ Вятской губерніи (въ 6 юго-восточныхъ уѣздахъ): здѣсь ихъ около 350 тыс.; кромѣ этого, вотяковъ мы видимъ въ губерніяхъ Уфимской, Казанской, Пермской и Самарской.

Большая часть вотяковъ теперь уже христіане. Христіанство между ними начало распространяться главнымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ; тогда во многихъ вятскихъ деревняхъ были устроены православные христіанскіе храмы. Одна изъ такихъ деревень къ настоящему времени сдѣлалась уже городомъ (Глазовъ). Для обученія инородцевъ грамотѣ, въ томъ числѣ и вотяковъ, духовенствомъ

150 лѣтъ тому назадъ были устроены 4 школы— въ Казани, Елабугѣ, Свіяжскѣ и Царевококшайскѣ. Прошедшіе съ успѣхомъ школу опредѣлялись на мѣста псаломщиковъ въ инородческія села къ своимъ единоплеменникамъ.

Вотякъ отъ природы надѣленъ довольно свѣтлымъ умомъ и наблюдательностью. Дальше русскаго заглянулъ онъ въ тайны природы, какъ земледѣлецъ и какъ пчеловодъ, не уступаетъ ему и въ нѣкоторыхъ другихъ занятіяхъ. Въ земскихъ собраніяхъ вотяки гласные отличаются смышленностью и изворотливостью ума по довольно сложнымъ хозяйственнымъ вопросамъ. Въ торговыхъ дѣлахъ они также знаютъ толкъ и часто, не смотря на свою неграмотность, ведутъ торговлю на значительные капиталы. Но особенно умственныя способности вотяка проявляются въ школѣ. Всѣ народные учителя, занимавшіеся въ вотскихъ школахъ, говорятъ: „на первыхъ порахъ поступленія въ школу, пока еще вотскія дѣти неосвоились съ русскимъ языкомъ, они, пожалуй, и уступятъ первенство русскимъ мальчикамъ, но потомъ уже не отстаютъ отъ нихъ и даже превосходятъ“. Вотскій мальчикъ крайне чувствителенъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ и упрекамъ учителя за неисправность и очень любитъ похвалы, а потому учится старательно. Эта нѣжность его природы и заставляетъ учителя крайне осторожно обращаться въ школѣ съ вотскими дѣтьми и именно обращаться отечески.

Больно бываетъ смотрѣть на страданіе этого маленькаго человѣка, когда на предложенный ему вопросъ учителя онъ затрудняется отвѣчать

только потому, что не можетъ подыскать подходящихъ русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Краснѣетъ онъ тогда, напрягаетъ всѣ свои силы, переступаетъ съ ноги на ногу, покачивается, простираетъ руки впередъ, какъ бы желая поймать русское слово или оборотъ рѣчи,—но напрасно. Пусть теперь скорѣе поддержитъ его учитель, иначе онъ заплачетъ—досадно ему и совѣстно...

Въ семьѣ своей вотякъ кротокъ и миролюбивъ, за что пользуется отъ младшихъ членовъ семьи почетомъ и уваженіемъ; къ своему собрату сохраняетъ самыя дружественныя отношенія. Не достало у вотяка хлѣба для обсѣмененія полей, онъ идетъ къ сосѣду и получаетъ нужное; осталась невыжатою его полоса въ полѣ за болѣзнью—ее выжнутъ услужливые сосѣди. Попалъ вотякъ въ бѣду, вся деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣетъ денегъ. Немощныхъ и убогихъ вотякъ призираетъ лучше русскаго, потому здѣсь нѣтъ ни нищенства, ни попрошайничества.

Вотякъ исправно выплачиваетъ всѣ подати и повинности, недоимокъ за нимъ никогда не бываетъ.

Изъ недостатковъ вотяка слѣдуетъ указать на его гордость и самолюбіе. Вотякъ любитъ расточаемыя ему похвалы. Этою слабостью его и пользуются русскіе сосѣди. При денежныхъ сдѣлкахъ русскій часто поступаетъ съ вотякомъ такъ: онъ разсыпается предъ нимъ въ похвалахъ и угощаетъ его водкой; вотякъ дѣлается благодушнѣе и щедрѣе, а хозяинъ назойливѣе и назойливѣе проситъ прибавки къ выданнымъ деньгамъ. Вотякъ опускаетъ руку въ одинъ карманъ, въ другой,

за пазуху, за онучи и все подбавляетъ по немногу, то на какого нибудь Ивана Иваныча, то на Сидора Сидорыча, то на всѣхъ вмѣстѣ и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, вскрикиваетъ: „окма! давалъ, давалъ да и умъ кончалъ“! Теперь только русскій отпускаетъ вотяка съ значительно облегченнымъ кошелькомъ.

Занятія вотяковъ. Вотякъ не знаетъ отхожихъ промысловъ, даже въ услуженіе идетъ онъ рѣдко, развѣ къ своему же брату вотяку; не извѣстны ему и ремесла, даже для домашняго обихода онъ не умѣетъ ничего сдѣлать. За то въ земледѣліи у него работа спорится лучше, чѣмъ у русскаго крестьянина. По различнымъ примѣтамъ (полету птицъ, крику животныхъ, состоянію лѣса и воды) вотякъ заранѣе угадываетъ, какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ,—сообразно съ этимъ и подготовляетъ почву и разбрасываетъ сѣмена и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина; пользуются ими и судовщики и лѣсопромышленники для своихъ выгодъ и говорятъ спасибо вотяку.

Вотякъ страстный охотникъ и не смотря на плохое ружье, дѣлаетъ большіе успѣхи въ охотѣ. Страсть къ ловлѣ птицъ и звѣрей передается съ дѣтства. Съ 9 лѣтъ вотскій мальчикъ ходитъ съ отцомъ на охоту въ качествѣ ученика и пособника, учится всѣмъ пріемамъ скрадыванія птицы и схаживанья звѣря, знакомится съ мѣстами ихъ гнѣздъ и логовищъ по слѣдамъ и перелету.

Въ охотѣ вотякъ настойчивъ, терпѣливъ и ловокъ. Въ простой походкѣ его уже много хитрости и лукавства. Онъ ходитъ какъ то крадучись,

избочась и едва поднимая отъ земли ноги, носки его лаптей прежде устраняютъ встрѣтившуюся на пути преграду, а потомъ слѣдуетъ опусканіе ступни. На охотѣ вотякъ идетъ съ вами рядомъ, и вы не слышите его шаговъ; онъ идетъ въ камышѣ—вровень съ камышемъ, въ травѣ—вровень съ травой. Едва завидѣлъ онъ издали птицу, какъ обращается въ нѣмой столбъ, склоняется тихо къ травѣ и ползетъ, какъ кошка. Сначала еще видишь какъ по направленію его слѣдовъ склоняется травка по травкѣ, потомъ исчезаетъ и этотъ слѣдъ присутствія живой души—до тѣхъ поръ, пока не услышится вдали глухой звукъ вотской пищали и паденье на землю убитой птицы. Теперь онъ вынырнулъ изъ травы, но для того, чтобы подобрать дичь, выслѣдить направленіе полета спуганной птицы, а потомъ снова погрузиться туда. Долго ползаетъ такимъ образомъ вотякъ и презираетъ при этомъ всякія неудобства—купанье въ лужахъ, перелѣзаніе чрезъ пни и колоды и пр.; бываютъ нерѣдко случаи такого увлеченія охотою, что вотякъ по двое сутокъ бродитъ по лѣсу безъ пищи и возвращается домой голоднымъ, изнуреннымъ и исцарапаннымъ, но за то съ полнымъ пестеромъ [1]) набитой птицы.

Вотякъ-охотникъ хорошо подражаетъ крику и писку птицъ и кромѣ того запасается дудками и свистушками для рябчиковъ, тетеревовъ и утокъ. Станетъ вотякъ за дерево и начнетъ пищать — и дичь летитъ прямо подъ выстрѣлъ.

---

[1]) Пестеръ—сума.

Особенно много бьютъ вотяки такимъ образомъ рябчиковъ.

Съ цѣлью добыванія птицы вотяки ставятъ силки. Для этого выбирается гдѣ-нибудь, по большей части на опушкѣ лѣса, сухое безъ листвы дерево; на одну изъ распростертыхъ вѣтвей его набиваются затяжныя петли изъ конскаго волоса (онѣ то и называются силками). Вблизи ствола, изъ котораго выходитъ вѣтвь, привязывается кисть рябины, калины или другихъ какихъ нибудь ягодъ, когда рябчикъ или тетеревъ, сѣвши на вѣтку, побѣжитъ къ рябинѣ, то непремѣнно зацѣпится головой или ногой въ одинъ изъ силковъ и затягиваетъ петлю, откуда уже не можетъ вырваться. Вотякъ рано утромъ идетъ и обираетъ дичь.

На мелкаго звѣря вотяки разставляютъ капканы. По набѣганному звѣремъ слѣду они вѣрно угадываютъ, когда и по какому направленію пойдетъ звѣрь — здѣсь и устраиваютъ засаду. Случается иногда, что въ капканъ, поставленный на мелкаго звѣря, попадаетъ крупный (медвѣдь или волкъ) и уноситъ съ собою капканъ. Вотякъ долго терзается и мучится, разыскиваетъ звѣря по слѣдамъ, но все напрасно: капканъ исчезъ вмѣстѣ съ звѣремъ. Вообще на охотѣ приключеній съ вотякомъ бываетъ довольно много: то истощатся у него боевые запасы, и онъ сложитъ въ ружье всѣ заржавѣвшіе гвозди, или же оборветъ всѣ оловянныя бляхи на своемъ поясѣ, чтобы зубами приготовить изъ нихъ пули; то за ненастьемъ кремневое ружье откажется бить,—и вотякъ начнетъ на разные лады продувать стволъ ружья, перевер-

тывать такъ и сякъ кремень; то въ силкахъ своихъ найдетъ вмѣсто птицы одну ножку, а остальнымъ воспользовался филинъ или сова. Ружье вотяка бьетъ слабо, а бѣлка сидитъ на деревѣ высоко, внѣ выстрѣла. Какъ тутъ быть? Не долго думая, вотякъ начинаетъ взбираться по дереву вѣтка по вѣткѣ, царапаетъ себѣ лицо и руки и, наконецъ, дѣлаетъ прицѣлъ, — послышался трескъ сучка и паденіе чего то тяжелаго. Это вотякъ оборвался съ дерева и стремглавъ полетѣлъ на землю. Бѣлка съ любопытствомъ смотритъ на бѣдняжку и еще выше забралась на дерево, а бѣдный охотникъ разорвалъ свой кафтанъ и совсѣмъ не можетъ отыскать—бѣлку? нѣтъ, свою шляпу.

На крупныхъ звѣрей (медвѣдей и волковъ) вотяки ходятъ рѣдко и часто только тогда, когда начнутъ исчезать домашнія животныя. Сначала они обыкновенно пытаются испугать звѣря и отогнать его отъ своихъ жилищъ и полей, для чего съ топорами и дубинами всей деревней идутъ по направленію оставленныхъ звѣремъ костей животныхъ и производятъ ужасный крикъ, стрѣляютъ изъ ружей, стучатъ топорами и дубинами по стволамъ деревьевъ. Когда это не поможетъ — прибѣгаютъ къ другимъ мѣрамъ: на волковъ устраиваютъ *облаву*, а на медвѣдей — *полати*. Облава состоитъ въ томъ, что вотяки, вооружившись ружьями, кольями и топорами, окружаютъ въ лѣсу звѣря и бьютъ его, чѣмъ попало. Полатями называются доски, укрѣпленныя рядомъ между двумя деревьями на высотѣ двухъ-трехъ саженъ отъ земли и близъ зарѣзаннаго медвѣдемъ домашняго животнаго. На томъ

основаніи, что медвѣдь выходитъ на свою жертву только ночью, два вотяка еще днемъ забираются на полати съ заряженными ружьями и ждутъ прихода звѣря, котораго, за темнотою ночи, усматриваютъ иногда только по искрящимся глазамъ его. Умный, предусмотрительный медвѣдь нерѣдко догадывается объ устроенной на него засадѣ то по вѣтру, наносимому въ его сторону отъ охотниковъ, то по слѣдамъ, нахоженнымъ ими здѣсь—и уходитъ отсюда. Дурной прицѣлъ, еще чаще дурное ружье — бываютъ причиною того, что медвѣдь не убивается наповалъ, а только получаетъ рану. Тогда разъяренный звѣрь по пороховому запаху не замедлитъ открыть своихъ враговъ и постараетея разсчитаться съ ними. Расчетъ его бываетъ ужасенъ: онъ переломаетъ вотякамъ руки и ноги и оставитъ ихъ искалѣченными, едва живыми.

Вотякъ любитъ заниматься *пчеловодствомъ* и ведетъ это дѣло успѣшнѣе русскаго. Нерѣдко можно видѣть у вотяка 100—150 ульевъ, тогда какъ у хорошаго пчеловода русскаго, едва насчитаешь 20—30 ульевъ. Усердіе вотяка въ ухаживаніи за пчелой—примѣрное. Онъ постоянно слѣдитъ за жизнью пчелы, за ея дѣятельностью и потому заранѣе можетъ опредѣлить, сколько будетъ въ ульяхъ роевъ, и сильны ли они будутъ, можно ли ихъ отсадить, не обезсиливая старыхъ пчелъ и т. д. Зоркій вотякъ не упуститъ отлетъ роя на сторону; онъ заранѣе знаетъ, изъ какого улья и когда полетитъ новый рой—и приготовитъ на этотъ случай всѣ необходимые снаряды для отсаживанья пчелъ въ дру-

гой улей. Если у вотяка мало пчелъ, онъ не лѣнится отыскивать ихъ въ лѣсу и пересаживать въ свои ульи.

Забота вотяка простирается и на качество меда. Онъ знаетъ, что лучшій медъ бываетъ около цвѣтовъ и липоваго лѣса, здѣсь и разставляетъ свои ульи, не обращая вниманія на то, что это и далеко отъ его жилища и неудобно. Вотякъ разводитъ и *бортевой* медъ — высокій сортъ, такъ-называемаго, сарапульскаго меда. Выберетъ онъ въ лѣсу дерево, устроитъ внутри его дупло, продѣлаетъ узкое отверстіе для прохода пчелъ и пускаетъ туда пчелъ. Пчелы скоро приживаются въ этихъ новыхъ жилищахъ. Чтобы не смѣшать своихъ бортей съ бортями другихъ владѣльцевъ, хозяинъ кладетъ *клейма*.

Враги вотяковъ по разведенію пчелъ—медвѣди; эти лакомки нерѣдко забираются въ вотскія пасѣки и причиняютъ хозяину большой ущербъ; особенно любятъ они бортевой медъ.

Для охраненія отъ медвѣдей этого меда вотяки употребляютъ *чурку* и *зыбку*. Чурка устраивается такъ: къ вѣтви бортеваго дерева подвѣшивается толстый чурбанъ, какъ разъ противъ отверстія для прохода пчелъ, но такъ, разумѣется, что пчелы безпрепятственно могутъ проникать въ свое жилище. Добравшись до борти и желая полакомиться медомъ, медвѣдь отстраняетъ отъ борти чурбанъ; но чурбанъ, качнувшись въ сторону, снова возвращается въ прежнее положеніе и ударяетъ по звѣрю; медвѣдь съ большею силою отстраняетъ чурбанъ и получаетъ еще болѣе увѣсистый ударъ—такъ

до тѣхъ поръ, пока звѣрь не утомится и не броситъ опасной игры.

Зыбка устраивается такъ: берется крѣпкій шестъ (длиною сажени полторы) и однимъ концомъ прикрѣпляется къ вершинѣ бортевого дерева, подъ прямымъ угломъ съ нимъ, на другой конецъ этого шеста, въ уровень или нѣсколько ниже отверстія для пчелъ, подвѣшивается широкая доска, подобно тому, какъ подвѣшивается чашка вѣсовъ къ коромыслу, затѣмъ эта доска одной стороною подтягивается къ дереву, почти до соединенія съ нимъ, и подвязывается тонкою веревкою. Добравшись до борти, медвѣдь для удобства обыкновенно взбирается на доску, но отъ тяжести звѣря и отъ возни его съ бортью веревка обрывается, доска отходитъ, и медвѣдь остается качаться въ зыбкѣ. Теперь ему остается одно—броситься съ дерева на землю, но бѣда въ томъ, что подъ зыбкой набиты заостренные сверху колья, представляющіе сплошной частоколъ. Долго медвѣдь реветъ, становится на дыбы, но наконецъ, вслѣдствіе голода или завидѣвъ непріятеля, бросается на колья и погибаетъ. Поймавъ звѣря, вотяки устраиваютъ праздникъ и поѣдаютъ непріятеля съ удовольствіемъ.

Вотячки — трудолюбивыя рукодѣльницы, но по чистотѣ работъ своихъ не могутъ сравняться съ русскими. Холсты ихъ обыкновенно толсты, темны и узки. Пестрядинныхъ тканей онѣ вовсе не приготовляютъ, за то довольно искусно ткутъ, такъ-называемые, ковры—платки, пришиваемые потомъ къ головному убору. Молодыя дѣвушки любятъ рядиться и съ удовольствіемъ за нѣ-

сколько полотенецъ своей работы вымѣниваютъ ситцевыя лоскутья и различныя погремушки, въ родѣ серегъ, бусъ и колецъ.

Выйдя замужъ, вотячка становится вѣрною подругою мужа и не испытываетъ семейнаго разлада и приниженнаго положенія; она несетъ свою ношу трудовъ, правда, тяжелую, подъ говоръ и ласки добраго мужа. Дѣтей своихъ вотячка любитъ и лелѣетъ, насколько возможно; она не оставитъ ихъ дома безъ призрѣнія въ страдное время, какъ дѣлаютъ это русскія крестьянки, а усадивъ ихъ въ коробъ (лубъ), несетъ за плечами въ поле. Какъ плачетъ она, когда умираетъ ея ребенокъ, какъ заботливо прячетъ она въ лубяной его гробикъ всѣ простыя игрушки и соску! Впрочемъ, любовь къ дѣтямъ раздѣляется и отцами. Русскій крестьянинъ не имѣетъ привычки нянчиться съ дѣтьми и смотритъ на нихъ какъ-то грубо,—а вотякъ досужее время часто посвящаетъ дѣтямъ и замѣняетъ имъ няньку.

Башкиры.

Названіе башкиръ производятъ многіе отъ татарскихъ словъ: башъ—голова и куртъ—волкъ. Мужчины башкиры имѣютъ короткую, большую и довольно круглую голову; глаза ихъ сѣрые (бываютъ и каріе), плоскіе и узкіе, лобъ прямой и небольшой, уши торчащія. Цвѣтъ лица у башкиръ довольно смуглый, борода рѣдкая и

небольшая; ихъ черные волосы постоянно бываютъ сбриты. Башкиръ рѣдко позволяетъ себѣ надѣвать лапти, онъ гнушается ими; между тѣмъ сапоги его едва лишь держатся на ногахъ, и пальцы такъ и просятся напоказъ любопытнымъ. На головѣ башкира повязанъ платокъ или надѣта остроконечная шапка, кругомъ обшитая мѣхомъ. На себя башкиръ надѣваетъ чекмень (или кафтанъ) изъ овечьей шерсти, а богатый—изъ чернаго сукна, кругомъ обшитый галуномъ. Рубашки у башкиръ—холщевыя или ситцевыя; подпоясывается башкиръ кушакомъ или каптыргой (поясъ изъ ремня, на правой сторонѣ котораго сумка для разныхъ вещей, а на лѣвой для небольшаго ножа). Зимою башкиръ надѣваетъ полушубокъ изъ овечьей шкуры. На головѣ у замужнихъ башкирокъ *кашмау*, унизанный бисеромъ, сверхъ котораго онѣ привѣшиваютъ серебряныя, золотыя, мѣдныя монеты или просто кружки изъ олова, смотря по состоянію; сзади кашмау, вдоль по спинѣ, идетъ какая-нибудь матерія, тоже унизанная бисеромъ или какими-нибудь монетами. Сверхъ кашмау надѣвается *калапишъ*—остроконечная шапка, покрытая бисеромъ или деньгами. У незамужнихъ *кашмау* и *калапиша* не бываетъ; голову онѣ покрываютъ платкомъ; сами надѣваютъ халатъ изъ китайки или краснаго сукна, смотря по богатству, а внизъ холщевую или ситцевую рубаху; на ногахъ у нихъ сапоги, иногда съ подборами (у щеголихъ). Старухи покрываютъ голову длиннымъ (въ аршинъ и болѣе), узкимъ, чаще всего бѣлымъ платкомъ изъ бязи.

Хотя башкиры и средняго роста, однако-же сильны, мускулисты и способны къ перенесенію всѣхъ трудовъ и лишеній. По характеру своему башкиры вполнѣ принадлежатъ къ азіатскимъ народамъ: подозрительны и хитры, всегда готовы отомстить, нерѣдко склонны къ воровству и болѣе склонны лѣниться, праздновать и заводить тяжбы съ сосѣдями. Въ своемъ домѣ башкиръ считаетъ себя хозяиномъ, въ полномъ значеніи слова; онъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь изъ постороннихъ мѣшался въ его семейную жизнь; жены очень боятся мужей; оставаясь дома однѣ, онѣ и ссорятся и нерѣдко дерутся, но пріѣзжаетъ мужъ, и ссоры окончены, какъ будто непріятностей и не было. Жена всегда и во всемъ прислуживаетъ мужу,—раздѣваетъ и одѣваетъ, снимаетъ сапоги, сѣдлаетъ для него лошадь, подаетъ умываться, она же должна ходить за водою, топить въ домѣ печи, справляетъ, какъ говорится, всѣ хозяйственныя работы. Въ случаѣ неповиновенія жены, башкиръ ее колотитъ и, наконецъ, даетъ ей разводную; она не имѣетъ въ домѣ почти никакого вѣса и значенія; словомъ, она ни болѣе, ни менѣе—раба, а мужъ ея—господинъ.

Не смотря на всѣ свои недостатки, башкиры имѣютъ въ себѣ и задатки хорошихъ качествъ. Они гостепріимны, послушны, услужливы, кротки. Пріѣзжайте къ любому изъ нихъ, и онъ васъ приметъ до-нельзя радушно,—угоститъ, чѣмъ можетъ, и не потребуетъ отъ васъ за это платы. Если онъ зарѣжетъ барана, то варитъ его цѣликомъ, такъ какъ знаетъ, что и другіе при-

дутъ къ нему поѣсть; онъ угощаетъ всѣхъ, не разбирая, богатъ или бѣденъ, простой или чиновникъ гость его. Впрочемъ, это можно сказать о тѣхъ лишь башкирахъ, которые живутъ вдали отъ городовъ. Приближаясь къ городамъ, можно уже встрѣтить большую перемѣну въ характерѣ башкиръ; они становятся хитрѣе и развязнѣе, всегда готовы что-нибудь украсть и кого-нибудь обмануть.

Башкиры народъ суевѣрный; среди нихъ можно встрѣтить много чернокнижниковъ и волшебниковъ, волшебницъ, предсказателей, чертовидцевъ и ворожей; все это люди, искусные на разные обманы и плутовства; но башкиры уважаютъ ихъ, вѣрятъ имъ. Очень немногіе изъ башкиръ называютъ ихъ настоящими именами,— именами обманщиковъ и плутовъ. Самые ученые изъ башкиръ имѣютъ очень неправильное представленіе объ устройствѣ міра и величіи Творца. Они утверждаютъ, что звѣзды висятъ въ воздухѣ и прикрѣплены къ небу толстыми желѣзными цѣпями, что земной шаръ поддерживается тремя огромной величины рыбами, изъ которыхъ одна уже умерла, и что это служитъ доказательствомъ скораго преставленія свѣта. Башкиры утверждаютъ, что при рожденіи каждаго человѣка въ книгѣ судебъ назначается число дней его жизни и количество пищи, нужное для его употребленія. Первое называется—*абжаль*, а послѣднее—*нефяка*. Если кто-нибудь изъ башкиръ умираетъ, то о немъ говорятъ—„*абжаль* его исполнилась и *нефяка* его окончилась“. Къ числу суевѣрій башкирскихъ нужно отнести и слѣдующее: сви-

дѣтельская присяга у нихъ считается незначительной; но если она производится не въ домѣ или мечети, а на кладбищѣ, то почитается священною. Если кто изъ башкиръ довольно сильно захвораетъ, родственники его призываютъ муллу, который читаетъ надъ больнымъ алкоранъ, по временамъ плюетъ ему въ глаза и на лицо; кромѣ того, поятъ больного чистою водой, налитою въ чашу, на которой написаны муллою разныя молитвы или стихи изъ алкорана. Все это дѣлается для уврачеванія болѣзни и возвращенія страждущему здоровья. Ежегодно у башкиръ бываетъ, такъ называемое, *Сабанное празднество;* происходитъ оно слѣдующимъ образомъ: передъ началомъ пашни молодые люди въ вечернее время садятся верхами на лучшихъ лошадей, объѣзжаютъ деревню и потомъ, возвращаясь, останавливаются передъ каждымъ домомъ и громогласно требуютъ себѣ какой-нибудь подачи. Хозяинъ обязанъ удовлетворить ихъ требованію, дать имъ круту (домашняго приготовленія сыръ), айряну, бузы (родъ нашего пива) или меда. Молодые люди, объѣхавъ всю деревню, возвращаются въ свои дома и на другой день поутру выѣзжаютъ въ поле, верстъ за пять отъ жительства, потомъ пускаются скакать въ деревню; здѣсь между тѣмъ по обѣимъ сторонамъ улицы расположилось все деревенское населеніе. Одинъ изъ молодыхъ мужчинъ, или одна изъ дѣвушекъ держитъ въ рукахъ шестъ, къ которому прикрѣпленъ бѣлый платокъ, расшитый разноцвѣтными шелками. Кто прежде всѣхъ прискачетъ къ шесту и сорветъ платокъ, получаетъ его въ

награду, при этомъ раздаются громогласныя восклицанія зрителей, и чаще всего повторяется слово мардясь, означающее — браво. Нерѣдко случается, что двое или трое одновременно прискачутъ къ шесту и схватятся за платокъ,—тогда между ними начинается борьба. Тотъ, кто останется въ борьбѣ побѣдителемъ, получаетъ платокъ изъ рукъ самой молодой замужней женщины. Послѣ этого мужчины идутъ въ мечеть молиться Богу и просить объ изобильномъ урожаѣ хлѣба; потомъ начинается общественный пиръ (джіюнь), на которомъ веселятся различнымъ образомъ: поютъ, играютъ на чибызгахъ [1]), борются, стрѣляютъ въ цѣль.—Какъ-то особенно уважаютъ можжевельникъ, собираютъ его, хранятъ въ домахъ своихъ и вѣрятъ, что онъ имѣетъ силу прогонять нечистыхъ духовъ и можетъ служить лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ порчъ и волшебныхъ наговоровъ.

При рожденіи дѣтей башкиры призываютъ муллу, который читаетъ молитву и даетъ новорожденному имя мусульманскаго святого. Покойниковъ башкиры, подобно всѣмъ мусульманамъ, не кладутъ въ гроба, а хоронятъ въ саванахъ. Башкирскія могилы немного глубже, нежели у христіанъ. Когда опустятъ покойника въ могилу, мулла прочитываетъ надъ нимъ установленныя молитвы, и затѣмъ покойникъ засыпается землею. По повѣріямъ башкиръ, къ покойнику, лишь только отъ могилы его отойдутъ родственники на сорокъ шаговъ, является ангелъ Шанкуръ-

---

[1]) Музыкальный инструментъ (орудіе) степныхъ народовъ.

Нункиръ и разспрашиваетъ его, кто онъ: кафръ или мусульманинъ (т. е. невѣрный или правовѣрный). Если покойникъ мусульманинъ и праведникъ, то ангелъ ведетъ его въ рай черезъ адъ, надъ которымъ мостъ тоньше конскаго волоска и острѣе всякаго кинжала. Праведные черезъ этотъ мостъ проходятъ безпрепятственно, а грѣшные падаютъ съ моста въ адъ. Здѣсь много помогаютъ жертвы Богу, приносимыя мусульманами въ видѣ заколотыхъ барановъ; во время прохожденія умершаго черезъ мостъ надъ адомъ онѣ являются въ видѣ бѣлаго коня и переносятъ праведника въ рай, грѣшному человѣку жертвы оказываютъ плохую помощь. Если, напримѣръ, грѣшный долженъ упасть въ началѣ моста, то жертвы дотащутъ его развѣ до середины, но не далѣе. Праведника въ раю ожидаетъ голубой халатъ, бѣлая чалма и семьдесятъ гурій (красавицъ). Грѣшныхъ тотъ-же ангелъ ударяетъ нѣсколько разъ чукмаремъ (или кистенемъ) и отправляетъ въ адъ, гдѣ они и мучаются мало или много, смотря по своимъ грѣхамъ; потомъ уже, обмывъ ихъ въ молочной рѣкѣ, ангелъ отправляетъ въ рай, гдѣ ожидаетъ ихъ тоже блаженство, что и праведниковъ. Таковы понятія башкира, какъ и всякаго мусульманина, о загробной жизни.

Въ памяти стариковъ изъ башкиръ еще сохранилось преданіе о богатствѣ, огромныхъ табунахъ лошадей, несмѣтныхъ стадахъ барановъ, множествѣ рогатаго скота и, наконецъ, о привольѣ, въ какомъ жили ихъ предки. Въ то время лица, имѣвшія сотни головъ скота, считались

въ числѣ бѣдныхъ. А теперь?.. Богачами считаются тѣ, у кого сотни головъ, да и такихъ счастливцевъ не очень-то много. Мало осталось и такихъ, у кого десятки головъ. Сплошь и рядомъ на пятнадцать дворовъ приходится теперь одна плохая лошаденка. Поэтому-то тяжела, жалка и однообразна жизнь башкира въ настоящее время, особенно зимой. Наши башкиры не могутъ быть причислены къ вполнѣ кочевымъ народамъ: они имѣютъ постоянныя жилища, въ которыхъ и живутъ во время зимы. Эти жилища, впрочемъ, ни что иное, какъ лачуги, построенныя изъ тонкаго лѣса; въ срединѣ ихъ находится круглая печка (или чувалъ) изъ глины, обожженной на мѣстѣ; для выхода дыма въ крышѣ продѣлывается отверстіе; такъ какъ отверстіе это незначительно, то дымъ, выходящій изъ печки, распространяется по всему жилищу башкира, причиняя, разумѣется, большой вредъ глазамъ и легкимъ обитателей лачуги. Говорятъ, что въ теплую золу башкиры зарываютъ дѣтей, которымъ это очень нравится, такъ какъ теплота золы вызываетъ у нихъ испарину.

Башкиры живутъ въ высшей степени грязно и неопрятно: котелъ въ чувалѣ служитъ и для варенія пищи, и для стирки бѣлья. Плотоядныя насѣкомыя живутъ не только на платьяхъ, но и на полу и на стѣнахъ. Собаки и кошки всегда находятъ радушный пріемъ въ избѣ хозяина. Ножи и вилки, при употребленіи пищи, большинству башкиръ еще неизвѣстны; башкиры берутъ пищу прямо руками, на которыхъ бываетъ

нерѣдко очень много грязи. Во время зимы башкиры переносятъ всевозможныя лишенія, которыя почти всегда являются слѣдствіемъ ихъ безпечности и лѣности. Бѣдные питаются однимъ лишь чернымъ хлѣбомъ; богатые отъ времени до времени рѣжутъ барановъ и употребляютъ мясо старыхъ, дряхлыхъ и хворыхъ лошадей. Животныя башкиръ, находясь все время на открытомъ воздухѣ, подвергаясь вліянію непогоды и получая очень скудную пищу, бываютъ слишкомъ плохи; они нерѣдко напрасно отыскиваютъ себѣ сами пищу подъ снѣгомъ, чтобы наполнить свои тощіе желудки.

Съ началомъ зимы начинаются у башкиръ свадьбы. Задумавъ женить сына башкиръ шлетъ посланниковъ съ предложеніемъ породниться въ тотъ домъ, гдѣ есть подходящая невѣста. Родители невѣсты принимаютъ посланнаго хорошо или дурно, смотря по тому, согласны или несогласны выдать дочь свою. Посланный входитъ въ домъ, снимаетъ верхнее платье и остается въ щегольскомъ кафтанѣ, садится на видное мѣсто. Онъ обращается къ хозяевамъ съ распросами о ихъ здоровьи и о здоровьи деревенскихъ стариковъ. Хозяева подаютъ прежде всего чай. До чаю башкиры большіе охотники; имъ не нужно теплой одежды, они станутъ питаться какою угодно пищей, проживутъ безъ достаточно удобныхъ помѣщеній, въ конурахъ, лачугахъ и шалашахъ, но не откажутся отъ чаю. Чай варится, какъ и супъ нашъ, въ чугунномъ котлѣ, и только у нѣкоторыхъ есть самовары. Пьютъ чай всѣ безъ исключенія. У зажиточныхъ

башкиръ онъ подается до десяти разъ въ сутки: для всякаго самоваръ, и для родственника, и для пріятеля, и, въ особенности, для лицъ начальствующихъ. Угостивши посланнаго чаемъ, подаютъ ему бешъ-бармакъ; это башкирское кушанье приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣсколько фунтовъ говядины или баранины, иногда и цѣлаго барана, смотря по количеству гостей, кладутъ въ котелъ и затѣмъ, когда мясо сварится, разрѣзываютъ его на довольно мелкіе кусочки, а въ котелъ запускаютъ салму (родъ нашей лапши). Когда поспѣетъ въ свою очередь салма, въ котелъ пускаютъ накрошенное мясо, затѣмъ уже все вмѣстѣ выливаютъ въ огромную чашку, изъ которой и беретъ каждый пятью пальцами; потому-то и кушанье называется бешъ-бармакъ, или пять пальцевъ. За столомъ башкиръ не только самъ угощается, но угощаетъ изъ своихъ рукъ и гостя, обыкновенно втискивая куски баранины ему прямо въ ротъ. Угощаемый вынимаетъ кушанье изъ рта и, положивъ себѣ на ладонь, начинаетъ ѣсть. Этого требуетъ хорошій тонъ. Пять или шесть человѣкъ съѣдаютъ цѣлаго барана. Послѣ бешъ-бармака—снова чай. Потомъ приглашаютъ посланнаго односельцы и угощаютъ, кто чѣмъ можетъ. Наконецъ, онъ, наѣвшись и напившись досыта, объявляетъ причину своего пріѣзда,—расхваливаетъ жениха, несмотря на то, что этотъ женихъ, можетъ быть, еще въ пеленкахъ: это все равно. На бракъ башкиры смотрятъ въ большинствѣ случаевъ, какъ на торговую сдѣлку. Мужчина платитъ за дѣвушку отцу ея деньгами

или-же подарками, смотря по состоянію... Плата можетъ состоять изъ воза сѣна или дровъ и достигаетъ размѣра тысячи рублей и болѣе. Это— калымъ, или выкупъ за невѣсту. Калымъ или подарки въ большинствѣ случаевъ возвращаются молодымъ и составляютъ нѣчто въ видѣ приданаго жены; иногда они хранятся у родителей молодой жены на тотъ случай, если ихъ дочь, не ужившись съ мужемъ, возвратится обратно въ старое жилище. Если посланный исполнитъ свое порученіе съ успѣхомъ, то по возвращеніи его домой, отецъ жениха созываетъ родныхъ невѣсты для переговоровъ о калымѣ. Послѣ этого пируютъ, при чемъ обѣ стороны обмѣниваются подарками. Во время пира молодые башкиры и башкирки поютъ, обыкновенно, пѣсни.

Лишь проглянетъ весеннее солнце, башкиры покидаютъ свои грязныя, тѣсныя и очень дымныя лачуги, складываютъ свое имѣнье въ телѣги и на спины лошадей и торопятся въ степь. Шумъ, хохотъ и говоръ людей, мычанье коровъ, ржанье кобылицъ, скрипъ неподмазанныхъ колесъ,—все это сливается въ какой-то дикій хоръ, пріятно звучащій въ ушахъ дикаго башкира. Теперь башкиръ на свободѣ: у него богатырски поднимается грудь, расширяются ноздри и, не помня себя отъ радости, онъ готовъ поклясться всѣмъ дорогимъ, что онъ самый умный, храбрый, сильный и свободный на землѣ человѣкъ. Вдали отъ селеній, среди привольныхъ степей и около лѣсовъ, онъ ставитъ свою кибитку и устраивается жить на цѣлое лѣто; вокругъ тѣнь и прохлада; тамъ и сямъ журчатъ

игривые ручейки съ прозрачной и чистой водой; на солнцѣ грѣются дѣти и все не могутъ нагрѣться: имъ памятна холодная зима съ ея буранами. Съ утра и до вечера раздаются въ воздухѣ ржаніе коней, мычанье коровъ, блеянье козъ и овецъ, иногда слышится довольно стройное пѣніе молодыхъ башкирокъ, и раздаются звуки чибызги. Наступаетъ ночь,—какъ сладко спятъ башкиры! Многіе могли-бы имъ позавидовать, смотря на ихъ мирный сонъ и на спокойствіе и тишину вокругъ!.. Воздухъ свѣжій и чистый, если не бываетъ дождя, и удушливый во время непогоды, когда кибитку со всѣхъ сторонъ довольно крѣпко закрываютъ.

Кобылицы снабжаютъ башкиръ особаго рода напиткомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ кумыса; этотъ напитокъ сытный и питательный. Когда его пьютъ, находятъ пріятнымъ и освѣжающимъ. Кумысъ нерѣдко опьяняетъ, если напиться его въ значительномъ количествѣ; но нужно имѣть большую привычку, чтобы пить его безъ отвращенія; особенно трудно привыкнуть къ запаху кумыса, похожему на запахъ лошадиннаго пота; но потомъ привыкнешь и пьешь его съ удовольствіемъ. Кумысъ весьма полезенъ при чахоткѣ и вообще быстро поднимаетъ силы больныхъ; поэтому-то жители городовъ пріѣзжаютъ иногда во время лѣта къ башкирамъ пить кумысъ, среди лѣсовъ и привольныхъ степей Башкиріи.

Съ конца весны, во время лѣта и по осени башкиръ живетъ, какъ истый пастухъ, сохраняя привычки кочевниковъ. Унылый и страдающій зимой, онъ тученъ, веселъ, чистъ и бодръ

лѣтомъ. Женщины, рабочіе и молодой народъ вообще занимается все это время хозяйственными работами пастушеской жизни: доятъ кобылъ, овецъ и козъ и дѣлаютъ запасъ травы для болѣе любимыхъ лошадей главы семейства. Глава семейства вмѣстѣ съ семействомъ предается сладостной праздности и только отъ времени до времени садится на лошадь и выѣзжаетъ въ степь посмотрѣть на табуны и стада свои, разсыпавшіеся по степи. Лѣто начинаетъ приближаться къ концу. Наступаетъ іюль. Пора приняться за сѣнокосъ, а тамъ настаетъ время и убирать хлѣба. Башкиръ все это знаетъ, но медлитъ: ему жалко оставить кочевую жизнь... А время не ждетъ... Наступаетъ двадцатое іюля; съ августа начнутся, хотя и небольшіе, заморозки. Башкиръ видитъ, что и въ самомъ дѣлѣ пора косить траву, а то, пожалуй, она потеряетъ сочность. Онъ начинаетъ тужить о прежнемъ времени, когда не пахали и не сѣяли и даже не знали, что такое сѣнокосъ, а лошади между тѣмъ бывали сыты. Подумавъ, башкиръ принимается за дѣло и накоситъ мало. „Какъ, бачка, мало?.. Зима достанетъ, а не достанетъ, коровы, лошади и овцы пускамъ на тибень;—тибень трава много!“ Пускать на тибень—значитъ пускать въ степь на подножный кормъ, гдѣ лошади, коровы и овцы сами себѣ добываютъ жалкое пропитаніе, выкапывая изъ подъ снѣга мерзлую траву; оттого-то лошади у башкировъ бываютъ настолько плохи, что еле выносятъ зимніе холода. Вотъ оконченъ и сѣнокосъ, наступаетъ время жатвы.

Башкиры сѣютъ хлѣба немного. „Хе, бачка! Моя—не русакъ, чтобы сѣять десятина: моя сѣетъ пуды!“—А сколько?—„Пудъ, чай, пять, али шесть, али больше будетъ!“—На сколько-же времени тебѣ этого достанетъ?—„Хе, бачка! Зима достанетъ да еще въ магазей кладемъ, прудаемъ, чай беремъ; на все хватаетъ!“ Многіе изъ башкиръ и совсѣмъ не сѣютъ никакого хлѣба; „Богъ дастъ, не оставляетъ, а посѣешь, Богъ не уродитъ!.. Вотъ и будемъ жить, какъ жили отицъ и дидъ; хлѣба не сѣялъ, а не умиралъ, а умиралъ—такъ Богъ велѣлъ! Теперь нужно гулять!“ Жать для башкира всего труднѣе,—необходимо нагибать спины. Хлѣбъ у большинства изъ нихъ родится плохо, несмотря на хорошую землю. Кончается лѣто, и башкиръ снова возвращается съ кочевки, исправляетъ свою лачужку и живетъ по прежнему—въ холодѣ, голодѣ и всякой нуждѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, многіе изъ башкиръ живутъ почти осѣдло: сѣютъ въ большомъ количествѣ хлѣбъ, ставятъ въ лѣсахъ ульи и т. п. Во многихъ мѣстахъ башкиры живутъ въ обыкновенныхъ избахъ, образуя цѣлыя деревни, но ранней весной они все-таки покидаютъ ихъ вплоть до осени.

Мещеряки.

Мещеряки или мещера—принадлежатъ туркофинскому племени. Въ настоящее время они живутъ только въ Уфимской, Пермской, Пен-

зенской и Саратовской губерніяхъ. Прежде мещера населяла Мещерскую область (часть нынѣшней Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерній), а также обитала въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, откуда народъ бѣжалъ въ Башкирію.

Всѣхъ мещеряковъ насчитывается до 140 тысячъ. Изъ нихъ одна часть исповѣдуетъ христіанскую религію и довольно сильно обрусѣла, другая перешла въ магометанскій законъ и почти совершенно отатарилась.

Жилище мещеряковъ-христіанъ составляютъ: черная изба, холодныя сѣни, вышка, клѣть, конюшня, сарай и баня. Вообще въ дворахъ ихъ много различныхъ пристроекъ.

Войдя въ избу мещеряка, вы не замѣтите чистоты и опрятности: здѣсь и свиньи съ поросятами, и овцы съ ягнятами, и коровы съ телятами; валяется всякій хламъ, отъ чего въ избахъ сырость и тяжелый воздухъ.

Одежда мужская—лѣтняя, обыкновенно, состоитъ изъ бѣлой холстяной рубахи, съ краснымъ оподольникомъ и краснымъ-же, шитымъ бумагою, косымъ воротомъ и изъ бѣлыхъ-же штановъ. Затѣмъ идетъ зипунъ изъ черной шерстяной матеріи, собственнаго издѣлія; бѣлыя, посконныя онучи и лапти. Въ зимнее время къ этой одеждѣ прибавляется полушубокъ и тулупъ, суконныя онучи и шапка съ высокимъ плисовымъ верхомъ о четырехъ углахъ. Молодыя дѣвушки, лѣтъ до 15, носятъ длинныя, бѣлыя рубахи, съ воротомъ, шитымъ шерстью или бумагою, краснаго и другихъ цвѣтовъ; рубаху подпоясываютъ

поясомъ, съ плетями на концахъ, довольно низко, и, перепуская ее вдвое, дѣлаютъ пазуху, или, по ихъ выраженію, *пизицу*. Сверхъ рубахи надѣваютъ такъ называемый *чупрунъ*, который шьется изъ бѣлаго, тонкаго неваленаго сукна, съ распашкою напереди, длиною нѣсколько ниже колѣнъ; бока, рукава, полы и подолъ чупруна обкладываются красными или зелеными лентами изъ такого-же сукна. Дѣвушки въ этомъ возрастѣ стригутъ маковку, голову подвязываютъ холщевыми, на подобіе полотенцевъ, платками, а въ праздникъ ситцевыми; на ногахъ носятъ бѣлыя онучи и лапти, голени-же обертываютъ черными шерстяными тонкими онучами, называемыми *повилами*; въ ушахъ носятъ большія, съ проволочными кольцами, серьги. Одежда замужнихъ женщинъ, обыкновенно, состоитъ изъ такой же длинной рубахи, какую носятъ дѣвушки, и суконной толстой понявы, длиною не болѣе одного аршина, на ногахъ носятъ лапти, онучи и повилы; на головахъ-же носятъ особый уборъ, въ видѣ роговъ, покрываемыхъ бѣлымъ холщевымъ платкомъ, называемымъ ушникомъ.

При рожденіи младенца, мещеряки замѣчаютъ время мѣсяца. Если младенецъ родился въ началѣ мѣсяца, то это значитъ, что онъ проживетъ долго, если-же въ концѣ, то умретъ скоро. Мещеряки особенно радуются рожденію мальчика; тогда хозяинъ рѣжетъ барана, поросятъ, куръ, берутъ водки, однимъ словомъ, готовятся къ пиру; при рожденіи-же дѣвочки, пируютъ только богатые. Въ крестные отцы беретъ, обыкновенно, изъ чужого дома, а въ крестныя

матери изъ своихъ родственниковъ, именно изъ сестеръ, племянницъ и т. п. У кого дѣти часто умираютъ, родители стараются брать такого кума и куму, у которыхъ много живыхъ крестниковъ, думая, что жизнь младенца зависитъ отъ выбора кумовьевъ. Мещеряки причащаютъ младенцевъ послѣ каждыхъ шести недѣль, и матери особенно хлопочутъ о томъ, чтобы не выпускать, какъ онѣ говорятъ, младенца изъ шести недѣль.

Первоначальный сговоръ къ свадьбѣ происходитъ между парнемъ и дѣвушкой на игрищахъ и посидѣлкахъ, и потому браки у мещеряковъ рѣдко происходятъ по принужденію. Условившись между собою, парень проситъ отца посватать извѣстную дѣвушку. Если дѣло идетъ на ладъ, отецъ жениха покупаетъ вина, поитъ отца невѣсты и родственниковъ ея, сохраняя, впрочемъ, дѣло въ тайнѣ. Затѣмъ идетъ къ священнику и проситъ благословенія начинать сватанье. Выбравъ кого-нибудь поопытнѣе изъ родственниковъ невѣсты, или *схожатаго*, онъ посылаетъ его въ домъ невѣсты сватомъ. Выпивъ и угостивъ родителей, схожатый начинаетъ свое дѣло такъ: „Я къ вамъ пришелъ, дядюшка и тетушка! Я купецъ; у васъ, слышалъ я, есть товаръ“.—„Есть, родимый, да дорогъ“, отвѣчаетъ мать невѣсты. „Намъ такого и нужно“, отвѣчаетъ съ своей стороны схожатый: „мы люди не простые“. Затѣмъ уже начинаютъ говорить о сватовствѣ прямо. Мать невѣсты объявляетъ цѣну своей дочери, да требуетъ еще полушубокъ, зипунъ, онучи и лапти; уговариваются также, сколько женихъ обязанъ привести въ

домъ невѣсты вина: одно ведро на столъ и одно подъ столъ, или два ведра на столъ и столько же подъ столъ (подъ столъ вино назначается для дома невѣсты, а на столъ идетъ на угощеніе гостей). Уладивши на первый разъ дѣло, схожатый идетъ домой. Къ нему подходитъ отецъ жениха и распрашиваетъ его о сватовствѣ. Если все улажено хорошо, схожатый и отецъ жениха идутъ въ домъ невѣсты для рукобитья. На рукобитье опять приносятъ вино, уговариваются о клажѣ (т. е. платѣ жениха и о приданомъ), даютъ другъ другу руки, и схожатый разнимаетъ ихъ; такимъ образомъ полагается начало свадьбѣ. Надобно замѣтить, что отецъ невѣсты во время всѣхъ этихъ переговоровъ старается держаться въ сторонѣ, предоставляя все дѣло, главнымъ образомъ, на усмотрѣніе жены. Онъ говоритъ, указывая на нее: „вонъ съ ней говорите; это не нашъ, а ея товаръ“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья бываетъ *запой*. Въ назначенный день въ домѣ невѣсты собираются ея родственники; отецъ жениха собираетъ также своихъ, беретъ съ собою хлѣба, пироговъ, поросенка, говядины, блиновъ, вина, ѣдетъ въ домъ невѣсты на пиръ, который и называется запоемъ. Во время запоя невѣста сидитъ въ вышкѣ и не показывается гостямъ; жениха на запоѣ не бываетъ также. Случается, что послѣ запоя пронесется слухъ, что невѣста имѣетъ какіе-либо недостатки, которые ранѣе скрывались. Въ такомъ случаѣ отецъ жениха беретъ рубль или два и ѣдетъ въ домъ невѣсты, объявляя, что онъ хочетъ посмотрѣть невѣсту,

платя за это безчестье. Мать торгуется и потомъ за извѣстную плату соглашается показать невѣсту. Если невѣста окажется дѣйствительно съ недостатками, отецъ жениха, пріѣхавъ домой, посылаетъ схожатаго къ невѣстѣ съ отказомъ.

Наканунѣ свадьбы отецъ жениха идетъ къ схожатому и говоритъ ему, что нынѣ слѣдуетъ отдать деньги за невѣсту. Схожатый идетъ къ невѣстѣ и говоритъ отцу ея, чтобы онъ готовился. Спустя нѣкоторое время, отецъ жениха съ матерью его идутъ вмѣстѣ въ домъ невѣсты, со всѣмъ нужнымъ для пированія. Погулявши въ домѣ невѣсты, родственники жениха идутъ домой, а выбранный дружка остается и беретъ у дѣвушекъ рубаху для жениха, заплативъ за нее по состоянію жениха нѣсколько рублей. Въ день свадьбы схожатый отвозитъ отъ жениха невѣстѣ шубу, зипунъ, онучи, лапти и велитъ имъ готовиться къ поѣзду. Передъ поѣздомъ родители жениха благословляютъ его, послѣ чего всѣ поѣзжане, посидѣвши немного, молятся и испрашиваютъ благословенія у родителей жениха къ поѣзду. Выйдя на дворъ, дружка три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ и говоритъ: „кто съ нами, тотъ садись въ сани, а кто не съ нами, тотъ поди прочь“. Съ разными церемоніями отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ происходитъ угощеніе виномъ. Затѣмъ, жениха и невѣсту выводятъ изъ-за стола и сажаютъ въ разныя телѣги или сани; дружка опять обходитъ поѣздъ съ иконой, и поѣздъ отправляется. Послѣ вѣнчанія молодыхъ уводятъ въ церковную караулку, гдѣ на новобрачную надѣваютъ женскій

уборъ, и уѣзжаютъ домой. При въѣздѣ въ домъ стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружья; это дѣлается для предохраненія молодыхъ отъ порчи колдунами, которые, вслѣдствіе выстрѣла, будто бы теряютъ память, и потому колдовство ихъ не можетъ уже дѣйствовать. На крыльцѣ молодыхъ встрѣчаютъ родственники, обсыпаютъ хмѣлемъ, вводятъ въ избу по разостланному холсту и усаживаютъ на лавкѣ: жениха въ шапкѣ, а невѣсту подъ покрываломъ. Дружка взлѣзаетъ на лавку, обходитъ молодыхъ три раза, каждый разъ ударяя голову жениха о голову невѣсты и приговариваетъ: „сколько у меня цинечковъ, столько за вами сыночковъ, сколько въ лѣсу кочекъ, столько бы у васъ дочекъ“; затѣмъ снимаетъ съ жениха шапку, а съ невѣсты покрывало, и идетъ съ свахою въ клѣть нагрѣвать постель для молодыхъ, разостлавъ по ней кушакъ, которымъ былъ подвязанъ. На другой день молодые ѣдутъ звать родственниковъ нѣвѣсты въ гости къ жениху, и пиръ продолжается дня два. Черезъ недѣлю отецъ невѣсты дѣлаетъ пиръ у себя и зоветъ родственниковъ жениха; этотъ пиръ называется *отпиръ*. Молодая недѣли черезъ три ходитъ въ гости къ матери, гдѣ, обыкновенно, гоститъ недѣль шесть. Мещеряки всегда стараются брать невѣсту изъ своего села, или въ сосѣднемъ же мещерякскомъ; брать же жену въ дальнемъ селѣ, или не мещерякскомъ, считается безчестьемъ.

Нѣкоторыя особенности замѣчаются у мещеряковъ и въ похоронныхъ обрядахъ. Такъ во время сопровожденія покойника въ церковь,

мужчины слѣдуютъ около гроба повязанные бѣлыми платками, а женщины идутъ не въ дальнемъ разстояніи отъ гроба и всѣ плачутъ въ голосъ, причитывая каждая свое. Въ сороковой день совершаютъ поминки, на которые приглашаютъ родственниковъ и духовенство. Послѣ панихиды женщины выходятъ во дворъ къ воротамъ и плачутъ, провожая покойника на небеса, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, до 40 дней душа покойника еще пребываетъ на землѣ, въ своемъ домѣ. Въ дни, назначенные для поминовенія, на могилы приносятъ блины, пироги, брагу, яйца и т. д., вырываютъ небольшую ямку и кладутъ туда по немногу всего съѣстного, остальное съѣдаютъ сами.

Мещеряки довольно смышлены; въ послѣднее время охотно заботятся объ образованіи своихъ дѣтей. Главный ихъ промыселъ—земледѣліе; а у пензенскихъ мещеряковъ есть свой промыселъ—битье коноплянаго масла.

Отатарившіеся мещеряки исповѣдуютъ магометанскую религію и вообще относятся очень ревностно къ исполненію предписаній своего закона.

Мещеряки-магометане живутъ на земляхъ, составлявшихъ нѣкогда собственность башкирцевъ и считаются ихъ „*припущенниками*“. Они народъ совершенно осѣдлый, живутъ деревнями въ хорошо устроенныхъ домахъ на русскій образецъ. Главный промыселъ ихъ хлѣбопашество и скотоводство. Мещеряки здоровы, крѣпко сложены, опрятны, одѣты чисто. Одежда ихъ та же, что и у татаръ, тюбитейка, бѣлая войлочная

шляпа лѣтомъ, а зимой мерлушковая шапка или овчинный малахай, рубаха холщевая или ситцевая длиною ниже колѣнъ, широкіе шаровары, бешметъ, халатъ или азямъ изъ сукна или болѣе легкой матеріи. Жены и дочери мещеряковъ также одѣваются опрятно: ситцевая съ многими оборками внизу рубашка, бешметъ и кожбакъ, т. е. нагрудникъ изъ серебряныхъ монетъ разной величины, составляютъ обыкновенный ихъ костюмъ. Какъ на особенность можно указать на то, что у мещеряковъ, не въ примѣръ другимъ магометанамъ, женщина пользуется значительною свободою; въ мещерякскихъ деревняхъ нерѣдко можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ на игрищахъ, чего нельзя встрѣтить въ другихъ мусульманскихъ селеніяхъ.

Тептяри.

Тептяри-магометане и Тептяри-язычники.— Характеръ, обряды и обычаи.

Тептяри представляютъ помѣсь татаръ и финскихъ народцевъ: черемисъ, чувашей, вотяковъ и мордвы. Они живутъ въ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской, преимущественно на земляхъ, прежде принадлежавшихъ на правѣ собственности башкирцамъ.

Тептяри въ настоящее время раздѣляются собственно на два разряда: тептярей-татаръ и

тептярей-язычниковъ, отличающихся между собою образомъ жизни, нравами, обычаями. Языкъ ихъ татарскій; одежда также татарская.

Тептяри-татары вообще любятъ пощеголять нарядомъ и похвастаться хорошею вещью, хотя бы она была воровская или взятая на время у сосѣда. Если тептярь идетъ въ гости, особенно къ женихой роднѣ, и если у него нѣтъ собственнаго приличнаго платья, онъ, не стѣсняясь, отправляется къ сосѣду, вымѣниваетъ тамъ платье, даетъ ему хорошія деньги, часто немного меньше того, что стоитъ вещь и, получивъ платье, съ радостію идетъ домой. Точно также нерѣдко собираетъ со всей деревни и нарядную сбрую для лошади для поѣздки въ гости, и также за деньги. Добрая хозяйка ни въ чемъ не отстаетъ отъ мужа. Она точно также собираетъ почти по всей деревнѣ свой костюмъ, гдѣ платокъ, гдѣ рубашку, и точно также, тѣмъ или другимъ способомъ, платитъ за прокатъ; потомъ румянится и бѣлится. Разрядившись такимъ образомъ они отправляются въ гости: оба веселы, счастливы, имъ нѣтъ дѣла до того, что, возвратившись домой, они за все должны платить и платить не мало. Такъ какъ деньги у тептярей бываютъ рѣдко, особенно же запасныя, то онъ отдаетъ сосѣду землю, часто еще незасѣянную, и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ труда обработывать ее. Если сосѣдъ не соглашается взять невспаханную землю, а въ гости ѣхать нужно, то онъ готовъ отдать и вспаханную и засѣянную землю, лишь бы тотъ далъ ему свое платье.

Селенія тептярей-татаръ бѣдны, неопрятны; улицы узкія, кривыя; дома — это по большей части ветхія избушки безъ сѣней, окна безъ рамъ, просто затянутыя пузыремъ; только зажиточныя имѣютъ двѣ сколько нибудь сносныя избы, а между тѣмъ, деревни расположены въ лѣсу, и часто на собственной землѣ тептярей находится лѣсъ. Впрочемъ, внутри домъ содержится опрятно. Войдите въ самую бѣдную избушку, и тамъ всегда найдете вымытый полъ, выбѣленную печку, чистый столъ, нары и лавку. Зажиточные тептяри, имѣющіе двѣ избы, одну называютъ горницей; устройство избы вездѣ одинаково: кругомъ стѣнъ нары, въ переднемъ углу столъ, около стѣнъ развѣшаны полотенца съ концами, вышитыми красной бумагой или даже шелкомъ; на нарахъ положенъ коверъ, а въ углахъ разставлено нѣсколько сундуковъ, на которыхъ чуть не до потолка навалены перины и подушки. Сундуки часто очень хороши и довольно дороги, но загляните въ сундукъ и тамъ окажется какая нибудь никуда негодная уже вещь. У задней стѣны въ избѣ стоитъ шкафъ съ чайной посудой; иногда цѣлая полка занята чайниками; но изъ нихъ одинъ, много два, годны къ употребленію, а другіе—который безъ бока, который безъ носа, третій совсѣмъ безъ дна,— между тѣмъ всѣ они разставлены такъ тщательно у стѣны, что издали кажется, что всѣ они цѣлы. Тоже самое и съ чайными чашками. Подлѣ печи на особо сдѣланномъ мѣстѣ красуется самоваръ, чисто вычищенный, а у богатыхъ даже два, а

рядомъ съ нимъ мѣдный умывальникъ, въ видѣ кувшина, и мѣдный тазъ.

Несмотря на плодородную мѣстность и почти вездѣ достаточное количество полевыхъ и лѣсныхъ угодій, тептяри все-таки весьма часто сидятъ безъ хлѣба. Пріѣзжайте когда угодно въ тептярскую деревню, и вы всегда увидите у воротъ какого-либо дома человѣкъ десять, а если деревня большая, то и больше тептярей; они преспокойно сидятъ и нѣжатся на солнцѣ, а что дѣлается въ полѣ, имъ нѣтъ дѣла. А между тѣмъ, употреби они хотя незначительный трудъ, земля давала-бы обильный плодъ; вѣдь только и нужно, что вспахать да посѣять. Да и не однимъ хлѣбопашествомъ они могли-бы заняться: у нихъ подъ бокомъ озеро, полное рыбой, у нихъ кругомъ лѣсъ. Чего бы кажется недоставало жить имъ безбѣдно, такъ нѣтъ! Спросите у любого тептяря, зачѣмъ онъ дома, а не работаетъ въ полѣ, и онъ, навѣрное, найдетъ какую нибудь отговорку: или скажетъ, что боленъ, или что у него нѣтъ лошади, не на чѣмъ работать, а у другаго есть лошадь, такъ соха на два дома одна,—сегодня не его очередь. Спросите, отчего онъ дома, когда могъ-бы идти хотя въ лѣсъ охотиться, онъ скажетъ, что порохъ дорогъ, а, навѣрно, не знаетъ даже цѣну ему и никогда не справлялся. Спросите, отчего не рыбачитъ,—отвѣтъ готовъ:—снастей нѣтъ.

За то тептяри имѣютъ замѣтную склонность къ торговлѣ, какъ къ труду болѣе другихъ легкому. Сколотивъ какъ нибудь пять рублей, тептярь идетъ въ городъ, покупаетъ разныхъ

мелочей: иголокъ, булавокъ, тесемокъ и т. п. Подговоривши себѣ товарища съ лошадью, такой торговецъ ѣдетъ по деревнямъ; гдѣ можно украсть—украдетъ, гдѣ можно надуть—надуетъ, обмануть — обманетъ. Поторговавши въ одной деревнѣ, они отправляются далѣе; наступитъ время обѣда, они выбираютъ какой нибудь домъ побогаче, въѣзжаютъ во дворъ, распрягаютъ лошадь, даютъ ей хозяйскаго корму, а сами идутъ въ избу, садятся за столъ и просятъ обѣдать. Добрая хозяйка рада не рада, а угощаетъ незванныхъ гостей. Боже сохрани обидѣть отказомъ такого торговца: онъ найдетъ случай отомстить—подведетъ конокрадовъ или что нибудь другое да сдѣлаетъ. Послѣ обѣда и отдыха купцы отправляются далѣе и дарятъ хозяйкѣ, въ знакъ благодарности, иголку, либо вещичку, которой красная цѣна 2 коп. Объѣхавъ такимъ образомъ нѣсколько деревень и распродавъ свой товаръ, торговецъ возвращается домой, наживши рубль на рубль. Но онъ не поѣдетъ опять за товаромъ, а покупаетъ чаю, сахару, моханины (конскаго мяса), покушаетъ досыта, ляжетъ на пуховики и цѣлый день распиваетъ чай.

Во многихъ отношеніяхъ противоположныя черты изъ характера и быта, мы видимъ въ тептяряхъ-язычникахъ, такъ какъ они произошли, какъ уже было сказано выше, изъ смѣси черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ, почему и въ вѣрованіяхъ, и въ характерѣ они представляютъ какую-то странную смѣсь отличительныхъ чертъ этихъ послѣднихъ народцевъ.

Наружность ихъ вообще непривлекательна: небольшой ростъ, худо сложенное тѣло, угловатыя формы, продолговатое лицо, маленькіе вѣчно красные глаза, тонкій голосъ, рыжіе, большею частію, волосы, всегда выстриженные, клинообразная борода; во взглядѣ видны хитрость и недовѣрчивость. Исповѣдуя языческую религію, кромѣ Бога, который считается существомъ высшимъ, обитающимъ на небѣ, они признаютъ еще власть надъ собою злого духа— Кереметя и убѣждены, что всѣ несчастья, какія испытываетъ человѣкъ, совершаются по волѣ Керемети. О загробной жизни имѣютъ самыя сбивчивыя понятія; но вѣрятъ, что и за гробомъ человѣкъ живетъ, почему съ умершимъ кладутъ древесную вѣтвь, чтобы ему было чѣмъ, какъ они говорятъ, отгонять собакъ, которыя на томъ свѣтѣ будутъ его кусать. Разъ въ годъ, въ честь Кереметя, они совершаютъ жертвоприношеніе.

Тептяри-язычники кротки, смирны, не любятъ ссоръ, но если разъ поссорятся, то мстятъ цѣлую жизнь. Честность ихъ считается, у живущихъ съ ними, неподкупною. Они трудолюбивы въ высшей степени и вмѣстѣ бережливы и даже скупы по отношенію къ издержкамъ на себя. Земледѣліе у нихъ находится сравнительно въ хорошемъ состояніи. У рѣдкаго не найдется во всякое время запаснаго хлѣба. Нищій между тептярями-язычниками такая же рѣдкость, какъ богатый—между тептярями-татарами. Скота они держатъ также довольно и имѣютъ за нимъ хорошій уходъ. Селенія ихъ опрятны, улицы широкія, прямыя, дома большіе, удобные; у

каждаго почти хозяина по двѣ избы и по нѣскольку пристроекъ. Но въ домашнемъ быту за то тептяри-язычники далеко не такъ опрятны, какъ тептяри-татары: здѣсь они довели простоту до крайности. Въ ихъ избахъ сильное зловоніе: скотъ и птица живутъ вмѣстѣ съ хозяевами. Отъ этой неопрятности зависитъ, вѣроятно, сильное развитіе среди нихъ глазныхъ болѣзней. Особенно это замѣчается между женщинами, изъ которыхъ рѣдкія подъ старость имѣютъ здоровые глаза.

Изъ числа обычаевъ тептярей-язычниковъ можно упомянуть обычаи при совершеніи свадьбы. Согласно имъ, каждый женихъ обязанъ непремѣнно украсть свою невѣсту, хотя-бы въ этомъ не предстояло ни малѣйшей надобности. Молодой человѣкъ, задумавъ жениться, высматриваетъ себѣ невѣсту. Выбравъ по сердцу, ухаживаетъ за ней нѣсколько времени и сговариваетъ сбѣжать съ нимъ.

Пока влюбленные ведутъ переговоры, приготовляются къ побѣгу, родители, какъ той, такъ и другой стороны, успѣваютъ узнать объ этомъ, но, если находятъ, что партія подходящая, то притворяются, что ничего не замѣчаютъ и даютъ имъ полную свободу; родители жениха, кромѣ того, приготовляются къ свадьбѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ дѣвушка покидаетъ навсегда родительскій домъ, выходитъ въ назначенное время на условленное мѣсто. Счастливый женихъ встрѣчаетъ ее, сажаетъ въ телѣгу или сани и увозитъ домой. На другой день родители невѣсты пускаются въ погоню, обыкновенно зная напередъ,

куда дѣвалась дочь, и идутъ прямо въ домъ жениха. Тамъ встрѣчаютъ ихъ, какъ дорогихъ гостей, дѣлаютъ условіе о количествѣ калыма и, когда кончатъ торгъ,—начинается пиръ. Какъ скупъ тептярь въ обыкновенное время, такъ добръ онъ въ это время и вообще на праздникѣ: тутъ кто-бы ни пришелъ—каждый гость; всѣхъ онъ напоитъ и накормитъ.

Всѣхъ тептярей, какъ мусульманъ, такъ и язычниковъ считается до 130,000 душъ обоего пола.

Преподобный Трифонъ, просвѣтитель остяковъ, устроитель первыхъ Вятскихъ монастырей.

Преподобный Трифонъ былъ сынъ благочестивыхъ земледѣльцевъ мезенскихъ (архангельскаго края), деревни Малой Немигожки. Съ юныхъ лѣтъ онъ чувствовалъ влеченіе жить для одного Господа. Тайно удалясь изъ дома родительскаго, онъ, въ одеждѣ нищаго, пришелъ въ Устюгъ и здѣсь нѣсколько времени прожилъ подъ руководствомъ благочестиваго приходскаго священника Іоанна. Потомъ, по его благословенію, жилъ въ сосѣдней волости Шемоксѣ, снискивая хлѣбъ трудомъ и тайно подвизаясь въ молитвѣ.— Хозяева, полюбивъ его за трудолюбіе и кротость, обручили его съ невѣстою; но онъ тайно убѣжалъ въ Орлецъ, городокъ Строгановыхъ. Тутъ поселился онъ близъ приходской церкви и цѣлый годъ терпѣлъ то зной, то холодъ, въ разодранной одеждѣ. Разъ въ жестокій морозъ люди встрѣтили его на улицѣ и столкнули его съ крутой горы къ рѣкѣ; снѣгъ засыпалъ его своими глыбами, и едва спасся онъ отъ близкой смерти.

Не жалуясь никому, смиренный юноша скрылся изъ Орлеца въ с. Никольское, принадлежавшее каѳедрѣ епископа; проведя здѣсь нѣсколько времени въ подвигахъ молитвы, при приходской церкви, отправился на р. Каму. Въ Пыскорской обители изучалъ онъ монашеское житіе и принялъ постриженіе отъ игумена Варлаама. Ему тогда было 22 года. Затѣмъ блаженный Трифонъ спустился по Камѣ до устья рѣки Мулянки, къ мѣсту нынѣшняго города Перми. По тайному влеченію, пройдя верстъ 5 по Мулянкѣ, вышелъ онъ на берегъ поднялся на гору и увидалъ мѣстность чудную: окруженная густымъ лѣсомъ, она благоухала цвѣтами. Скоро узналъ онъ, что тутъ мольбищное мѣсто остяковъ, куда собираются они приносить жертвы. Когда остяки услышали, что на ихъ мѣстѣ завѣтномъ поселился какой-то странный человѣкъ,—старшина Зевендукъ съ 70 остяками пришелъ посмотрѣть, кто этотъ смѣлый человѣкъ? Они нашли его копающимъ землю, и орудія земледѣлія показались имъ страшными. Зевендукъ началъ распрашивать, кто онъ таковъ? и зачѣмъ пришелъ?

— „Я рабъ Господа моего Іисуса Христа“, отвѣчалъ Трифонъ.

— „Кто-же Богъ твой и почему ты рабъ Его?“ спросилъ язычникъ.

Трифонъ въ отвѣтѣ своемъ объяснилъ, что идолы—ничто и что есть Промыслитель и Творецъ міра, разсказалъ исторію сотворенія и паденія человѣка, пришествіе Спасителя рода человѣческаго, указалъ на будущій судъ всемірный и на горькую вѣчность грѣшниковъ. Остяки съ

изумленіемъ слушали поученіе отшельника и сказали о немъ князю Амбалу.

— „Ни мы, ни отцы наши не слышали ничего подобнаго“, говорили они. Амбалъ сказалъ, что въ свое время онъ посмотритъ на страннаго пришельца.

Ѳеодоръ Сухоятинъ, давно знакомый съ Пермскою стороною по торговымъ дѣламъ своимъ, подарилъ Трифону топоръ такіянскаго желѣза, лучшаго въ сравненіи съ русскимъ; онъ же разсказалъ, въ какомъ уваженіи у остяковъ и вогуловъ требище, вблизи котораго живетъ онъ, и какъ всѣ боятся коснуться топоромъ чтимаго, но грознаго дерева,—Трифонъ до шести недѣль постился и молился и потомъ, взявъ икону Деисусъ (изображеніе Спасителя съ молящимися Богоматерію и Предтечею) пошелъ къ боготворимой ели. Она отличалась отъ другихъ и вышиною, и толщиною; двѣ сажени было въ ея объемѣ, и вѣтви ея шли отъ ствола на четыре сажени. Ставъ на колѣна предъ иконою, усердно молился онъ Господу, сталъ рубить дерево и, наконецъ, свалилъ его. Приношенія, висѣвшія на сучьяхъ, и даже состоявшія изъ шелковыхъ ширинокъ, мѣховъ, золота и серебра, предалъ огню, какъ и дерево.—Князь Амбалъ, услышавъ о томъ, пришелъ со многими остяками и дивился тому, какъ пустынникъ могъ испепелить грозное дерево! „За одно намѣреніе оскорбить ель“, говорилъ онъ Трифону, „наказывались другіе смертію; ужели ты сильнѣе боговъ нашихъ?“ Преподобный отвѣчалъ: „вы ужели слышали, какого Бога проповѣдую я вамъ; Его силою я,

меньшій рабъ Его, совершилъ это дѣло, кототому вы дивитесь,—совершилъ съ тѣмъ, чтобы это дерево не губило васъ и вашихъ дѣтей“.—„Великъ Богъ христіанскій! Онъ сильнѣе боговъ нашихъ“! воскликнули остяки. Тѣмъ не менѣе они отправились въ мѣстечко Сылву къ начальнику городка.—„Инокъ христіанинъ“, говорили они, „въ худой одеждѣ поселился въ лѣсу, срубилъ и сжегъ мольбищное дерево наше и, проповѣдуя Христа, велитъ намъ креститься; что дѣлать намъ съ этимъ человѣкомъ?“ Прикащикъ Строгановыхъ, Третьякъ Моисеевичъ, уже слышавшій о преп. Трифонѣ, сказалъ князю Амбалу: „я знаю человѣка, о которомъ вы говорите; онъ человѣкъ добрый; если онъ учитъ васъ вѣровать во Христа Господа, дѣлайте то, что приказываетъ онъ вамъ; слушаясь святаго человѣка, получите жизнь вѣчную“. Остяки изъявили негодованіе на истребленіе ихъ бога, но послѣ увѣщаній нѣсколько успокоились. Между тѣмъ, прибѣжавшіе къ остякамъ русскіе сообщили, что черемисы грабятъ по Камѣ суда и идутъ воевать съ остяками. Остякамъ пришло на мысль, что Трифонъ откроетъ черемисамъ жилья остяковъ, по неудовольствію за ихъ нерасположеніе къ нему. Зевендукъ и другіе положили убить Трифона. Они пришли на мѣсто пребыванія его, но по милости Божіей не отыскали Трифона, хотя онъ стоялъ въ своей кельѣ на молитвѣ. Послѣ того, мало-по-малу, появилось въ остякахъ сперва уваженіе къ человѣку Божію, потомъ къ проповѣдуемому имъ ученію. Прежде другихъ приняли христіанство дочери остяцкаго

князя Амбала и вогульскаго—Безяка. Вслѣдъ за ними крестились и многіе другіе. Крестившіеся стали приносить Трифону медъ, воскъ и проч. Радуясь обращенію къ св. вѣрѣ, Трифонъ съ любовію принималъ приношенія и раздавалъ бѣднымъ. Памятниками обращенія вогульскихъ остяковъ къ св. вѣрѣ служитъ Никольскій храмъ въ Верхнихъ Мулахъ и двѣ часовни Нижнихъ Муловъ. Братія Пыскорской обители, услышавъ о славныхъ подвигахъ Трифона, очень желали видѣть его въ своей обители; они просили прикащика Строгановыхъ доставить къ нимъ о. Трифона. Недолго жилъ здѣсь преподобный; но и въ короткое время успѣлъ обратить къ Христу остяковъ, жившихъ около Соликамска, въ томъ числѣ богатаго землевладѣльца Иртега, котораго потомки Иртеговы живутъ еще понынѣ. По его желанію жить уединенно, Строгановы, Іаковъ и Григорій, предложили ему жить въ ихъ отчизнѣ на р. Чусовой. Трифонъ перешелъ на Чусовую. Здѣсь, разогнавъ страхъ суевѣровъ предъ мѣстомъ, гдѣ рѣшился онъ жить, поставилъ часовню съ святыми иконами, а потомъ устроилъ монастырь въ честь Успенія Богоматери. Чтобы приготовить землю для посѣва хлѣба, зажегъ онъ около кельи своей пни и корни срубленныхъ деревъ. Огонь, усиленный вѣтромъ, распространился по лѣсу и истребилъ огромные запасы дровъ, приготовленные для соляныхъ промысловъ строгановскихъ. Мѣстные поселенцы, озлобленные потерею дровъ, гонялись за Трифономъ, чтобы убить его. Строгановъ Григорій посадилъ его въ оковы; потомъ совѣтовалъ ему удалиться изъ

его владѣній. О. Трифонъ поручилъ обитель ученику своему Іоанну, а самъ рѣшился перейти въ Хлыновъ.

Января 18-го 1580 г., пришелъ онъ въ первый вятскій городъ и отправился къ Хлынову. Ознакомясь съ окрестностями этого города, онъ избралъ мѣсто для обители и, явясь въ собраніе вятскихъ людей, просилъ дозволенія устроить обитель за городомъ у двухъ церквей, изъ коихъ одна, ветхая, была въ честь Успенія Богоматери. Всѣ обрадовались такому предложенію. Съ просьбою вятчанъ о разрѣшеніи устроить обитель преподобный отправился въ Москву. Святитель посвятилъ Трифона въ іеромонаха, а царь Іоаннъ Васильевичъ далъ грамоту на землю для обители. По возвращеніи въ Хлыновъ, на мѣстѣ ветхой церкви преподобный началъ строить каменный храмъ.

Скоро собралась братія въ новую обитель въ количествѣ 10 человѣкъ, число братіи увеличивалось; но такъ какъ средства къ жизни были недостаточны, то преподобный снова отправился въ Москву съ просьбою объ угодьяхъ для монастыря. Ѳеодоръ милостиво принялъ просьбу, „велѣлъ дать угодья, села и озера съ рыбною ловлею братіи на пропитаніе“, а патріархъ почтилъ его саномъ архимандрита. Ставъ архимандритомъ людной обители, преподобный не измѣнилъ своей подвижнической жизни: не дозволялъ онъ себѣ ни вкусной пищи, ни мягкой одежды; на тѣлѣ носилъ онъ тяжелыя вериги и жесткую власяницу. Все, что присылали ему, отдавалъ онъ въ монастырскую казну, а въ кельи его были

только книги и иконы. Строгая жизнь преподобнаго не нравилась нѣкоторымъ. Малу-по-малу усилилось неудовольствіе противъ него. Старецъ передалъ управленіе обителью ученику своему Іонѣ Мамину, а самъ отправился странствовать. Долго преп. Трифонъ путешествовалъ по сѣверу Россіи, собирая подаянія для Вятскихъ обителей. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пожелалъ возвратиться въ Хлыновъ, въ свою любимую обитель и былъ довезенъ сюда уже больнымъ; но, когда послалъ послушника просить настоятеля Іону принять его въ обитель, жестокій ученикъ отказалъ. Больного принялъ въ свой домъ діаконъ Максимъ. Черезъ два мѣсяца, впрочемъ, по просьбѣ Вятскаго духовенства, преп. Трифонъ былъ принятъ въ Успенскую обитель, но недолго онъ жилъ въ ней; 8 октября 1612 г. онъ скончался. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ. Мѣстная память о немъ совершается въ день кончины его. Къ колодезю, который выкопалъ онъ самъ, каждый годъ въ субботу на 4 недѣлѣ Великаго поста собираются на богомолье и изъ окружныхъ селъ.

Праведный Cvмеонъ Верхотурскій.

Праведный Cvмеонъ родился около 1607 г. отъ знатныхъ родителей, принадлежавшихъ къ почетному званію дворянъ. Но для того, чтобы удобнѣе было заниматься подвигами благочестія, онъ скрылъ свое званіе и проводилъ жизнь бѣдняка. Онъ выучился портняжному ремеслу и шилъ платье для крестьянъ, переходя изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню. Онъ любилъ шить одежду преимущественно для бѣдныхъ людей. Чтобы избѣжать платы и даже какого-либо благодарнаго слова за свои труды, Cvмеонъ, обыкновенно, по окончаніи въ какомъ-либо домѣ работы вставалъ рано поутру, когда еще въ домѣ всѣ спали, и уходилъ въ другое мѣсто, не получивъ никакого вознагражденія за труды. Праведникъ считалъ вполнѣ достаточнымъ для себя, если получалъ за труды пищу и кровъ.

Самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ праведнаго Cvмеона былъ погостъ Меркуши, находившійся верстахъ въ 50 отъ Верхотурья, гдѣ была пристань судовъ, плававшихъ по рѣкѣ Турѣ. Тутъ онъ, въ тиши уединенія, любилъ наслаждаться природою и прославлять ея Творца. Въ

свободное отъ работы время праведный Сѵмеонъ любилъ заниматься уженіемъ рыбы. Онъ бралъ уду, садился на берегъ Туры и ловилъ въ ней рыбу; но ловилъ ее въ такомъ количествѣ, какое ему было потребно для дневнаго пропитанія. До сихъ поръ сохранилась еще та ель на берегу рѣки Туры, подъ которою сиживалъ праведникъ, занимаясь рыбною ловлею.

Между инородцами, населявшими Верхотурскій край, христіанская вѣра въ то время только еще начинала распространяться. Новообращенные христіане еще не окрѣпли въ правилахъ вѣры и нравственности христіанской. Много еще оставалось въ нихъ языческаго. Святый Сѵмеонъ нерѣдко, въ свободное отъ занятій время, вступалъ въ бесѣды съ инородцами, въ которыхъ поучалъ ихъ, какъ должно вести себя христіанину, чтобы угодить Богу и спасти свою душу. Бесѣды Сѵмеона, проникнутыя задушевностью, съ охотою были слушаемы инородцами и приносили хорошіе плоды, искореняя предразсудки и суевѣрія, и научая истинному богопочитанію.

Никогда не оставлялъ онъ посѣщать богослуженіе храма и особенно храма Меркушевскаго.

Чистая жизнь его служила примѣромъ для всѣхъ; а этотъ примѣръ особенно нуженъ былъ и благотворенъ для края еще дикаго, недавно увидавшаго свѣтъ христіанскій.

Праведный Сѵмеонъ скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ. Страдая болью живота, онъ умеръ на тридцать-пятомъ году своей жизни — въ 1642 году—и былъ погребенъ при церкви св. архангела Михаила.

За праведную и благочестивую жизнь Богъ прославилъ мощи праведнаго Сѵмеона нетлѣніемъ и чудотвореніями. Чудеса, исходившія отъ мощей угодника Божія, заставляли не разъ тобольскихъ архипастырей вскрывать гробъ почившаго и убѣждаться въ нетлѣніи его тѣла. Наконецъ, въ 1704 году, митрополитъ Филоѳей приказалъ торжественно перенести мощи праведнаго Сѵмеона изъ церкви Михаила архангела въ верхотурскій Николаевскій монастырь. Съ этихъ поръ положено праздновать память святаго Сѵмеона двѣнадцатаго сентября.

Промыслы.

Охота на Уралѣ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ, когда морозъ прогоняетъ звѣрей съ горъ, а птицъ изъ тундръ въ лѣса, и когда вѣтви деревьевъ гнутся подъ тяжестію лѣса, на Уралѣ начинается охота въ большихъ размѣрахъ. Двое, трое и болѣе охотниковъ выходятъ вмѣстѣ на промыселъ; провіанта у нихъ запасено на нѣсколько недѣль: крупа, мука, сухари; съ ними сверхъ того огнестрѣльные снаряды, топоръ, котелокъ; большіе тулупы и разнаго рода одежда,—всего пудовъ восемь; все это складывается на легкія ручныя нарты (сани, длиною отъ 8—9, а шириною около одного фута). Привязавъ къ ногамъ лыжи, перекинувъ ружье черезъ плечо, въ короткой мѣховой одеждѣ, съ ножомъ у пояса, охотникъ пускается въ лѣса, за нимъ слѣдуютъ одна, двѣ и даже нѣсколько собакъ. Охотники углубляются въ лѣса, нерѣдко расположенные вдалекѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Если мѣстность обильна дичью, они наскоро устраиваютъ изъ неотесанныхъ бревенъ шалашъ для склада добычи и охотятся въ окрестностяхъ;

если же дичи мало, то оставляютъ свой провіантъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ бы въ безопасности отъ дикихъ звѣрей и съ небольшимъ запасомъ идутъ далѣе. Проохотившись день, отправляются на ночлегъ въ назначенное заранѣе мѣсто, здѣсь устраиваютъ два шалаша, одинъ противъ другого. Шалаши окутываются большими еловыми вѣтками, снѣгъ въ нихъ притаптывается и устилается мелкими вѣтвями. На пространствѣ между шалашами разводится огонь, на которомъ варится въ котлѣ или, изрѣзанная тонкими пластами и вздѣтая на вертелъ, жарится какая-нибудь дичина; пока готовится ужинъ, охотники сдираютъ шкуры съ убитыхъ звѣрей, при чемъ дѣлаютъ это съ необыкновеннымъ проворствомъ и ловкостью. Мясо звѣрей, не употребляемое людьми въ пищу, отдается собакамъ. Шкуры распяливаются и вѣшаются на открытомъ воздухѣ для просушки.

Управившись съ работою и поужинавъ, охотники разводятъ на ночь огонь; для того, чтобы онъ не погасъ, устраиваютъ слѣдующія приспособленія. Берутся два сухія бревна и въ каждомъ изъ нихъ во всю длину вырубается по желобу. Одно бревно кладется на снѣгъ желобомъ вверхъ; желобъ наполняется горячими угольями и накрывается желобомъ другого бревна. По бокамъ бревенъ вбиваются глубоко въ снѣгъ сырыя полѣнья. Огонь отъ угольевъ сообщается обоимъ бревнамъ, но по недостатку воздуха не можетъ вспыхнуть пламенемъ. Теплый дымъ выходитъ изъ желоба, кружится въ шалашахъ и распространяетъ такую теплоту, что не чувствуешь хо-

лода и подъ легкимъ покрываломъ. Охотники развѣшиваютъ у огня носки и обувь для просушки и, закутавшись въ тулупы, ложатся спать ногами къ очагу.

На другой день приводятся въ порядокъ охотничьи снаряды, съѣдается горячій, сытный завтракъ — и охотники опять отправляются на цѣлый день рыскать за звѣремъ. Если добычи будетъ такъ много, что сдѣлается труднымъ ее носить, охотникъ вѣшаетъ свою ношу на деревѣ (иногда въ корзинѣ), откуда снимаетъ ее вечеромъ при возвращеніи на мѣсто ночлега.

Собаки, употребляемыя для охоты, не принадлежатъ къ какой нибудь опредѣленной породѣ. У нихъ обыкновенно длинная шерсть и остроконечная морда—нѣчто среднее между волкомъ и овчаркой. Ростъ не одинаковъ, цвѣтъ шерсти тоже, но большою частью здѣшнія собаки бываютъ черныя и пѣгія. Особенно правильной выучки охотничья собака не знаетъ. Молодою берется она въ лѣсъ сперва вмѣстѣ со старою и скоро научается понимать свое дѣло. Если она имѣетъ нужныя для охоты свойства—тонкое обоняніе, быстроту и страсть къ гоньбѣ за звѣремъ, то ее употребляютъ и безъ товарища; но обыкновенно берутъ на охоту по двѣ собаки для того, чтобы одна подбадривала другую. Уральскій охотникъ считаетъ себя счастливымъ если его собака смѣло нападаетъ на медвѣдя и въ борьбѣ съ косолапымъ недругомъ не обращаетъ вниманія на свои раны. Такія собаки встрѣчаются рѣдко и цѣнятся чрезвычайно высоко. Выслѣдивъ звѣря, собака поднимаетъ громкій

и протяжный лай, и охотникъ по лаю узнаетъ, съ кѣмъ предстоитъ имѣть дѣло: съ бѣлкою, птицею или съ какимъ нибудь крупнымъ звѣремъ. Ни на какомъ высокомъ деревѣ не скроется бѣлка или птица отъ тонкаго чутья и зоркости собаки. Съ громкимъ, безпрестаннымъ или прерывистымъ, лаемъ прыгаетъ она вокругъ дерева до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ охотникъ, и когда звѣрь упадетъ, она бросается къ нему, но если охотникъ не подоспѣетъ во время и не заставитъ собаку крикомъ и побоями бросить добычу, то долженъ будетъ проститься съ дичью. Напавъ на слѣдъ большого звѣря, собака даетъ охотнику знать объ этомъ короткимъ, отрывистымъ лаемъ и не умолкаетъ даже и тогда, когда охотникъ настигнетъ его. Здѣшній охотничій песъ не избалованъ заботливостью о немъ и ласками хозяина, который кормитъ его очень скудно, изъ одной необходимости; поэтому онъ не пропускаетъ ничего съѣстного, гдѣ бы оно ему ни попалось, а для птичьихъ гнѣздъ, до которыхъ въ состояніи добраться, онъ такой же опасный врагъ, какъ и лисица. Въ окрестностяхъ г. Березова (Тобольской губ.), гдѣ собакъ употребляютъ и для санной ѣзды, это животное, часто прямо съ охоты, запрягается въ сани, и для этого также не считается нужнымъ никакое предварительное обученіе.

Между жертвами охотничьяго преслѣдованія, властитель лѣсовъ — *медвѣдь* — долженъ занять первое мѣсто. На Уралѣ больше всего можно встрѣтить медвѣдей черныхъ и бурыхъ, а на самой сѣверной тундрѣ и бѣлыхъ. Между этими

тремя породами, охотники отличаютъ, такъ называемаго, „муравейника“. Онъ меньше обыкновеннаго медвѣдя и не такъ опасенъ, какъ другіе; охотники отзываются о немъ съ какимъ то пренебреженіемъ. Названіе его произошло отъ того, что онъ разгребаетъ муравьиныя кучи и лакомится, такъ называемыми, муравьиными яйцами.

Медвѣдей стрѣляютъ пулею и только изъ ружей большого калибра. Осенью, когда медвѣди выходятъ на поля, охотники подстерегаютъ ихъ, засѣвши на высокомъ деревѣ, гдѣ устраивается помостъ, а иногда поджидаютъ ихъ возлѣ задранной ими, но не съѣденной коровы.

Нечаянно встрѣтивъ медвѣдя во время своихъ странствованій по лѣсу, охотникъ обыкновенно оставляетъ его въ покоѣ. Но если съ нимъ пара добрыхъ собакъ, на смѣлость и силу которыхъ онъ вполнѣ можетъ положиться, то онъ стрѣляетъ по звѣрю изъ своей *турки* [1]), а собаки дѣлаютъ свое дѣло. Какъ бы медвѣдь ни вертѣлся, онѣ непремѣнно въ него вцѣпятся. Медвѣдь присѣдаетъ на корточки и въ такомъ положеніи отбивается передними лапами отъ собакъ, нападающихъ на него со всѣхъ сторонъ. Въ это время охотникъ хорошо прицѣливается и дѣлаетъ выстрѣлъ. Если первый выстрѣлъ не повалитъ медвѣдя, то звѣрь съ яростью бросается на охотника; но тутъ собака схватываетъ его сзади; медвѣдь метнется въ одну сторону, а съ другой въ него вцѣпляется уже другая собака. Медвѣдь снова присѣдаетъ, а охотникъ между

[1]) „Туркою“ называютъ охотники ружье большого калибра.

тѣмъ снова зарядилъ ружье и мѣтитъ въ звѣря другою пулею. Если бы вышелъ такой рѣдкій случай, что и другая пуля не попала бы въ цѣль, тогда возня съ медвѣдемъ еще продлится, но хорошія собаки ни въ какомъ случаѣ отъ него не отстанутъ.

Зимою собаки, отыскавъ медвѣжью берлогу, лаемъ вызываютъ его наружу, и тутъ охотникъ его убиваетъ. Мѣхъ бураго медвѣдя цѣнится въ 4 руб., а лучшій черный—въ 8 и 10 рублей.

Бѣлые медвѣди заходятъ зимою по льду въ большомъ количествѣ на покинутые людьми берега Карскаго моря и отрываютъ съѣстные припасы, которые рыбаки осенью зарываютъ у Вайгачскаго пролива подъ каменными глыбами. Эта работа требуетъ отъ медвѣдей большихъ усилій и искусства. Нерѣдко они проникаютъ и во внутренность страны. Иногда лѣтомъ появляется въ сѣверныхъ предѣлахъ Урала одинъ или два бѣлыхъ медвѣдя, занесенныхъ на берегъ на льдинѣ. Ихъ также убиваютъ изъ ружья пулями, и хотя бѣлые медвѣди очень злы, сильны и дики, но охота за ними не такъ опасна, какъ за лѣсными.

Охота *за лосями* начинается въ августѣ, потому что въ это время мясо ихъ имѣетъ самый пріятный вкусъ; за то шкура тогда обрабатывается не на мѣхъ, а на замшу. Охотятся на нихъ также съ помощью собакъ. Догнавъ по слѣду лося, сабака вцѣпляется зубами въ заднюю ногу; лось защищается рогами и отбивается передними ногами отъ своего недруга; между тѣмъ прибѣгаетъ охотникъ и рѣшаетъ судьбу сраже-

нія. Если лось великъ и тяжелъ, то охотникъ сдираетъ съ него шкуру, разрубаетъ на части и прячетъ въ примѣтномъ мѣстѣ, а потомъ увозитъ его на лошади или, если это случится зимою, на ручныхъ нартахъ. Чтобъ отыскать мѣсто, гдѣ спрятанъ лось, охотникъ нарубаетъ на деревьяхъ значки, которые никогда не ведутъ прямо къ тайнику, но указываютъ къ нему дорогу такъ, что только онъ одинъ можетъ понять; иначе кто нибудь незваный выслѣдитъ спрятанную добычу.

За дикими *оленями* можно охотиться только зимою, когда они, какъ бы ни были напуганы, всегда возвращаются на то мѣсто, гдѣ разгребли передними ногами снѣгъ, чтобъ доставать изъ подъ него мохъ, которымъ они питаются. Шкуры и мясо дикихъ оленей стоятъ въ такой же цѣнѣ, какъ и домашнихъ.

Россомаха водится въ лѣсахъ и нерѣдко въ горахъ. За нею охотятся изъ-за ея шкурки, которую самоѣды употребляютъ преимущественно на опушку къ женскимъ одеждамъ и для шапокъ, но она не высоко цѣнится. Ихъ ловятъ западнями, которыя устраиваются въ лѣсу, на открытыхъ мѣстахъ.

На крупнаго звѣря, въ родѣ оленя сохатаго, въ Приуральѣ распространены, такъ называемые, *самострѣлы;* ставятся они на звѣриныхъ тропахъ. Проходя по мѣсту засады, звѣрь нечаянно спускаетъ тетиву, и стрѣла съ страшною силою бьетъ его прямо въ грудь. Извѣстный путешественникъ Елисѣевъ разсказываетъ, что, блуждая по лѣсамъ Чердынскаго края, онъ не разъ натыкался на различныя пасти и ловушки, постав-

ленныя на разнаго звѣря, и многочисленные силки для птицъ. Въ одну изъ такихъ ловушекъ онъ даже самъ разъ попался—да такъ, что дѣло могло бы окончиться для него очень печально. „Проходя лѣсною тропою“, говоритъ онъ, „я имѣлъ неосторожность задѣть за одинъ, совсѣмъ незамѣтный съ виду, колышекъ и спустилъ петлю, прикрѣпленную къ гибкой верхушкѣ молодаго деревца. Освобожденное дерево съ страшною силою выпрямилось и затянуло петлю, въ которую попала моя нога. Меня быстро подбросило кверху, и нога легко могла быть вывернута въ самомъ бедрѣ, если бы петля не запуталась о коряжину и не задержала силу толчка; а тутъ подоспѣлъ на помощь мой проводникъ и высвободилъ меня изъ проклятой петли“.

Мелкаго пушного звѣря чаще всего промышляютъ въ Приуральскомъ краѣ при помощи пастей, ловушекъ и силковъ, капканятъ иногда лисицу и волковъ. Особенно много ловятъ здѣсь бѣлокъ; не смотря на дешевизну, этотъ звѣрекъ даетъ главный зароботокъ охотничьему населенію.

По изобилію или рѣдкости бѣлокъ во время лѣта охотникъ заключаетъ, счастливъ или несчастливъ будетъ для него текущій годъ. Необразованный охотникъ бѣличьей шкуркой измѣряетъ даже цѣнности товаровъ: онъ не совсѣмъ пойметъ, если услышитъ, что пудъ муки стоитъ столько-то копѣекъ; но когда ему скажутъ, что пудъ муки стоитъ столько-то бѣлокъ, это для него совершенно ясно. На мѣстѣ бѣлка стоитъ 5—6 коп.

По возвращеніи съ промысла, охотникъ принимается за окончательную выдѣлку шкуръ для мѣнового торга, а дичь кладетъ гдѣ нибудь въ холодномъ мѣстѣ до прибытія покупателя.

Скупкою дичи и звѣриныхъ шкуръ занимаются сельскіе торгаши и купеческіе прикащики изъ ближайшихъ городовъ; они вымѣниваютъ мѣха на разные товары или же забираютъ въ счетъ денегъ, выданныхъ звѣроловамъ впередъ. Рѣдкій охотникъ не долженъ какому нибудь купцу, которому, разумѣется, выгодно держать должника въ полной зависимости. Въ составъ мѣнового торга, несмотря на запрещенія мѣстныхъ властей, входитъ водка, которая и держитъ охотника въ постоянно бѣдственномъ положеніи.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подати взимаются мѣхами, продажа ихъ запрещается до тѣхъ поръ, пока будетъ уплаченъ весь слѣдующій въ казну ясакъ; послѣ этого уже начинается мѣновой торгъ. Ясакъ собирается опредѣленными для того старшинами. Они разъѣзжаютъ по своему округу или получаютъ подать на извѣстныхъ пунктахъ въ назначенные дни. Такъ какъ въ этихъ пунктахъ собираются обыкновенно и купцы съ разными товарами, то здѣсь завязывается живой мѣновой торгъ; такъ произошли годовыя ярмарки, на которыя охотники съѣзжаются изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Мѣха, поступающіе въ казну, оцѣниваются сборщиками, и если окажется въ цѣнѣ излишекъ, то онъ выплачивается внесшему подать; впрочемъ, это случается рѣдко, потому что отвѣтственные оцѣнщики оцѣниваютъ мѣха гуртомъ, а охотники вмѣняютъ себѣ въ честь

отдать въ уплату ясака лучшіе свои мѣха, не заботясь объ излишкѣ. Такъ одинъ остякъ, „князь Обдорскій“, доставляетъ ежегодно за себя и за семейство въ казну превосходную черную лисицу, цѣнность которой далеко превышаетъ слѣдующій съ него ясакъ. Въ казначействѣ мѣха сортируются и изъ нихъ болѣе простые отправляются на ярмарку въ городъ Ирбитъ, а отборные отсылаются въ Кабинетъ Его Величества въ С.-Петербургъ, гдѣ ихъ покупаютъ оптомъ московскіе и петербургскіе купцы, сортируютъ еще разъ и потомъ уже распродаютъ по частямъ. Такимъ образомъ, эти богатые мѣховщики дѣлаютъ выборъ изъ всѣхъ мѣховъ, добываемыхъ въ Россіи, и потому неудивительно, если въ обѣихъ русскихъ столицахъ можно достать лучшій пушной товаръ и при томъ по болѣе сходной цѣнѣ, нежели на самомъ Уралѣ, гдѣ мѣха находятся, такъ сказать, у себя дома.

Мясо оленей и другихъ животныхъ, добываемыхъ Уральскими охотниками, идетъ во внутреннюю Россію. Замороженная дичина разнаго рода отправляется съ Урала въ началѣ декабря на ярмарку въ городъ Пинегу, Архангельской губерніи, откуда купцы везутъ ее въ Москву и Петербургъ.

Въ Тагильскомъ мѣдномъ рудникѣ.

„Ну, теперь въ наши кротовьи норы милости просимъ!“—пригласилъ меня смотритель мѣднаго рудника. Мы надѣли кожаныя пальто и куртки,

высокіе бахилы, на головы вздѣли кожаныя фуражки, прикрѣпили къ поясамъ, нестерпимо дымившія, лампочки.

Предъ нами какое-то отверстіе. Вотъ, передній сталъ надъ нимъ, и тотчасъ-же черная дыра проглотила его. За нимъ была моя очередь. Я взглянулъ внизъ—глубокій колодезь, терявшійся во мракѣ, оттуда пахнуло на меня сыростью могилы. Болѣе чѣмъ на сто саженъ онъ шелъ внизъ, такъ что, если сверху спустить камешекъ, то упавъ на дно, на человѣка, онъ могъ бы убить его сразу, какъ пуля. Колодезь въ нѣсколькихъ мѣстахъ перегороженъ досчатыми заборками и на нихъ отъ одной къ другой опираются лѣсенки, изъ двухъ продольныхъ жердей, съ перекладинами. Спустишься по такой лѣстницѣ и ищешь ногой доски. Невѣрный шагъ и сквозь громадныя дырья заборокъ можно полетѣть внизъ, разбиваясь головой о доски другихъ платформъ [1]), о перекладины лѣстницъ... И самыя лѣстницы были скользки. Видимо, тысячи рабочихъ рукъ десятки лѣтъ полировали ихъ. Даже нога не удерживалась на перекладинахъ. „Осторожнѣе!“ слышалось снизу... „Тише“! кричали сверху, и по тревожнымъ голосамъ новичковъ, спускавшихся въ первый разъ въ подобную шахту, мы понимали, до какой степени имъ жутко... Чрезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ я спустился въ шахту, ея отверстіе уже казалось какимъ то сѣрымъ пятномъ. Тамъ за нимъ—яркое солнце, голубое небо, привольный

[1]) Платформа—небольшая площадка.

воздухъ, напоенный ароматомъ сѣверныхъ цвѣтовъ... Тутъ внизу — зловѣщій мракъ могилы, сырость этого червиваго хода. Скоро сѣрое пятно точно распустилось во тьмѣ... Ни надъ нами, ни подъ нами—ни малѣйшаго просвѣта; видишь только небольшой клочекъ какого-то бревенчатаго сруба, на который падаетъ тусклый и блѣдный, словно тоже испугавшійся, лучъ твоей лампочки... Скоро подъ нами и бревенчатый срубъ пропалъ... Свѣтъ скользилъ уже по изломамъ и чернымъ прослойкамъ какой то породы, казалось, покрывшейся потомъ. Тутъ сквозь тысячи незамѣтныхъ поръ [1]) уже сочилась вода. Черныя струйки ея уже сбѣгали по черной стѣнѣ... Скоро струйки слились въ ручьи, ручьи тысячами брызгъ стали обдавать наши лица.

Лѣстница кончается... Держась на рукахъ, нащупываете, гдѣ доски платформы. Сталъ на нихъ наконецъ, и опасливо разглядываешь, гдѣ въ ней провалъ... Вонъ его черная зіяющая дыра. Подходишь къ ней... Съ усиліемъ различаешь въ отверстіи первую перекладину новой лѣстницы. Становишься на нее и самъ чувствуешь, какъ у тебя дрожатъ руки и ноги... Различаешь, что доски этихъ платформъ уже далеко не надежны, что онѣ вотъ-вотъ рухнутъ... И все ниже и ниже подъ землю... Теперь милліарды пудовъ ея висятъ надъ тобою. Чуть только сдвинуться имъ—и ты заживо похороненъ въ этой норѣ... Что-то движется рядомъ съ вами. Вамъ начинаютъ чудиться въ этомъ мракѣ какія-то

[1]) Поры—маленькія, едва замѣтныя съ виду, скважины.

безформенныя, но живыя существа... Вонъ изъ этой черной породы колодца точно протягивается къ вамъ и своими холодными скользкими щупальцами касается вашего лица какое-то чудовищное пресмыкающееся...

Наконецъ, точно испуганная этимъ подземнымъ царствомъ, лампочка тухнетъ; руки съ какою-то лихорадочною поспѣшностью схватываются за мокрыя перекладины, попадаютъ на влажную стѣну колодца, и студеная вода его безчисленныхъ ручьевъ заливается за рукавъ... И чудится, что это не вода, а черви—влажные могильные черви забираются на грудь, подъ мышки... Наконецъ, вы на платформѣ... Осторожно останавливаетесь, не выпуская изъ рукъ лѣстницы.

— Чего это вы?—насѣдаетъ на васъ слѣдующій за вами.

— Огня дайте... Лампу зажечь.

И вы чувствуете, что вашъ голосъ какъ-то хрипитъ, точно это не вы говорите.

— Огня? сейчасъ... Вотъ только дайте ногу поставить. Вотъ такъ. Огонь?... Вотъ, огонь.— И у него тоже дрожитъ голосъ, и онъ охрипъ. И его рука какъ-то впивается въ перекладину лѣстницы, и онъ не хочетъ отойти отъ нея... Еще бы! Тутъ же зіяетъ пропасть. Одна секунда—и вы внизу... тамъ вонъ, гдѣ ничего не видно, гдѣ только чудится семидесяти-саженная теперь глубина.

И опять все ниже и ниже... И опять считаешь перекладины и съ какимъ-то напряженіемъ вглядываешься во мракъ... Спускались, спускались,—наконецъ, совсѣмъ стали похожи на мо-

крыхъ крысъ, что́ живутъ въ вѣчной тьмѣ водосточныхъ трубъ...

— Теперь скоро... Тутъ смотрите въ оба.

— А что?—опасливо откликаются сверху.

— Тутъ лѣстница висячая... А подъ нею другая такая же.

Мы держимся на рукахъ. Висимъ надъ пропастью. Вотъ-вотъ сорвемся. Съ одной такой лѣстницы на другую... Наконецъ, внизу тускло блеснули огоньки, слышится плескъ воды, громыханье какихъ-то рычаговъ, шорохъ цѣпей, стукъ водоподъемной машины, журчанье сбѣгающихъ ручьевъ, говоръ людей и гдѣ-то глухо-глухо замирающая пѣсня...

— Ну, теперь дома!

Нога по колѣно уходитъ въ воду... Вода на днѣ шахты... Какъ ни пыхтитъ, какъ ни надсажается отливная машина, ничего не можетъ она подѣлать съ этой массой, со всѣхъ сторонъ стремящейся сюда, воды.

— А вѣдь, въ сто двадцать силъ!...—замѣчаетъ смотритель.

Направо и налѣво черный корридоръ. Мракъ въ его концахъ. Спершійся воздухъ вздрагиваетъ отъ выстрѣловъ...

— Что это такое?

— А динамитомъ рвутъ руду... гдѣ твердо...— Жарко тутъ. Такъ и хочется сбросить съ себя все. Изъ одного корридора мы вступаемъ въ другой. Тутъ, напротивъ, почти сквознякъ. Вѣтеръ такъ и несется мимо, точно онъ торопится догнать кого-то и, словно мимоходомъ, тушитъ наши лампочки. Изъ этой жилы въ другую, бо-

ковую, гдѣ опять застоялась жара. Направо и налѣво червивые ходы въ черныя ячейки, гдѣ работаютъ совершенно голые рабочіе. Отъ жары они сбросили все съ себя и возятся надъ громадами твердой, какъ камень, породы... Вотъ одинъ изъ нихъ въ какихъ-то пятнахъ, точно его отъ сырости и мрака всего покрыло лишаями, откусилъ зубами, вмѣсто ножницъ, мягкій динамитъ, вставилъ его въ патронъ и вложилъ въ забойку.

Не успѣли мы съ нимъ выскочить въ червивую жилу, какъ въ ячейкѣ послышался грохотъ. Сѣрые клубы дыма повалили оттуда.

— Ну что?—спрашиваетъ смотритель.

— Хорошій антирецъ [1])?—И голякъ накладываетъ, оторванную отъ стѣны его ячейки, породу въ тачку.

По этимъ норамъ, жиламъ и переходамъ нельзя и думать одному идти. Во-первыхъ, легко заблудиться, а во-вторыхъ, въ этомъ лабиринтѣ параллельныя штольни, верхнія и нижнія, составляющія нѣсколько ярусовъ, соединяются между собою штреками, которыхъ въ черномъ мракѣ кротовьей норы этой и не замѣтишь. Ступишь, не разглядѣвъ, и очутишься на глубинѣ разбитый, изломанный, если не убившійся на смерть. Въ корридорахъ, пробитыхъ въ сланцѣ, изломы его блещутъ и лучатся отъ тусклаго луча вашей лампочки... Вотъ черная пещера. Точно въ залу попали... Углы ея теряются во мракѣ.

---

[1]) Антирецомъ на языкѣ рудниковыхъ рабочихъ называется все, что содержитъ руду.

Сверху тоже нависъ мракъ. Далеко, далеко бѣжитъ какой-то огонекъ—видимо—рабочій спѣшитъ куда-то... Огонекъ разомъ сгинулъ—должно быть, рудокопъ свернулъ въ какую-нибудь боковую жилу... Вонъ другой вдругъ, точно родился во мракѣ, поблисталъ, поблисталъ и умеръ въ томъ же мракѣ. На влажной землѣ что-то бѣлое. Опускаю лампочку — противные бѣлые грибы. Сверху каплетъ и льется. Послѣ жары весь мокрый войдешь въ жилу, по которой сквознякъ такъ и ходитъ,—точно въ зимнемъ холодѣ очутился. Зубъ на зубъ не попадаетъ. Вонъ деревянные столбы. По нимъ и по стѣнамъ спускаются какіе-то бѣлые лисьи хвосты. Оказалось, что это растеніе, не видавшее никогда солнца и неба. „Вонъ“, показываетъ мнѣ рабочій—„посѣялъ онъ въ уголку горошину. Она дала бѣлый ростокъ“... Дерево крѣпей совсѣмъ зеленымъ стало. Вмѣстѣ съ водой на него попала руда да и покрыла все...

Трудъ здѣсь не прекращается ни на одну минуту—каждую галлерею обработываютъ три смѣнныя артели. На каждую изъ нихъ приходится по восьми часовъ. Всего же въ рудникѣ въ подземныхъ жилахъ его и ячейкахъ гнѣздится лѣтомъ 300, а зимою 500 человѣкъ...

Направо ячейка. Сумрачный рабочій, голый, разумѣется, возится въ ней; рядомъ съ нимъ трехлѣтняя дѣвочка блѣдная, большеглазая...

— Ты какъ сюда попала? попробовалъ было ее приласкать кто-то.

Она отшатнулась, какъ-то дико взглянула на насъ и спряталась за отца.

— Фея-то пугливая...

— Сиротка она,—отвѣтилъ за нее рабочій. Жена у меня померла—оставить ее не на кого; ну, я и беру ее съ собою, пока подростетъ... Все она лопочетъ по своему—мнѣ и повеселѣй. Точно бы и не въ могилѣ, а то совсѣмъ пропадать надо... Мы то вѣдь, не какъ прочіе, не по восьми часовъ робимъ, а по двѣнадцати, зимой да осенью, такъ свѣта и не видимъ. Какъ сходимъ сюда, темь еще стоитъ, а выйдемъ—такъ ночь уже!...

Мы двинулись по направленію къ выходящей наружу шахтѣ. Вотъ и она, наконецъ. Черный колодезь. Сверху журчитъ вода безчисленныхъ ручьевъ. Мы стали цѣпляться вверхъ по лѣстницамъ. Опять тоже мученіе, таже опасность—не туда ступишь, не такъ схватишься за перекладину лѣстницы... Все выше и выше... тѣ же брызги въ лицо, то-же скользкое дерево подъ руками, тотъ же тяжелый мракъ, тѣ же, поминутно тухнущія, лампочки. Вотъ, наконецъ, что то посѣрѣло надъ нами, какое-то тусклое пятно опредѣлилось... Ярче и ярче... Дышать становится легче... Пятно это поголубѣло; еще нѣсколько усилій, и мы—на верху, подъ безоблачнымъ сводомъ неба, подъ теплымъ солнцемъ. Глаза жадно разбѣгаются по красивымъ далямъ, гдѣ едва-едва рисуются гряды уральскихъ горъ. Грудь дышетъ и надышаться не можетъ...

Обработка руды и промывка золота на Уралѣ.

Въ среднемъ и южномъ Уралѣ находится очень много чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, причемъ каждый заводъ, какъ казенный, такъ и частный, владѣетъ десятками, даже сотнями тысячъ десятинъ лѣса. Среди горъ, одѣтыхъ соснами, лиственницами или пихтами, на берегу быстрой рѣки, запруженной плотиною, можно увидать высокія трубы завода, а возлѣ него селеніе, состоящее изъ множества, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, домиковъ съ высокими тесовыми крышами. Далеко оглашается окрестная горная пустыня благовѣстомъ православнаго храма, тяжелыми вздохами паровиковъ и грохотомъ заводскихъ молотовъ. Уральскими заводами доставляется около трети всего количества чугуна и желѣза, нужнаго для Россіи, и значительная часть гвоздей, желѣзныхъ листовъ и полосъ, а также чугунныхъ издѣлій, какими мы пользуемся въ домашнемъ быту, приготовляется изъ уральскаго металла.

Желѣзныя руды лежатъ тамъ въ видѣ твердаго бураго камня, мощными залежами, образуя собою иногда небольшія горы, какъ напр., Благодать, Магнитная и др. Чтобы добыть изъ руды желѣзо, нуженъ тяжелый трудъ и массы горючаго матеріала.

Руду отбиваютъ большими кусками и везутъ, иногда издалека, на заводъ, гдѣ ее сперва прокаливаютъ въ особыхъ печахъ, чтобы высушить

и сдѣлать хрупкой. Послѣ этого ее разбиваютъ на мелкіе кусочки и сыплютъ вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ въ огромную заводскую печь, сдѣланную на манеръ высокой трубы и называемую *домной*. Эта печь топится и день, и ночь, не погасая, и при видѣ того, какъ пожираетъ она уголь, вполнѣ поймешь, отчего порѣдѣли и измельчали лѣса Урала. Подъ дѣйствіемъ страшнаго жара, руда плавится въ домнѣ, и изъ нея образуется чугунъ. Раскаленный добѣла чугунъ имѣетъ совсѣмъ жидкій видъ, какъ молоко, но одна капля этого молока можетъ прожечь насквозь человѣка. Полуголые, мокрые и почернѣвшіе рабочіе, съ воспаленными глазами, съ изнуренными лицами, открываютъ по нѣскольку разъ въ сутки устье печи, заваленное пескомъ, и въ отверстіи показывается бѣлая, расплавленная масса. Длинною, жидкою, слѣпящею глаза змѣей бѣжитъ она по узкому ходу, устроенному для нея въ землѣ, и тогда въ темномъ помѣщеніи завода сразу становится свѣтло. Наконецъ, чугунъ вливается въ формы и начинаетъ остывать. Сначала онъ краснѣетъ, потомъ подергивается синью, темнѣетъ. Чугунъ отливаютъ брусками, „штыками“, отъ 2 до 3 пудовъ вѣсомъ. Десятками тысячъ складываютъ ихъ въ запасные магазины, гдѣ они и лежатъ до употребленія.

Желѣзо дѣлаютъ изъ чугуна. Его приготовляютъ или на томъ же чугунно-плавильномъ заводѣ, или же чугунъ перевозятъ на другой, желѣзодѣлательный, заводъ и тамъ подвергаютъ особой обработкѣ—опять-таки дѣйствіемъ страшнаго жара.

Когда я въ первый разъ вошелъ въ мастерскую желѣзодѣлательнаго завода, я въ началѣ ничего не могъ разобрать въ мрачномъ, дымномъ помѣщеніи. Въ темнотѣ ослѣпительно горѣли только зѣвы печей. Потомъ, когда глаза нѣсколько привыкли къ мраку, я разглядѣлъ фигуры людей. Они то и дѣло обливались водой съ головы до ногъ и безпрестанно пили воду со льдомъ. На ногахъ у нихъ были лапти съ деревянными дощечками на подошвахъ. Эти люди что-то помѣшивали въ печахъ, поднимая чугунныя заслонки, хотя печи дышали бѣлокалильнымъ жаромъ. Ихъ мокрыя лица моментально высыхали, брови были совсѣмъ спалены, рѣсницы обожжены; красные, налившіеся кровью, глаза иногда обращались въ мою сторону, но ясно было, что они не видѣли меня: они были ослѣплены блескомъ своихъ печей.

Въ этихъ печахъ чугунъ подвергается продолжительному плавленію, при чемъ въ него вдуваютъ раскаленный воздухъ, и чугунъ превращается въ желѣзо. Онъ становится все гуще, тягучѣе и, наконецъ, твердѣетъ, такъ какъ желѣзо въ печахъ не плавится. Эту губчатую, ноздреватую, раскаленную добѣла „крицу“ рабочіе схватываютъ щипцами, кладутъ на двухколесную желѣзную телѣжку и бѣгутъ съ нею къ огромному паровому молоту. Огнемъ, жаромъ и искрами пышетъ отъ нея во всѣ стороны. Тихо и плавно подымается паровой молотъ, и раскаленную массу желѣза укладываютъ подъ нимъ. Могучій молотъ рушится на огненную „крицу“ и бьетъ ее съ страшною силой, при чемъ рабочіе поворачиваютъ ее крючьями. Тысячи яркихъ звѣздъ дивнымъ

водопадомъ разбрасываются во всѣ стороны, шипя и погасая во тьмѣ, падая на песокъ, лежащій на полу, заносясь въ далекіе углы темной мастерской и обсыпая рабочихъ съ ногъ до головы. Отъ тяжелыхъ ударовъ молота ноздреватая масса, извлеченная изъ печи, превращается въ плотный кусокъ желѣза. Его несутъ къ прокатнымъ машинамъ, къ особымъ стальнымъ валамъ; между этими валами, страшно сжимающими кусокъ желѣза, оно издаетъ пронзительный звукъ и выползаетъ изъ нихъ въ видѣ огненныхъ, извивающихся змѣй. Это—полосовое желѣзо, которое мы видимъ во всѣхъ желѣзныхъ лавкахъ. Чтобы придать ему форму листовъ, его, въ раскаленномъ видѣ, прокатываютъ между другими валами, пока оно не получитъ желаемую толщину, и потомъ обрѣзаютъ.

Кромѣ желѣза, въ нѣкоторыхъ уральскихъ заводахъ добываютъ немного мѣди — это въ окрестностяхъ Екатеринбурга, да въ Богословскомъ заводѣ. Но наиболѣе цѣнный металлъ, привозимый съ Урала, есть, конечно, золото. Золото извлекаютъ изъ золотоносныхъ песковъ, изъ, такъ называемыхъ, розсыпей. Въ продольныхъ долинахъ, между гребнями горъ, часто вся земля содержитъ въ себѣ золото, хотя на глазъ этого вовсе не замѣтно. По виду золотоносный песокъ— простой глинистый песокъ, содержащій въ себѣ множество камней. Поверхъ него лежитъ слой растительной земли; растетъ трава и лѣсъ. Чтобы добыть изъ него золото, его промываютъ водою въ огромномъ желѣзномъ чану, гдѣ, дѣйствіемъ паровой дробилки, комья песку разбиваются и перемѣшиваются. Камешки остаются въ чану, а

песокъ проходитъ въ отверстія на днѣ его и падаетъ въ наклонный жолобъ, въ которомъ сдѣланы поперечныя перегородки, одна ниже другой. Вода и песокъ мутнымъ каскадомъ струятся по жолобу, черезъ перегородки, а крупинки золота, вмѣстѣ съ другими тяжелыми минеральными частицами, остаются за ними. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такой промывки, когда по жолобу пройдутъ десятки тысячъ пудовъ песку, потокъ воды останавливаютъ и, съ помощью лопаточки, вынимаютъ то, что накопилось позади перегородки; это, такъ называемый, *шлихъ*, т. е. черный минеральный осадокъ, въ которомъ едва замѣтны золотыя искорки. Къ нему приливаютъ немного ртути и окончательно моютъ въ желѣзномъ ковшѣ. Ртуть собираетъ все золото, такъ что остается только слить ее и отжать сквозь тряпку. Получаются золотыя крупинки, бѣлыя отъ ртути; ихъ нагрѣваютъ на желѣзной ложкѣ, ртуть испаряется, а крупинки желтѣютъ и принимаютъ свой настоящій видъ. Чтобы получить одинъ золотникъ или даже нѣсколько долей золота, необходимо промыть сто пудовъ песку.

Промывка золотоносныхъ песковъ производится въ большихъ размѣрахъ богатыми золотопромышленниками съ помощью машинъ и наемныхъ рабочихъ. Но на Уралѣ существуетъ еще и другой способъ добыванія золота, извѣстный подъ названіемъ „старательскаго“. Я видѣлъ его въ окрестностяхъ Міаса. Почти все населеніе этого огромнаго села (двѣ церкви, каменные ряды и лавки) живетъ старательствомъ. Обыкновенно вся семья уѣзжаетъ куда-нибудь въ окрестности

и, облюбовавъ себѣ мѣстечко, принимается за работу. Отецъ семейства подвозитъ песокъ къ рѣчкѣ или, хоть просто, къ ключу, текущему изъ горы, а мать съ дѣтьми промываетъ этотъ песокъ на ручномъ „вашгердѣ“. Это квадратный ящикъ съ отверстіями на днѣ, куда сыплютъ песокъ и льютъ струю воды, безпрерывно перемѣшивая ихъ. Песокъ проходитъ въ отверстія, падаетъ на наклонную плоскость, снабженную поперечными перегородками, за которыми и остается шлихъ. Послѣ цѣлаго дня работы оставшійся шлихъ обработываютъ ртутью и получаютъ немного золота—золотникъ или около того. Особый агентъ золотопромышленниковъ, владѣющихъ землею или арендующихъ ее, принимаетъ полученное золото по вѣсу и платитъ 2 руб. 40 коп. за золотникъ.

Все добываемое въ Уралѣ золото везется въ Екатеринбургъ, а оттуда транспортъ его, сопровождаемый военнымъ конвоемъ, ѣдетъ къ берегамъ Невы, гдѣ поступаетъ въ подвалы государственнаго казначейства, или на монетный дворъ. Что же касается до уральскаго желѣза и мѣди, то торговля ими производится исключительно на Нижегородской ярмаркѣ и въ ея подторжьѣ Лаишевѣ.

Чтобы доставить металлъ въ Нижній Новгородъ, уральскіе заводчики пользуются главнымъ образомъ водяными путями сообщенія, какъ наиболѣе дешевыми. Споконъ вѣку главнѣйшею водною дорогой для чугуна, желѣза и мѣди служила рѣка Чусовая, такъ какъ она протекаетъ по такой части Урала, гдѣ больше всего заводовъ,

и впадаетъ недалеко отъ Перми въ Каму. Но Чусовая засыпана порогами, загромождена камнями и утесами. Старикъ Уралъ на каждомъ шагу ставитъ препятствія своей красавицѣ дочкѣ, словно ему жаль разстаться съ нею. Вслѣдствіе этого, Чусовая вынуждена дѣлать безпрестанно крутые повороты и зигзаги, разбиваться объ утесы, *бойцы*, какъ ихъ зовутъ въ Уралѣ, кипя и пѣнясь, нестись черезъ камни и пороги. Провести по ней барку, нагруженную мѣдью, чугуномъ или желѣзомъ тысячъ въ 10—15 пудовъ вѣсомъ, можно только весною, во время половодья и все-таки это дѣло трудное.

Еще недавно барки шли „на поносныхъ“, т. е. управлялись громадными веслами-бревнами, укрѣпленными на обоихъ ихъ концахъ. На высокомъ помостѣ стоялъ лоцманъ, называвшійся „сплавщикомъ“. Это всегда былъ человѣкъ сильный духовными силами. Огромныя знанія капризной рѣки, память, быстрота соображенія и энергія у него были поразительныя; но кромѣ того, онъ долженъ былъ обладать хладнокровіемъ, выдержкой, смѣлостью. Бывали такіе случаи, когда сплавщикъ, при всемъ знаніи рѣки, добровольно отказывался отъ своего ремесла, потому что въ рѣшительныя минуты у него „не хватало духу“, т. е. онъ терялся въ опасныхъ мѣстахъ, блѣднѣлъ, и губилъ барку.

Не всегда проходили суда благополучно мимо бойцовъ. Малѣйшая ошибка лоцмана, и барка врѣзывалась бокомъ въ выступъ скалы; тогда раздавался трескъ ломавшихся досокъ, крики людей, грохотъ чугуна, который сыпался на дно

рѣки, и скоро доски, люди, бревна—все билось и барахталось въ водѣ, подъ бойцомъ.

Спускъ барокъ по Чусовой.

Мы спали, когда набѣжалъ наводокъ. Все на пристани зашевелилось и загудѣло, точно разбудили спавшій улей. Къ свѣту все и всѣ были уже на ногахъ. День выдался пасмурный. Горы казались ниже; по сѣрому небу ползли низко облака не облака, а какая-то туманная мгла, безформенная, свинцовая масса. Чусовая играла на славу, какъ вырвавшійся изъ неволи звѣрь. Съ глухимъ ревомъ и стономъ летѣлъ внизъ пѣнистый валъ, шипучей волной заливая низкіе берега, и съ бѣшенымъ рокотомъ превращаясь на закругленіяхъ береговой линіи въ гряды майдановъ, т. е. громадныхъ бѣлыхъ гребней. Барки въ гавани были совсѣмъ готовы. Тысячи народа ждали освященія ихъ на плотинѣ и вокругъ гавани. Весь берегъ, какъ макомъ, былъ усыпанъ человѣческими головами, вернѣе, бурлацкими, потому что бабьи платки являлись только исключеніемъ, мелькая тамъ и сямъ красною точкой. Молебствіе было отслужено на плотинѣ, а затѣмъ батюшка, въ сопровожденіи будущаго дьякона и караванныхъ служащихъ, обошелъ по порядку всѣ барки, кропя направо и налѣво. На каждой баркѣ сплавщикъ и водоливъ встрѣчали батюшку безъ шапокъ и откладывали широкіе кресты. Сейчасъ, послѣ освященія, толпы бурлаковъ сѣрой

волной хлынули на барки, таща за спиной котомки съ необходимымъ харчемъ на дорогу.— „Охъ, воду пропустили“!—стоналъ намъ водоливъ Порша. — „Непремѣнно набѣжитъ сверху караванъ... — Успѣемъ выйти въ рѣку, а тамъ пусть догоняютъ“,—успокоивалъ сплавщикъ.—„Къ поноснымъ, ребятушки, къ поноснымъ! Пошевеливай, молодцы!...“

Бурлаки живымъ роемъ копошились по палубамъ, всякій старался подальше спрятать свою котомку въ трюмѣ. Порша при такомъ благопріятномъ случаѣ, конечно, свирѣпствовалъ, отплевывался, бросалъ свою шляпу на палубу, ругался, стоналъ.

Наконецъ, народъ размѣстился; убрали сходни; оставалось открыть шлюзъ, чтобы выпустить барки въ рѣку. Осипъ Иванычъ остался на берегу и, какъ шаръ, катался по горбатому мосту, подъ которымъ должны были проходить барки.

— Развѣ онъ останется?—спросилъ я Савоську.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же... Послѣ на косной догонитъ. Наша казенка пойдетъ въ послѣднихъ.— А почему не первой?—На всякій случай: какая барка убьется или омелѣетъ—мы сымать будемъ. Тоже вотъ съ рабочими... Всяко бываетъ. Вонъ нонѣ вода-то какъ играетъ, какъ бы еще дождикъ не ударилъ, сохрани Господи. Теперь на самой мѣрѣ стоитъ вода — три съ половинной аршина надъ меженью.

На балконѣ показался Егоръ Ѳомичъ въ сопровожденіи своей свиты; можно было отчетливо разсмотрѣть синюю рясу батюшки и мундиръ станового. Вотъ кто-то на балконѣ махнулъ бѣ-

лымъ платкомъ, на берегу грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ворота шлюза растворились. Барка за баркой потянулись въ рѣку; при выходѣ изъ шлюза нужно было сейчасъ-же дѣлать крутой поворотъ, чтобы струей, выпущенной изъ шлюза, не выкинуло барку на другой берегъ — и пятьдесятъ человѣкъ бурлаковъ работали изъ послѣднихъ силъ, побрасывая тяжелые пóтесы, какъ игрушку. Одна барка черпнула носомъ, другая чуть не омелѣла, но во-время успѣла отуриться, т. е. пошла впередъ кормой. — Наступила наша очередь. Савоська поднялся на свою скамеечку; поправилъ картузъ на головѣ и заученнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Отдай снасть!..—Двое косныхъ подобрали, отвязанный на берегу, канатъ къ огниву, и барка тихо поплыла къ горбатому мосту. Замѣтно было, что Савоська немного волнуется для перваго раза. Да и было отъ чего: другія барки вышли въ рѣку благополучно, а вдругъ онъ осрамится на глазахъ у самого Егора Ѳомича, который вонъ стоитъ на балконѣ и привѣтливо помахиваетъ бѣлымъ платкомъ. Вотъ и горбатый мостъ; вода въ открытый шлюзъ льется сдавленной струей, точно въ воронку: наша барка быстро врѣзывается въ рѣку, и Савоська кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Носъ направо, мòлодцы!!. Сильно гораздо, носъ направо! Направо носъ!.. Корму подержи!..

Барка дѣлаетъ благополучно крутой поворотъ и съ увеличивающейся скоростью плыветъ впередъ, оставляя берегъ, усыпанный народомъ. Кажется въ первую минуту, что плыветъ не барка, а самые берега, вмѣстѣ съ горами, лѣсомъ, при-

станью, караванной конторой и этими людьми, которые съ каждымъ мгновеніемъ дѣлаются все меньше и меньше. Вотъ въ послѣдній разъ взмылъ кверху бѣлой шапкой клубъ дыма, и гулко прокатился по рѣкѣ рокотъ пушечнаго выстрѣла, а барка уже огибаетъ песчаную узкую косу и впереди стелется безконечный лѣсъ, встаютъ и надвигаются горы, которыя сегодня, подъ этимъ сѣрымъ, свинцовымъ небомъ, кажутся выше и угрюмѣе.

Каменка быстро скрылась изъ вида. Мимо зеленой шпалеры бѣжитъ темный ельникъ, шальная вешняя волна съ захватывающимъ стономъ хлещетъ въ крутой берегъ, и барка несется впередъ все быстрѣе и быстрѣе.

— Похаживай, молодцы! — Весело покрикиваетъ Савоська, прищуренными глазами зорко взглядываясь на быстробѣгущую намъ на встрѣчу синевато-сѣрую даль.

Бойцы на Чусовой.

Мы простояли на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ пять дней, что въ сплавное, горячее время очень много.

— Мы севóдни отваливаемъ,—говорилъ Савоська утромъ шестого дня. — А сколько надъ меженью воды стоитъ?

— Пять аршинъ безъ вершка... — Я посмотрѣлъ на Савоську, желая убѣдиться, что онъ пошутилъ. Но Савоська смотрѣлъ совершенно серьезно и прибавилъ: — На свѣту ревдинскій

караванъ пробѣжалъ... Того гляди, съ другихъ пристаней коломенки налетятъ, тогда хуже будетъ. Осипъ Иванычъ еще вечоръ заказали, чтобы все было готово къ отвалу. — А сколько народу у насъ на баркѣ?

— Человѣкъ съ сорокъ пять наберется не наберется.

— Мало...—Всѣ, сколь есть... — Теперь все было понятно: если ревдинскій караванъ пробѣжалъ, такъ намъ ужъ не статья была сидѣть у моря и ждать погоды. Всѣ думали одно и то же: ревдинскіе уплыли, и мы уплывемъ, а какъ уплывемъ—это другой вопросъ. Наша барка и барка Лупана стали готовиться къ отвалу. Бурлаки опять потащились съ своими котомками подъ палубы; у поносныхъ встали тѣ-же подгубщики. Убѣжавшихъ „пиканниковъ“ замѣнили кыновскими мастеровыми, но людей было мало вообще, а для такой высокой воды въ особенности. Но великъ русскій „авось“ на водѣ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ на сушѣ. Когда все было готово на обѣихъ баркахъ, всѣ стали нетерпѣливо поглядывать вверхъ по рѣкѣ, гдѣ изъ за мыска должна была показаться барка Пашки. Какъ только она показалась, отвалилъ Лупанъ, а черезъ десять минутъ и мы.—Ну, братцы, теперь будетъ работы до-сыта,—говорилъ Савоська бурлакамъ.—Постарайтесь...

Чусовая мчалась теперь въ горахъ бѣшенымъ валомъ, который, точно когтями, рвалъ по пути землю и уносилъ молодыя деревья десятками. Барка дѣлала въ часъ больше двадцати верстъ, что при постоянныхъ поворотахъ рѣки создавало

массу новыхъ препятствій. Горы замѣтно понижались; не было такой цѣпи утесовъ, какъ до Кына. Мало по-малу прояснилось и небо, точно надъ горами поставили голубой шатеръ, затканный всѣми переливами солнечнаго свѣта. Въ бездонной выси поплыли серебристыми грядами бѣлогрудыя облачка. Наконецъ, мы увидѣли солнце, которое было скрыто отъ насъ въ теченіи цѣлой недѣли. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ, заливавшемъ берега струившейся волной, самыя опасности не были такъ страшны, какъ въ ненастье. Отдохнувшіе и обсохнувшіе люди молодецки срывали поносныя, точно стараясь наверстать столько потерянаго даромъ времени.

До Кумыша мы уже встрѣтили нѣсколько разбитыхъ барокъ. Одна изъ нихъ была подрѣзана льдомъ. Нѣсколько утопленниковъ лежали на берегу подъ рогожкой. Одного откачивали на разостланныхъ зипунахъ. Бѣлое тѣло мертвымъ движеніемъ перекатывалось въ рукахъ качавшихъ, а русая голова болталась въ тактъ раскачиваній.

— Царствіе небесное упокойничку...

Впечатлѣніе отъ второго „упокойника“ не было такъ сильно, какъ отъ перваго. Бурлаки отнеслись къ нему совершенно пассивно [1]), какъ къ самому заурядному дѣлу. Да оно и понятно: теперь на баркѣ исключительно работали пристанскіе и заводскіе бурлаки, которые насмотрѣлись на своемъ вѣку на всякихъ „упокойниковъ“. Немного ниже убитой барки намъ пришлось

[1]) Равнодушно.

„отуриться“ подъ бойцомъ, т. е. идти дальше кормой впередъ, что иногда дѣлается въ опасныхъ мѣстахъ. Барка была на волосокъ отъ гибели и только присутствіе духа и находчивость Савоськи спасли ее. Лупанъ тоже отурился, а Пашка потерялъ кормовое поносное. Передъ самымъ Кумышемъ мы набѣжали еще на двѣ убитыхъ барки. Картина была таже, что и раньше: отъ барки выставлялась только крыша, на берегу собрались кучками бурлаки, лежало нѣсколько „упокойничковъ“ и т. д.

— Вотъ и Кумышъ!—послышались голоса, когда впереди на берегу показалась небольшая деревня.

— Ни единой живой души во всей деревнѣ нѣтъ, — проговорилъ Савоська. — На сплавъ ушли?—Мужики на сплаву, а остальной народъ убѣжалъ къ бойцамъ... Много, надо полагать, тамъ убившихъ барокъ.—Бойцы, расположенные за деревней Кумышемъ, представляютъ послѣднюю каменную преграду, съ какой борется Чусовая. Старикъ Уралъ напрягаетъ здѣсь послѣднія силы, чтобы загородить дорогу, убѣгающей отъ него, горной красавицѣ. Здѣсь Чусовая окончательно выбѣгаетъ изъ камней, чтобы дальше разлиться по широкимъ поемнымъ лугамъ. Въ камняхъ она едва достигаетъ 50 саженъ ширины, а къ устью разливается саженъ на 300. — Съ коня долой! — скомандовалъ Савоська, когда издали послышался глухой шумъ. На баркѣ давно стояла мертвая тишина; теперь всѣ головы обнажились и посыпались усердные кресты. Народъ молился отъ всей души той

теплой, хорошей молитвой, которая равняетъ всѣхъ въ одно цѣлое—и хорошихъ, и дурныхъ, и злыхъ, и добрыхъ. Шумъ усиливался: это ревѣлъ Молоковъ.

— Постарайтесь, братцы... носъ налѣво! Похаживай, молодцы, веселенько... Сильно гораздо ударь носъ-отъ!!! Милые, постарайтесь!

Подъ Молоковымъ и Разбойникомъ рѣка дѣлаетъ два послѣдовательныхъ оборота, причемъ бойцы стоятъ въ углахъ этихъ поворотовъ, и струя бьетъ прямо на нихъ съ бѣшеной силой. Скоро мы завидѣли и Молоковъ. Это была громадная скала, стоявшая къ верховьямъ рѣки покатымъ ребромъ, образуя наклонную плоскость, по которой вода взбѣгала пѣнящимся валомъ на нѣсколько саженъ и съ ужаснымъ ревомъ скатывалась обратно въ рѣку, превращаясь въ бѣлую пѣну. Вся рѣка подъ Молоковымъ представляла бѣлую вспѣненную массу, точно кипящее молоко, отсюда и названіе бойца Молоковъ. Другимъ ребромъ боецъ выступалъ въ рѣку, точно выдвигая каменный таранъ. Отброшенная скалой вода пересѣкаетъ рѣку наискось вплоть до противоположнаго берега, образуя цѣлую гряду ревущихъ майдановъ; они далеко бѣгутъ внизъ по рѣкѣ, точно стадо бѣлыхъ овецъ. Сила движенія воды здѣсь настолько велика, что за бойцомъ образуется суводь, т. е. вода тихимъ токомъ медленно возвращается къ бойцу, что можно замѣтить по плывущей вверхъ по рѣкѣ пѣнѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны страшная гряда майдановъ, а рядомъ съ ней совершенно тихая полоса суводи. Получается поразительный

контрастъ, рѣзко обозначенный водянымъ рубцомъ. Трудность прохода водъ Молоковымъ заключается въ слѣдующемъ: водяная струя бьетъ прямо въ скалу, дѣлая здѣсь уголъ и идетъ къ слѣдующему бойцу, Разбойнику; барка должна пересѣчь эту струю подъ Молоковымъ въ самомъ углѣ, чтобы дальше попасть въ суводь. Если она этого не успѣетъ сдѣлать и попадетъ на майданы, ее неудержимо унесетъ прямо на Разбойника. Чтобы не попасть ни на первый, ни на второй боецъ, баркѣ приходится перерѣзать рѣку въ косомъ направленіи, съ одного мыса на другой, причемъ ей необходимо переваливать черезъ рубецъ. Но разстояніе между бойцами всего двѣ версты, и барка не въ состояніи при условіяхъ своего движенія и при страшной быстротѣ теченія, во-время перерѣзать струю за первымъ бойцомъ, если не перебьетъ ее передъ самымъ бойцомъ. Получается роковая дилемма: если барка пройдетъ далеко отъ перваго бойца и не перерѣжетъ струи въ углѣ, она разобьется о второй боецъ; если барка не побоится бойца, то какое-нибудь одно просчитанное мгновеніе— и она въ щепы разобьется о каменный выступъ. При мѣрной водѣ эта мудреная задача разрѣшается сравнительно легче, но при высокой все зависитъ отъ сплавщика: нужно имѣть крѣпкую душу, чтобы не дрогнуть, когда на васъ понесется боецъ... Именно въ такихъ боевыхъ мѣстахъ начинаетъ казаться, какъ при всякомъ быстромъ движеніи, что не самъ движешься, а все кругомъ летитъ мимо тебя съ увеличивающейся, захватывающей духъ, скоростью.

— Три убившихся барки... — прошепталъ Савоська, вглядываясь въ бѣжавшій навстрѣчу боецъ.—И заплавни выброшены на берегъ... Лупанъ пробѣжалъ, кажется, благополучно.

Около самыхъ опасныхъ бойцовъ, какъ Косой, Бражка, Владычный, Волеговъ, Узенькій, Дужной, Кирпичный, Печка, Мултыкъ, Горчакъ, Молоковъ и Разбойникъ, въ воду спускаются деревянные брусья, составленные изъ четырехъ восьми-вершковыхъ бревенъ. Они огораживаютъ боецъ подвижной деревянной рамой, которая укрѣпляется къ скалѣ деревянными пружинами, т. е. громадными брусьями, которые при ударѣ барки о заплавни нѣсколько подаются къ бокъ и этимъ уменьшаютъ силу удара.

Такіе заплавни нѣсколько предохраняютъ барки отъ крушеній, но при высокой водѣ первая, налетѣвшая на боецъ, барка ломаетъ ихъ и даже выбрасываетъ на берегъ. Когда мы подходили къ Молокову, заплавни не дѣйствовали: пружины были сломаны, и брусья лежали на берегу.

Наша барка подходила къ бойцу въ мертвомъ молчаніи. Майданы ревѣли все сильнѣй. Въ воздухѣ висѣла водяная пыль, садившаяся на лицо паутиной. Съ каждымъ мгновеніемъ, разстояніе между баркой и бойцомъ дѣлалось все меньше и меньше. Можно было разсмотрѣть всѣ впадины и трещины на ожидавшей насъ скалѣ. Бурлаки прильнули къ поноснымъ; ни одного звука, ни одного движенія. Савоська застылъ на своей скамеечкѣ въ одной позѣ и не сводитъ глазъ съ шестика, который укрѣпленъ на носу

нашей барки, какъ прицѣлъ на ружьѣ. Вотъ барка врѣзалась носомъ въ клокочущую гряду майдановъ и тяжело колыхнулась, точно ее подхватили тысячи могучихъ рукъ и понесли на боецъ. До страшнаго выступа всего нѣсколько саженъ; чувствуешь, какъ холодѣетъ внутри, въ глазахъ рябитъ... Чувство ужаса овладѣваетъ всѣми одинаково; сознаніе едва теплится. Нѣтъ, скорѣе что-нибудь одно: или конецъ, или счастливый исходъ, только не эти страшныя мгновенія страшнаго ожиданія. Кажется, что все погибло, спасенія нѣтъ... Вонъ сосенка на скалѣ, а тамъ на берегу мелькаютъ какіе-то люди. Гребни волнъ обдаютъ палубу дождемъ брызгъ...

Въ какомъ-то полуснѣ слышишь сорвавшуюся команду, когда до бойца остается всего нѣсколько аршинъ, поносныя съ страшной силой падаютъ въ воду, поднимаются, опять падаютъ... Барка повернулась къ бойцу бокомъ и прошла отъ него всего на разстояніи какихъ-нибудь шести четвертей, но вѣдь это всего одно мгновеніе, и не хочется вѣрить, что опасность промелькнула, какъ сонъ, и такъ же быстро теперь бѣжитъ отъ насъ, какъ давеча бѣжала навстрѣчу. Мы въ суводи, барка плыветъ ровно, навстрѣчу подымаются по рѣкѣ клочья пѣны. Впереди двѣ исковерканныхъ массы, около которыхъ бурлитъ вода: это убившія барки. На берегу десятки людей, которые разбились на отдѣльныя кучки. Всѣ смотрятъ на боецъ, къ которому теперь бѣжитъ Пашка.

— Охъ, Пашка не ладно отработываетъ отъ камня!..—какъ-то застоналъ Савоська, огляды-

ваясь назадъ.—Нѣтъ, не пересѣкаетъ струю... Пашкина барка прошла дальше нашей отъ Молокова и попала на майданы. Видно, какъ бѣгаетъ по палубѣ водоливъ со своей наметкой. Поносныя судорожно загребаютъ воду, но струя отбрасываетъ барку каждый разъ, когда она хочетъ перевалить черезъ рубецъ въ суводь.—Шабашъ, подъ Разбойникомъ зарѣжетъ барку! говоритъ Савоська, махнувъ рукой.—Сила не беретъ...

Хорошіе сплавщики рѣдко обвиняютъ другихъ сплавщиковъ въ неудачахъ, а стараются свалить вину на что-нибудь другое. Но намъ теперь не до Пашки, а до себя. Двѣ версты промелькнули въ пять минутъ и впереди уже встаетъ знаменитый боецъ, — Разбойникъ, который подымаетъ свою каменную голову на 50 саженъ кверху и упирается въ рѣку роковымъ острымъ гребнемъ. „Похаживай, молодцы!“ покрикиваетъ Савоська, когда барка начинаетъ подходить къ мысу.

Когда мы вернулись изъ-за мыса и полетѣли на Разбойника, нашимъ глазамъ представилась ужасная картина: барка Лупана быстро погружалась однимъ концомъ въ воду... Палуба отстала: изъ-подъ нея съ грохотомъ и трескомъ сыпался чугунъ; обезумѣвшіе люди соскакивали съ борта прямо въ воду... Крики отчаянія тонувшихъ людей перемѣшались съ воемъ рѣки.—О чужую, убившую барку, Лупанъ убился,—объяснилъ Савоська. Дѣйствительно, изъ-за барки Лупана теперь можно было разсмотрѣть расщепанную корму другой барки, на которой уже никого не было. Намъ пришлось пройти рядомъ

съ тонувшей баркой Лупана, которую тихо заворачивало кормой внизъ. Нѣсколько человѣкъ бурлаковъ успѣли перескочить къ намъ; какой-то несчастный старикъ поскользнулся и упалъ въ воду, гдѣ и скрылся сейчасъ-же подъ захлеснувшей его волной. Самъ Лупанъ оставался на баркѣ и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отвязывалъ прикрѣпленную къ борту неволю. Нѣсколько черныхъ точекъ ныряло въ водѣ,—это были спасавшіеся вплавь бурлаки. Рѣдкій изъ нихъ не тащилъ за собой своей котомки въ зубахъ. Разстаться съ котомкой для бурлака настолько тяжело, что онъ часто жертвуетъ изъ-за нея жизнью: барка ударилась о боецъ и начинаетъ тонуть, а десятки бурлаковъ, вмѣсто того, чтобы спасаться вплавь, лѣзутъ подъ палубы за своими котомками, гдѣ часто ихъ и заливаетъ водой.

Мы пробѣжали мимо Разбойника совсѣмъ благополучно. За Разбойникомъ весь берегъ былъ усыпанъ бурлаками съ убившихся здѣсь барокъ, которыхъ насчитывали больше десятка. Нѣсколько утонувшихъ бурлаковъ лежали на берегу, двоихъ откачивали на холстахъ, которые притащили бабы изъ Кумыша. Среди большихъ покойниковъ выдавался только трупъ мальчика лѣтъ двѣнадцати. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку съ голыми ногами, въ одной розовой ситцевой рубашкѣ, точно спалъ. Вѣроятно, это былъ ученикъ сплавщика. Три бабы стояли около него и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на бездушное дѣтское тѣло. А солнце такъ весело освѣщало весь берегъ и Чусовую.

— Вонъ Пашка летитъ на боецъ...

Я оглянулся. Пашка дѣйствительно прямо бѣжалъ на роковой гребень. Бурлаки выбивались изъ силъ, работая поносными. Издали казалось, что по палубамъ каталась какая-то сѣрая волна, точно барка дѣлала конвульсивныя [1]), движенія, чтобы избѣжать рокового удара. Но все напрасно: еще одно мгновеніе—и барка Пашки врѣзалась однимъ бокомъ въ выступъ скалы, послышался трескъ ломавшихся досокъ, крикъ людей, грохотъ сыпавшагося чугуна, а поносныя продолжали все еще работать, пока не сорвало переднюю палубу вмѣстѣ съ поносными и людьми, и все это не поплыло по рѣкѣ невообразимой кашей. Доски, люди, бревна—все смѣшалось въ живую кучу, которая барахталась и ползла подъ бойцомъ, какъ раздавленное пятидесятиголовое насѣкомое.

Отъ берега къ бойцу плыли косныя лодки, чтобы спасать погибающихъ.

— Эка страсть, милостивый Господь! шепчетъ кто-то въ ужасѣ.—Народичку сколько помретъ по-за-напрасну!..

Съ такими-то опасностями сплавляли еще недавно уральскій металлъ по Чусовой. Теперь это дѣлается иначе. Барка въ настоящее время идетъ „на лотахъ“, т.-е. съ ея кормы спускается въ опасныхъ мѣстахъ на дно рѣки чугунное грузило,—лотъ, въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ, привязанное на цѣпи или на канатѣ. Какъ только опустятъ грузило, барка сейчасъ

---

[1]) Судорожныя.

же начинаетъ двигаться тихо, какъ бы ни была велика стремительность теченія, если мало одного лота, спускаютъ другой. Такимъ образомъ управленіе ходомъ барки дѣлается нетруднымъ и несчастій на бойцахъ не случается. Дальше, по Камѣ и Волгѣ, барки плывутъ безпрепятственно, а въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, металлъ продается и оттуда расходится по всей Россіи, по городамъ, селамъ, деревнямъ.

Замѣчательныя мѣста въ Приуральскомъ краѣ.

Капова пещера въ южномъ Уралѣ.

Когда я былъ еще на Бѣлорѣцкомъ заводѣ [1]), мнѣ говорили, чтобы я, плывя по Бѣлой, не забылъ посмотрѣть *Капову пещеру*, которая будетъ у меня на пути. На этотъ случай мнѣ дали свертокъ смоленой веревки, чтобы она могла служить мнѣ факеломъ. Мои гребцы много разъ плавали по Бѣлой весною съ барками и знали отлично ея берега. Они знали также и Капову пещеру.

Разъ днемъ мы плыли возлѣ высокой известковой горы, на которой щетинился темный лѣсъ.

— Вотъ здѣсь Капова пещера,—сказалъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ.

Мы причалили къ берегу, намѣреваясь провести на немъ цѣлый день, развели огонь на небольшой луговинѣ у рѣки и я сталъ сбираться

---

[1]) Чугунно-желѣзный, находится недалеко отъ верховья рѣки Бѣлой.

посѣтить пещеру. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ пожилой человѣкъ, съ сильною просѣдью въ волосахъ, серьезный и дѣловитый. Онъ былъ раскольникъ, не курилъ табаку и былъ преисполненъ кучей предразсудковъ. Другой—молодой, безпечный и веселый малый, высокій, съ могучими плечами, напротивъ, былъ чуждъ предразсудковъ и постоянно стремился къ знанію. Понятно, что первый ни за что не хотѣлъ провожать меня въ пещеру и остался у огня готовить чай; я отправился съ молодымъ.

Скоро подошли мы ко входу въ пещеру, имѣвшему видъ неправильнаго углубленія въ скалѣ. Входимъ. Мы очутились въ красивой, свѣтлой пещерѣ, имѣвшей форму круглой комнаты. Посреди нея было маленькое углубленіе въ почвѣ, налитое до самыхъ краевъ прозрачною, чистою водой, на днѣ которой виднѣлся каждый камешекъ. Нѣсколько рыбокъ играли въ его свѣтлыхъ водахъ. Очевидно, что рѣка Бѣлая заливаетъ въ половодье эту пещеру и что ея воды остались въ этомъ естественномъ резервуарѣ.

Въ глубинѣ пещеры виднѣлось темное отверстіе. Мы зажгли нашъ факелъ и полѣзли въ него. Смотримъ—мы попали въ огромную подземную залу, столь высокую, что свѣтъ факела едва озарялъ ея черные своды. Вся почва этой пещеры была завалена чудовищными глыбами мокраго камня и такія же глыбы висѣли высоко на потолкѣ, готовыя, кажется, рухнуть ежеминутно отъ каждаго сотрясенія воздуха. Ужасъ охватилъ насъ обоихъ, когда мы хорошенько

всмотрѣлись въ это подземелье. Неподвижно стояли мы на скользкомъ камнѣ, на который вскарабкались, и молча оглядывали обширные своды. Въ это время отчаянные и дикіе вопли внезапно огласили пещеру и заставили насъ содрогнуться. Оказалось, что мой сеттеръ какъ-то ушелъ отъ старика, разыскалъ меня по слѣду и забрался въ пещеру, но, попавъ между ея камнями, испугался и завылъ.

— Пойдемъ назадъ,—сказалъ шопотомъ мой спутникъ.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ я тѣмъ же шопотомъ, чувствуя, что мое сердце сжимается отъ страха.

Мы полѣзли опять въ первую, свѣтлую пещеру, а изъ нея вышли наружу. Старикъ уже вскипятилъ воду, заварилъ чай и ждалъ насъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ, когда мы вернулись:—были въ пещерѣ?

Я разсказалъ ему все, что мы видѣли, и онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, покачивая головою. Очевидно было, что онъ считалъ мѣсто нечистымъ.

Напившись чаю, мы почувствовали себя какъ-то гораздо смѣлѣе и рѣшили пойти еще разъ въ пещеру, но съ тѣмъ, чтобы пробраться въ нее подальше, не боясь ничего. Собаку я привязалъ и поручилъ самому строгому надзору.

Опять очутились мы въ высокой мрачной пещерѣ и, преодолѣвая невольный страхъ, высоко держа факелъ надъ головами, медленно стали подвигаться впередъ, причемъ я замѣчалъ

направленіе по моему дорожному компасу. Камни были сыры и скользки, иные изъ нихъ качались подъ ногами, а наверху висѣли такіе же камни. Сперва было очень страшно,—такъ страшно, что мы ежеминутно останавливались и шопотомъ совѣщались, идти-ли дальше,—но понемногу мы свыклись съ этой подземной обстановкой, стали меньше бояться, начали уже разговаривать громко, а не шопотомъ, какъ прежде, и прислушивались къ глухимъ откликамъ эхо, которое замирало подъ высокими сводами пещеры. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ камней не было подъ ногами, а почву покрывалъ мокрый известковый песокъ, я замѣтилъ слѣды чьихъ-то крупныхъ когтей,—медвѣжьихъ, какъ намъ показалось. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ медвѣдь приходилъ сюда когда-нибудь, можетъ быть, онъ зимовалъ здѣсь, можетъ быть, наконецъ, онъ и теперь лежитъ гдѣ-нибудь, притаившись между глыбами камня? Такая мысль опять испугала меня, и я сталъ уже робко оглядывать камни и черные промежутки между ними при свѣтѣ нашего факела. Но мой спутникъ совсѣмъ расхрабрился. Онъ запѣлъ пѣсню во весь голосъ, и удалая русская пѣсня наполнила своими звуками мрачную могилу, въ которой мы были. Безпечная храбрость этого человѣка подѣйствовала на меня заразительно, и я спросилъ у него:

— Не пойти ли намъ дальше, поискать ходы въ другія пещеры?

Онъ согласился, и мы скоро открыли лазейку въ другую пещеру, еще болѣе обширную, а изъ той въ третью, четвертую... Казалось, что пе-

щерамъ и конца нѣтъ, ибо въ какую бы мы ни входили, въ ней чернѣло нѣсколько выходовъ, которые вели все въ новыя и новыя огромныя по размѣрамъ залы. По всей вѣроятности, онѣ шли одна за другой на цѣлыя версты подъ землей. Иногда мы замѣчали отверстія въ стѣнахъ, чернѣвшія очень высоко надъ нашими головами: то были, очевидно, ходы еще въ новыя, верхнія подземныя залы. У одного изъ такихъ отверстій стояла длинная полуистлѣвшая деревянная лѣстница, и я въ раздумьи остановился возлѣ нея. Кто былъ здѣсь до насъ? Какой любознательный человѣкъ посѣщалъ и изслѣдовалъ эти пещеры, о которыхъ едва-ли кто слышалъ даже? Можетъ-быть, переходя изъ пещеры въ пещеру, можно найти въ нихъ что-либо достойное глубокаго вниманія, и не скрыты ли здѣсь какіе-либо полезные человѣку предметы?

Я строго замѣчалъ по компасу направленіе, котораго мы держались, и зорко слѣдилъ за количествомъ смолистой веревки, еще оставшимся въ нашемъ распоряженіи. Заблудись мы въ этомъ подземномъ лабиринтѣ или лишись факеловъ,—мы, безъ всякаго сомнѣнія, погибли бы самою ужасною смертью, какую только можно вообразить. Кто услыхалъ бы наши крики? А еслибъ оставшійся на берегу старикъ захотѣлъ спасти насъ, то развѣ могъ бы онъ это сдѣлать, не зная въ какую изъ безчисленоыхъ пещеръ зашли мы?

— Есть у тебя спички?

— Есть,—отвѣчалъ онъ?

— Такъ давай потушимъ факелъ и посмотримъ, что будетъ.

— Что-жъ, давайте потушимъ.

И, не освѣдомясь предварительно, не выпали ли спички изъ кармана, не отсырѣли-ли онѣ въ спертомъ влажномъ воздухѣ подземелья, можно-ли зажечь ихъ о пропитанную сыростью одежду, онъ быстро потушилъ факелъ.

— Что ты сдѣлалъ,—воскликнулъ я измѣнившимся голосомъ.—Можетъ-быть твои спички отсырѣли и не зажгутся.

Но онъ вынулъ изъ кармана спичечницу и чиркнулъ спичкой. Она тотчасъ-же загорѣлась. Я вздохнулъ свободно.

— Ну, теперь подожди зажигать. Останемся въ потьмахъ и будемъ молчать. Да не урони спичекъ.

Мы остались въ совершенномъ мракѣ и затихли. Это было что-то въ родѣ могилы. Ни свѣта, ни звука, ни ощущенія, даже мысли какъ-то прекратили свое обычное теченіе. Ни міръ для насъ, ни мы для міра не существовали. Одно только говорило намъ, что мы еще не простились съ земнымъ бытіемъ: то были капли воды, которыя капали съ высокихъ сводовъ пещеры и неестественно громко стукались о камни. Я понялъ, почему пещера названа „Капповой“.

Мы зажгли факелъ и стали потихоньку пробираться назадъ. Привыкшіе къ мраку глаза яснѣе различали подробности подземелья, и въ одной пещерѣ я увидѣлъ маленькіе известковые сталактиты, висѣвшіе, какъ ледяныя сосульки,

на темномъ сводѣ. Мѣткими ударами камней мы сшибли нѣсколько такихъ сталактитовъ, и я взялъ ихъ съ собою на память.

Пробираясь изъ одной пещеры въ другую, я иногда колебался, и мнѣ казалось, какъ будто мы сбились съ пути, причемъ мой товарищъ смущалъ меня еще больше, увѣряя, что нужно взять правѣе, что мы идемъ не въ ту сторону. Однакожъ, я рѣшительно объявилъ ему, что вѣрю больше своему компасу, хотя тайное безпокойство щемило мнѣ сердце. Мы оба молчали.

Наконецъ, вдали засвѣтился голубой огонекъ: то свѣтъ дня сіялъ въ узкомъ выходѣ. Нельзя передать того восторга, какой я почувствовалъ, завидя свѣтъ этотъ. Да, нужно лишиться его хоть на время, нужно хоть на полчаса усумниться въ томъ, что увидишь его, чтобы оцѣнить, какъ онъ дорогъ намъ. Веселые, радостные вышли мы, послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ могильномъ мракѣ, на живописный, усыпанный цвѣтами берегъ рѣки Бѣлой, гдѣ щебетали птицы, журчали волны быстраго потока и ярко блестѣли лучи вечерняго солнца. Никогда не испытывалъ я такой полноты счастья, никогда не любилъ такъ жизни, какъ въ эти минуты.

Старикъ давно, съ нетерпѣніемъ, ждалъ насъ и ужъ началъ тревожиться за насъ. Зато сколько интересныхъ разсказовъ принесли мы ему въ награду?

Мы ночевали здѣсь, у входа въ Кàпову пещеру, и долго за полночь текла наша бесѣда при слабомъ потрескиваніи костра, который одинъ, вмѣстѣ съ тихимъ журчаніемъ Бѣлой,

струившейся по камнямъ, нарушалъ глубокую тишину теплой іюльской ночи. На утро мы поплыли дальше.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого наши жизненные припасы сильно истощились; часть изъ нихъ мы уже съѣли, часть попортилась отъ жары. Кромѣ того мои сапоги отъ постояннаго лазанья по камнямъ и по скалистымъ выступамъ горъ совершенно развалились. Я не зналъ, какъ мнѣ быть, и просилъ совѣта у моихъ спутниковъ.

— А вотъ тутъ недалеко будетъ большая деревня, верстахъ въ семи отъ рѣки, —отвѣчалъ одинъ изъ нихъ:—тамъ мы всего достанемъ.

Дѣйствительно, скоро мы остановились. Мой спутникъ, помоложе, ушелъ въ деревню, а я, по обыкновенію принялся рыскать по окрестностямъ.

Къ вечеру мы всѣ собрались у лодки. Провизіи: яицъ, хлѣба, творога и еще чего-то, ужъ не вспомню, было принесено въ изобиліи; явились даже сапоги—грубые, снятые съ чьихъ-то ногъ, но за то просторные, безъ каблуковъ, подбитые здоровыми желѣзными гвоздями. Я стащилъ свои искривившіеся оборвыши и съ удовольствіемъ надѣлъ сапоги, уже успѣвшіе принять форму чьихъ-то большихъ и сильныхъ ногъ. Но всего страннѣе было то, что скудное количество денегъ, которое я далъ на расходы, было возвращено мнѣ въ совершенной цѣлости, исключая платы за сапоги. За провизію не было заплачено ни копейки.

— Какъ же это?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Гдѣ ты досталъ всѣ эти припасы?

Оказалось, что всему причиной было наше посѣщеніе Кàповой пещеры. У окрестныхъ крестьянъ существуетъ повѣрье, будто бы небольшіе сталактиты, висящіе тамъ наверху, имѣютъ сильное цѣлебное дѣйствіе, отъ какой именно болѣзни, теперь не могу вспомнить. Доставать же ихъ изъ пещеры они не рѣшаются, и вотъ узнавъ отъ моего посланнаго о нашемъ пребываніи въ пещерѣ и о нѣсколькихъ сталактитахъ, бывшихъ съ нимъ, они неотступно стали просить продать имъ ихъ. Такимъ образомъ, совершена была эта очень выгодная для насъ мѣна: за нѣсколько кусковъ сталактитова камня мы получили провизіи чуть ли не на недѣлю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	3— 4
I. Природа Приуралья.	
Общій очеркъ Приуральскаго края (по статьямъ Меча, Семенова, Мамина-Сибиряка и Овсянникова)	5— 14
Оренбургская губернія (Аксакова)	14— 17
Ледоходъ на Чусовой (изъ соч. Мамина-Сибиряка) . . .	17— 19
Путешествіе чрезъ Уралъ по желѣзной дорогѣ (Носилова).	19— 22
Зимній день въ Оренбургской губерніи (Аксакова) . . .	23— 27
Буранъ (его же)	27— 35
Естественныя богатства Приуральскаго края (по статьямъ Елисѣева, Меча, Лебедева и Овсянникова) .	35— 44
II. Населеніе Приуральскаго края.	
Пермяки (по статьѣ Добротворскаго)	45— 73
Вотяки (по статьямъ Луппова и Кошурникова)	74— 84
Башкиры (по статьѣ Алекторова)	84— 97
Мещеряки (изъ сборника «Народы Россіи»)	97—105
Тептяри (оттуда же)	105—112
Преподобный Трифонъ, просвѣтитель вотяковъ, устроитель первыхъ вятскихъ монастырей (по соч. Филарета, архіепископа черниговскаго)	113—119
Преподобный Симеонъ верхотурскій (его же)	120—122
III. Промыслы Приуральскаго края.	
Охота на Уралѣ (по статьямъ Овсянникова и Меча) . .	123—132
Въ тагильскомъ мѣдномъ рудникѣ (изъ соч. Немировича-Данченко)	132—139
Обработка руды и промывка золота на Уралѣ (соч. Меча).	140—147
Спускъ барокъ по Чусовой (Мамина-Сибиряка)	147—150
Бойцы на Чусовой (его же)	150—161
IV. Замѣчательныя мѣста Приуральскаго края.	
Капова пещера въ Южномъ Уралѣ (соч. Меча)	162—170

ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ
МАСШТАБЪ
АНГЛ. ДЮЙМЪ 175 ВЕРСТЪ.
0 25 50 75 100 125 150 175 350
ЧЕРДЫНЬ
КАЙ
СОЛИКАМСКЪ
ВЕРХОТУРЬЕ
ПЕРМЬ
ВЯТКА
СЛОБОДСКОЙ
ОРЛОВЪ
КОТЕЛЬНИЧЪ
ГЛАЗОВЪ
УКАНЪ
НОЛИНСКЪ
ЯРАНСКЪ
УРЖУМЪ
ЦАРЕВОКОКШАЙСКЪ
МАЛМЫЖЪ
САРАПУЛЪ
КАЗАНЬ
СВІЯЖСКЪ
ЛАЙШЕВЪ
ЕЛАБУГА
КРАСНОУФИМСКЪ
ЗЛАТОУСТЪ
ЧЕЛЯБИНСКЪ
УФА
БЕЛЕБЕЙ
ТРОИЦКЪ
ОРЕНБУРГЪ
ИЛЕЦКЪ
КАМЫШЛОВЪ
ИРБИТЪ
ЕКАТЕРИНБУРГЪ
ВОТКИНСКІЙ З.
ИЖЕВСКІЙ З.
ВАРОЖЪ
ЧУСОВАЯ
ТУРЬИНСКІЙ РУДНИКЪ
БОГОСЛОВСКІЙ З.
ДЕДЮХИНЪ
УСОЛЬЕ
КЫНОВСКІЙ З.
ВЕРХНЯНСКІЙ З.
БЕЛОЯРСКОЕ
ИЛЕКСКІЙ З.
ОТЪ ПУЛКОВА
ОТЪ ФЕРРО

„Приходская библіотека".

(Книги для народнаго чтенія и для школьныхъ библіотекъ).

Редакція **В. И. Шемякина.**

I. Отдѣлъ церковный.

коп.

1. **Псалтирь съ толкованіемъ,** для народнаго чтенія. 30
2. **Тоже.** Томъ II 30
3. **Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской.** Сост. проф. В. Пѣвницкій. Томъ I 30
4. **Тоже.** Томъ II 30
5. **Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Сост. П. Петрушевскій. Томъ I. Съ рисунками и картою 40
6. **Тоже.** Томъ II 30
7. **Тоже.** Томъ III 30
8. **Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія.** Часть I. 30
9. **Тоже.** Часть II 30
10. **Преподобный Сергій Радонежскій Чудотворецъ.** Съ рисунками . 30
11. **Святитель Стефанъ Пермскій,** съ рисунками 20
12. **Бесѣды пастыря.** Прот. І. Наумовича 30
13. **Свѣточи христіанства.** Соч. протоіерея М. И. Хитрова 30

II. Отдѣлъ историческій.

1. **Главнѣйшія событія Русской Исторіи.** Сост. А. Поповъ. Томъ I-й: отъ начала русской Исторіи до нашествія татаръ (862—1224). 30
2. **Тоже.** Томъ II-й. Отъ нашествія татаръ до Іоанна III Васильевича (1224—1462) 30
3. **Тоже.** Томъ III-й: Отъ вступленія на престолъ Іоанна III-го до кончины Ѳеодора Іоанновича (1462—1598) 30
4. **Тоже.** Томъ IV-й: Смутное время. Первые цари изъ дома Романовыхъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (1598—1670) 30
5. **Тоже.** Томъ V-й: Петръ Великій. Съ портретомъ Петра Великаго и 11-ю рисунками 30
6. **Подвижники и страдальцы за землю русскую.** Сост. свящ. М. Едлинскій 30
7. **Тоже.** Томъ II 30
8. **Тоже.** Томъ III. 30
9. **Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.** Сост. проф. И. И. Малышевскій. Томъ I 30
10. **Тоже.** Томъ II 30
11. **Никонъ святѣйшій патріархъ всероссійскій.** Сост. Г. Георгіескій. 30
12. **Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ** Сост. Г. Георгіевскій 30

III. Отдѣлъ Географическій.

1. **Русская земля.** Томъ I. Сѣверный край. Сост. Поддубный. Съ картою 30
2. **Тоже.** Томъ II. Озерный край. Сост. Поддубный. Съ картою . 30
3. **Тоже.** Томъ III. Волга-Матушка. Сост. Н. Благовидовъ. Съ картой. 40
4. **Тоже.** Томъ VI. Приуральскій край. Сост. П. Н. Луповъ. Съ картою 30
5. **Тоже.** Томъ V. Очерки Малороссіи съ рисунками и картою . 30
6. **Тоже.** Томъ VI. Привислянскій край. По Весину, сост. Я. И. Рудневъ. Съ рисунками и картою 30

коп.

7. **Тоже.** Томъ VII. Бѣлорусско-Литовское полѣсье. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ картою 30
8. **Тоже.** Томъ VIII. Центральная промышленная область. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ рисунками и картою 30
9. **Тоже.** Томъ IX. Степной край. Сост. Я. И. Рудневъ съ картою. 40
10. **Москва.** Ея святыни и памятники. Съ рисунками 30

IV. Отдѣлъ литературный.

1. **І. Наумовичъ,** протоіер. **Псалтырникъ.** Повѣсть 20
2. **Его-же. Четыре путеводителя доброй жизни** 20
3. **Его-же. Сироты** 20
4. **Его-же. Завѣтныя три липы** 20
5. **Его-же. Максимъ-Богачъ.** Съ рисунками 30
6. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина** Томъ I. Съ портретомъ А. С. Пушкина, біографіей и объяснительными примѣчаніями, составл. А. Г. Филоновымъ 35
7. **Тоже.** Томъ II. Съ объясненіями А. Филонова 30
8. **Тоже.** Томъ III 30
9. **Басни и Баснописцы.** Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова 25
10. **Народная поэзія.** Былины, пѣсни, духовные стихи. Составилъ А. Оксеновъ 30
11. **Во славу Божію.** Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Составилъ А. Оксеновъ 30
12. **Герои древней Греціи.** Томъ. I. (Иліада). Сост. І. Сениговъ . . 30
13. **Тоже.** Томъ II. (Одиссея). Сост. І. Сениговъ 30
14. **Н. В. Гоголь.** Его жизнь и литературная дѣятельность. Сост. П. В. Смирновскій Томъ I. 35
15. **Тоже.** Томъ II 40
16. **Историческія стихотворенія.** Сост. А. Оксеновъ. Часть I . . . 30
17. **Тоже.** Часть II 40
18. **Жизнь и приключенія Робинзона Крузо.** Соч. Де-Фо. Полный переводъ съ англійскаго М. Съ рисунками въ текстѣ. Томъ I . 30
19. **Тоже.** Томъ II 20
20. **Старецъ Евстаѳій, или воспоминанія моего дѣтства.** Соч. Льва Мелясъ, въ 3 частяхъ. Переводъ съ ново-греческаго О. Л. Съ рисунками 40

V. Отдѣлъ сельско-хозяйственный.

1. **Сельскій огородъ.** Плодовый и ягодный садъ. Съ рисунками Сост. В. Н. Маракуевъ 30
2. **Сельскохозяйственныя бесѣды.** Сост. Ѳ. Тарапыгинъ. Томъ I. Полеводство 30
3. **Тоже.** Томъ II. Скотоводство. Съ рисунками 30
4. **Практическое пчеловодство.** Соч. Кована. Съ рисунками . . . 30

VI. Отдѣлъ музыкально-пѣвческій.

1. **Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія I. Гимны. II. Духовные стихи. III. Пьесы разнаго содержанія. IV. Народныя пѣсни. V. Пѣсни и хоры западныхъ и южныхъ славянъ.—Съ вступительной статьею объ организаціи школьныхъ и народныхъ хоровъ и съ русскимъ перев. славянскихъ пѣсенъ. 75

При выпискѣ полнаго состава „Приходской Библіотеки", въ количествѣ 60 книгъ, цѣна ея (18 руб. 50 коп.) понижается до 15 рублей (20% уступки). На отдѣльныя книги уступка не допускается.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 18 Января 1899 года.